

ИСТОРИЯ

ВОСТОЧНЫХЪ МОНГОЛОВЪ

ВЪ ПЕРІОДЪ ДИНАСТІИ МИНЬ.

1368—1634

(ПО КИТАЙСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ)

Д. ПОКОТИЛОВА

59
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ВЪСТОЧНОВѢДЕНІИ
Академии Наук
СССР

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1893.

г. н. в. 17083

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе	I
Глава I. Царствованіе императора Хунь-у	1
Глава II. Обзорніе сѣверной и сѣверо-западной границъ Китая при династіи Минь	17
Глава III. Царствованіе императоровъ Цзянь-вэнь и Юнь-ло	29
Глава IV. Царствованіе императоровъ Хунь-си и Сюань-дэ и начало царствованія императора Чжэнь-тун'а	46
Глава V. Продолженіе царствованія императора Чжэнь-тун'а	60
Глава VI. Царствованіе императора Цзинь-тай'я	71
Глава VII. Царствованіе императора Тянь-шун'я	85
Глава VIII. Царствованіе императора Чэнь-хуа	99
Глава IX. Царствованіе императора Хунь-чжи и событія на сѣверо- западной границѣ Китая за время 1470—1506 г.	117
Глава X. Царствованіе императора Чжэнь-дэ	141
Глава XI. Царствованіе императора Цзя-цзин'а	150
Глава XII. Царствованіе императора Лунь-цин'а	181
Глава XIII. Царствованіе императора Вань-ли	201
Глава XIV. Правленіе императора Тянь-ци и первые годы правленія императора Чунь-чжэн'а	215
Указатель	219

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вниманіе лицъ, занимавшихся изученіемъ исторіи монголовъ, обращено было, главнымъ образомъ, на наиболее блестящія ея страницы. Интересующія въ частности синологовъ судьбы восточныхъ монголовъ обследованы также только въ главныхъ своихъ частяхъ. Къ такимъ обработаннымъ эпохамъ слѣдуетъ причислить всю исторію завоеваній Чингиса и царствованія его преемниковъ въ Китаѣ до момента паденія юаньской династіи. Обратили на себя вниманіе специалистовъ и болѣе позднія событія, а именно, борьба ойратовъ съ маньчжурами за самостоятельность; при этомъ изучены были событія предшествовавшія этому движенію и непосредственно слѣдовавшія за нимъ. Наконецъ, по разработаннымъ уже источникамъ, мы можемъ составить себѣ довольно опредѣленное представленіе о современномъ распредѣленіи и расселеніи монгольскихъ аймаковъ и объ административномъ ихъ устройствѣ при нынѣшней династіи. Зато съ конца XIV и до начала XVII вв., то есть на протяженіи 250 слишкомъ лѣтъ, въ исторіи восточныхъ монголовъ залегаетъ почти полный непроницаемый мракъ.

Въ самомъ дѣлѣ, — интересуясь этимъ періодомъ, мы обращаемся прежде всего, конечно, къ имѣющимся у насъ двумъ монгольскимъ историческимъ памятникамъ, лѣтописямъ Санань-

сэцэн'а¹⁾ и Алтанъ-тобчи²⁾, и что-же находимъ мы въ нихъ? — Перечисленіе именъ быстро смѣнявшихся монгольскихъ владѣльцевъ, къ которымъ приурочено нѣсколько рассказовъ въ формѣ легендъ, историческій смыслъ коихъ, по непосредственному изученію ихъ изъ монгольскихъ источниковъ, угадать довольно трудно, а частью и совсѣмъ невозможно. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что указанными выше двумя памятниками далеко не исчерпывается запасъ монгольской исторической литературы за указанный періодъ, но сколько бы ни открывали новыхъ лѣтописей и сказаній, всѣ они, несомнѣнно, будутъ отличаться тѣмъ-же эпизодическимъ, легендарнымъ характеромъ.

Связать всѣ подобныя легенды и составить, такимъ образомъ, хотя сколько-нибудь полную картину историческихъ событій за время мин'ской династіи можно только путемъ тщательнаго изученія всѣхъ имѣющихся, по этому предмету, свѣдѣній въ китайскихъ источникахъ; — они одни могутъ дать намъ прочную историческую основу и рядъ достовѣрныхъ фактовъ, краснорѣчивою иллюстраціею коихъ могутъ служить монгольскіе рассказы.

На свѣдѣнія, сообщаемыя о монголахъ въ китайской исторической литературѣ, уже было обращено вниманіе нѣкоторыхъ изслѣдователей. Не говоря уже о работахъ О. Такинова и Тимковскаго, назову здѣсь современный замѣчательный ученый трудъ д-ра Бретшнейдера «Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources» (London, Trübner and Co., 1888) и изысканія В. М. Успенскаго объ исторіи Кукэ-нора³⁾; сюда-же слѣдуетъ

1) Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi d. Ordus, aus dem Mongolischen übersetzt und mit Originaltexten, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken hrsgg. von I. J. Schmidt. St.-Petersburg, 1829.

2) Алтанъ-Тобчи. Монгольская лѣтопись, переведенная ламою Галсанъ-Гомбоевымъ, напечатанная въ VI-й части Трудовъ Восточнаго Отдѣленія И. Археологическаго Общества. Спб. 1858.

3) Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай съ прибавленіемъ краткой исторіи Ойратовъ и Монголовъ, по изгнаніи послѣднихъ изъ Китая, въ связи съ исторіею Кукэ-нора (преимущественно по китайскимъ источникамъ) Спб. 1880 г.

отнести свѣдѣнія о монголахъ, почерпнутыя изъ китайскихъ источниковъ историками de Mailla¹⁾ и De la Magre²⁾. Наконецъ, сводъ всего, что было напечатано въ европейской литературѣ до 1876 года по исторіи монголовъ, мы находимъ у трудолюбиваго и въ высшей степени добросовѣстнаго компилятора Howorth'a въ его «History of the Mongols from the 9th to the 19th century» (London, Longmans Green and Co., 1876). Всѣ труды эти преслѣдуютъ, однако, свои спеціальныя цѣли; а потому все, что говорится въ нихъ о монголахъ и ихъ исторіи за періодъ династіи Минъ, по необходимости, носитъ на себѣ характеръ отрывочности и неполноты.

Задачею моею является пополнить существующій въ этомъ отношеніи пробѣлъ, причемъ я постарался воспользоваться всѣми данными, доставляемыми китайской литературой.

Главнѣйшимъ и основнымъ источникомъ моимъ была лѣтопись династіи Минъ — Минъ-Ши (明史), представляющая собою историческую энциклопедію по всему китайскому востоку за этотъ періодъ времени. Огромный трудъ этотъ, къ составленію коего приступлено было вскорѣ по воцареніи маньчжуровъ, былъ издаваемъ не разъ; я пользовался изданіемъ, отредактированнымъ въ 1739 году.

Изъ Минъ-ши мною переведены цѣликомъ главы, спеціально трактующія о монголахъ и ойратахъ, а также сообщающія историческія данныя о небольшихъ княжествахъ, образовавшихся къ западу отъ провинціи Гань-су (甘肅) и по склонамъ Тянь-шан'я, (天山), судьбы коихъ, за разсматриваемый нами періодъ, были тѣсно связаны съ исторіею монголовъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этихъ отдѣлахъ, дополнены мною изъ погодной лѣтописи жизни отдѣльныхъ императоровъ (Бень-ци 本紀) и изъ біографій выдающихся государственныхъ людей и полко-

1) Histoire Générale de la Chine ou annales de cet empire trad. du Tong-Kien-Kang-mou. Paris, 1779.

2) Histoire de la Dynastie des Ming. Paris, 1865.

водцевъ (Лѣ-чжуань 列傳). Такихъ біографій мнѣ пришлось перевести не менѣе восьмидесяти. Лица знакомыя со способами изложенія, принятыми у китайскихъ историковъ, и съ тою разбросанностью, съ которою сообщаются ими свѣдѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ, поймутъ, что только при такомъ всестороннемъ изученіи матеріала я могъ составить себѣ сколько нибудь опредѣленное представленіе объ интересовавшей меня эпохѣ.

Дополнял я свѣдѣнія, сообщаемыя въ отдѣлахъ Бень-цзи и Лѣ-чжуань Минъ-ши, выдержками изъ изданнаго при мин'скомъ императорѣ Вань-ли (萬曆) (1573 — 1620) сочиненія У-бянь-диль-цзэ (五邊典則), собственно «Уложенія пяти границъ», заключающаго въ себѣ самыя подробныя данныя объ управленіи пограничными областями при мин'ской династіи. Здѣсь собраны въ хронологическомъ порядкѣ какъ распоряженія центральной власти, касающіяся пограничныхъ областей, такъ равно и донесенія губернаторовъ въ Пекинъ съ изложеніемъ ихъ взглядовъ на положеніе пограничныхъ дѣлъ.

Общимъ недостаткомъ во всѣхъ историческихъ трудахъ, составленныхъ по китайскимъ источникамъ, является индифферентность, съ которою авторы ихъ относятся къ точному опредѣленію географическихъ пунктовъ, о коихъ встрѣчается упоминаніе въ китайскихъ текстахъ. Благодаря такому недостатку, читатель не имѣетъ никакой возможности ориентироваться, причемъ неопредѣленными остаются часто не только отдѣльные пункты, а даже цѣлыя области.

Желая составить себѣ, по возможности, ясное представленіе о мѣстностяхъ, гдѣ происходили интересовавшія меня событія, я постарался, прежде всего, обстоятельно ознакомиться со всѣми сѣверными, пограничными съ Монголіею областями Китая, причемъ особенное вниманіе обратилъ на административное дѣленіе ихъ во времена мин'ской династіи. Наиболѣе полная и подробныя свѣдѣнія по этому предмету мнѣ удалось почерпнуть изъ сочиненія Цзю-бянь-юй-ту (九邊輿圖) «Описаніе странъ у

девяти границъ». Трудъ этотъ составленъ былъ впервые еще во времена юань'ской (元) династіи, въ 1320 году. При мин'скомъ императорѣ Цзя-цзин'ѣ (嘉靖) (1522—1567) онъ былъ дополненъ современными свѣдѣніями и въ такомъ увеличенномъ объемѣ сочиненіе это было издано въ 1799 году. Этотъ многовѣковой трудъ, не разъ передѣлывавшійся и дополнявшійся, подробно трактуетъ объ административномъ дѣленіи сѣвернаго Китая при мин'ской династіи. Особеннаго интереса заслуживаютъ въ немъ замѣтки, сдѣланныя въ мин'скомъ изданіи; по нимъ можно судить о воззрѣніяхъ современниковъ на тогдашнее положеніе пограничныхъ дѣлъ.

Для опредѣленія отдѣльныхъ географическихъ пунктовъ, я пользовался историко-географическимъ словаремъ Ли-дай-дили-чжи-юнь-бянь-цзинь-ши (歷代地理志韻編今釋), изданнымъ въ 1836 году. Въ трудѣ этомъ мы находимъ драгоценныя свѣдѣнія о наименованіяхъ однихъ и тѣхъ же мѣстностей при различныхъ династіяхъ; этотъ же въ высшей степени полезный словарь даетъ намъ возможность опредѣлить мѣстонахожденіе старинныхъ, разрушенныхъ городовъ, крѣпостей и пр. Наконецъ для историческихъ и географическихъ справокъ, я постоянно имѣлъ подъ руками Мань-гу-ю-му-пзи (蒙古游牧記), эту наиболѣе полную китайскую энциклопедію по современному монголовѣднію. Приходилось также неоднократно обращаться и къ большимъ официальнымъ географіямъ юань'ской, мин'ской и нынѣшней маньчжурской династій.

Вообще, я постарался, съ возможною полнотою, воспользоваться всѣми источниками, къ которымъ имѣлъ доступъ, причемъ не пренебрегалъ самыми ничтожными свѣдѣніями, если они только могли пролить хоть какой нибудь свѣтъ на ходъ историческихъ событій. При всемъ томъ, какъ увидятъ читатели, остается еще не мало пробѣловъ и неясностей, пополнить и устранить которыя удастся только по открытіи и разработкѣ новыхъ народныхъ монгольскихъ историческихъ и литератур-

ныхъ памятниковъ. Въ этихъ послѣднихъ мы несомнѣнно найдемъ также не мало данныхъ, по которымъ можно будетъ судить о внутренней, духовной жизни монгольскаго народа за періодъ династіи Минь.

Д. Покотилловъ.

С.-Петербургъ, 1 октября 1893 г.

Глава I.

Царствованіе императора Хунь-у (洪武) (1368—1399 гг.).

Конецъ царствованія послѣдняго императора Юань'ской (元) династіи Тогонь-Тэмуръ подробно описанъ какъ въ китайскихъ¹⁾, такъ и въ монгольскихъ²⁾ лѣтописяхъ.

Народное движеніе, начавшееся въ Китаѣ противъ ненавистнаго монгольскаго ига, успѣло къ 1368 году охватить южныя и центральныя провинціи имперіи. Одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ руководителей возстанія, Чжу-юань-чжань (朱元璋), торжественно объявилъ себя императоромъ, династію свою наименовалъ «Минь» (明), а годамъ своего правленія далъ названіе «Хунь-у», т. е. «счастливая война». Въ концѣ того-же 1368 года онъ изъ Нанкина быстро двинулся на сѣверъ. Полководецъ его Сюй-да (徐達), во главѣ Минь'скихъ войскъ, взялъ Пекинъ, и Тогонь-Тэмуръ долженъ былъ бѣжать въ свою лѣтнюю резиденцію, Кайпинъ (開平)³⁾. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, однако, какъ онъ принужденъ былъ, тѣснимый китайскими войсками подъ начальствомъ Чань-юй-чун'я (常遇春), укрыться еще

1) См. Mailla, Histoire Générale de la Chine, т. IX, стр. 652 и слѣд.

2) См. Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen, стр. 122 и сл. Алтань-Тобчи, стр. 48 и сл. (монг. текстъ).

3) Кай-пинъ находился въ области Сюань-хуа-фу (宣化府) въ разстояніи 100 ли отъ теперешняго уѣзднаго города Чи-чэнь-сянь (赤城縣). Ли-дай-ди-ли-чжи.

далѣе на сѣверъ въ городъ Инъ-чанъ (應昌)¹⁾. Здѣсь бѣглому монгольскому владыкѣ удалось прожить нѣсколько долѣе, благодаря раздѣленію силъ, происшедшему въ лагерѣ его противника. Удалившись изъ Пекина, Тогонъ-Тэмуръ не потерялъ надежды отбить у Минъцевъ свою столицу и поручилъ это дѣло своему полководцу Ванъ-бао-бао (王保保)²⁾. Этотъ послѣдній, отстаивавшій, до тѣхъ поръ, сѣверо-западные провинціи Китая, собравъ всѣ войска, которыми могъ располагать, бросился на востокъ, на помощь своему государю. Пользуясь этимъ, непріятель рѣшилъ сдѣлать нападеніе на покинутыя имъ области; Сюй-да и Чанъ-юй-чунъ двинулись на западъ и побѣдоносно прошли провинціи Шань-си (山西) и Шань-си (陝西). Узнавъ объ этомъ движеніи, Ванъ-бао-бао повернулъ обратно и нагналъ китайскую армію уже въ провинціи Гань-су (甘肅), недалеко отъ города Лань-чжоу (蘭州), въ мѣстности Динъ-си (定西)³⁾. По совѣту Чанъ-юй-чуня, Минъцы сдѣлали внезапное нападеніе на лагерь непріятели⁴⁾; произошла страшная рѣзня и захвачено въ плѣнъ до сорока тысячъ монголовъ. Самъ Ванъ-бао-бао, не ожидавшій столь быстрого нападенія, писалъ въ то время донесенія и едва успѣлъ бѣжать въ сопровожденіи 18 всадниковъ⁵⁾. Онъ направился на сѣверъ, переплылъ чрезъ Хуанъ-хэ на обломкѣ дерева и укрылся въ Хэ-нинъ (和寧)⁶⁾. Пораженію этому много способствовала

измѣна нѣсколькихъ монгольскихъ офицеровъ, передавшихъ китайцамъ¹⁾.

Двинувшись на сѣверо-западъ, китайскія войска не оставляли, однако, долго въ покоѣ и Тогонъ-Тэмуръ, стоявшаго, какъ мы уже видѣли, въ Инъ-чанъ. Противъ него отряжены были генералы Ли-вэнь-чжунъ (李文忠) и Пинъ-шэнь (馮勝). Выйдя изъ прохода Цзюй-юнь-гуанъ (居庸關), первый изъ этихъ военачальниковъ вскорѣ достигъ области Синь-хэ-лу (興和)²⁾ и здѣсь, при горѣ Ло-то-шанъ (駱駝)³⁾, произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ монголы потерпѣли сильное пораженіе.

Отсюда китайскій отрядъ двинулся форсированнымъ маршемъ на Инъ-чанъ, и, по дорогѣ туда, Ли-вэнь-чжунъ, узнавъ, что Тогонъ-Тэмуръ умеръ. Сынъ его Ай-ю-ши-ли-да-ла (愛猷識理達臘)⁴⁾ успѣлъ бѣжать съ небольшою свитою въ Хэ-нинъ, но въ руки побѣдителей попали внукъ умершаго Тогона Май-ди-ли-па-ла (買的理八剌)⁵⁾, а также его жены, множе-

стр. 122, прим. № 304 и т. II, стр. 162, пр. № 902. Не лишнимъ считаю прибавить здѣсь лишь нѣкоторыя недостающія у д-ра Бретшнейдера подробности. По свѣдѣніямъ словаря Ли-дай-ди-ли-чжи, городъ Хэ-нинъ находился въ Халхѣ между рр. Орхономъ и Тамиромъ. Въ географіи Юань-ди-ли-чжи читаемъ слѣдующее: «Когда въ 1220 году Чингисъ-Ханъ производилъ административное дѣленіе областей, лежащихъ къ сѣверу отъ р. Хуанъ-хэ, въ этой мѣстности была намѣчена столица. Оготай-ханъ въ годъ И-вэй (1235) впервые построилъ городъ Хэ-линъ (和林) и соорудилъ въ немъ дворецъ. Черезъ два года, въ разстояніи 70 ли къ сѣверу построенъ былъ еще дворецъ, а въ 1238 г. сооруженъ былъ въ 30 ли отъ Хэ-нинъа еще третій походный павильонъ.»

1) М. Ш. биогр. Чанъ-юй-чуня, 125 цз., 14 л.

2) Синь-хэ-лу была одною изъ областей подвѣдомственныхъ пров. Чжунъ-шу-шэнь; административный центръ ея находился въ 20 ли къ юго-западу отъ нынѣшней ставки Чахарскаго полосатаго желтаго знамени. Л. Д. Д. Л. Ч.

3) Гора Ло-то-шанъ (верблюжья) по Да-цинъ-и-тунъ-чжи лежитъ въ 90 ли къ юго-востоку отъ Чахарскаго желтаго полосатаго знамени.

4) У Сананъ-Сэцэна онъ назыв. Биликту-ханомъ.

5) Оба имени, какъ Ай-ю-ши-ли-да-ла, такъ и Май-ди-ли-па-ла очевидно Санскритскія, вѣроятно данныя царскимъ дѣтямъ ламами. Первое изъ нихъ Шмидтъ восстанавливаетъ въ формѣ Ачжусри-Дара (см. Schmidt., op cit. стр. 403, пр. 2), а второе Schott въ запискахъ Берлинской Академіи (за 1849 г. стр. 504) переводитъ «сынъ Майдари».

1) Инъ-чанъ-лу (наименованіе «лу» (路) соответствуетъ теперешнему «фу» области) былъ однимъ изъ 29 лу, на которые, при Юаньской династіи, подраздѣлена была провинція Чжунъ-шу-шэнь (中書省). Административный центръ области этой находился къ западу отъ нынѣшней ставки Кэшиктэвскаго аймака, на берегу озера Пу-юй-эрръ-хай (浦魚兒海). Л. Д. Д. Л. Ч.

2) Онъ-же извѣстенъ подъ именемъ Куанъ-ко-тѣ-му-эрръ.

3) Окружной городъ Динъ-си-чжоу находился въ провинціи Гань-су, въ области Гунь-чанъ (鞏昌), въ уѣздѣ Анъ-динъ (安定). Л. Д. Д. Л. Ч.

4) Минъ-ши, отд. Да-дань, 327 цз., 1 л.

5) Минъ-ши, биогр. Чанъ-юй-чуня, 125 цз., 15 л.

6) Минъ-ши, биогр. Ванъ-бао-бао, 124 цз., 4 л. Подробныя свѣдѣнія о Хэ-нинъѣ или Каракорумѣ см. въ Mediaeval Researches д-ра Бретшнейдера, т. I,

ство высшихъ сановниковъ и богатая добыча ¹⁾). Ли-вэнь-чжунъ преслѣдовалъ бѣглецовъ до Бэй-цинъ-чжоу (?), но, не будучи увѣреннымъ въ безопасности своего тыла, принужденъ былъ возвратиться обратно ²⁾).

Между тѣмъ, съ Ай-ю-ши-ли-да-ла вскорѣ соединился бѣжавшій изъ за Желтой рѣки полководецъ Ванъ-бао-бао ³⁾). Этотъ вѣрный слуга не покидалъ въ несчастіи сына своего стараго повелителя и не соглашался на заманчивыя предложенія императора Хунъ-у, семь разъ посылавшаго къ нему приглашенія передаться на его сторону ⁴⁾). Иначе поступали другіе монгольскіе генералы, изъ коихъ многіе добровольно переходили на сторону китайцевъ; изъ нихъ Минъ-ши называетъ двоихъ: Цзянь-вэнь-цинъ'а (江文清) и Ши-ду-эрр'а (矢篤兒) ⁵⁾).

Послѣ всѣхъ этихъ блестящихъ побѣдъ китайцевъ, наступаетъ на годъ небольшое затишье, которымъ сѣумѣли воспользоваться Ай-ю-ши-ли-да-ла и его сподвижники. Весьма быстро оправившись отъ поражений, они успѣли собрать въ разныхъ пунктахъ довольно значительныя отряды. Узнавъ объ этомъ, Хунъ-у рѣшилъ весною 1372 года отправить три отряда, которымъ поручено было окончательно раздавить силу монголовъ, причемъ имѣлось въ виду поразить ихъ въ самомъ сердцѣ ихъ владѣній. Главнокомандующимъ китайскихъ войскъ назначенъ былъ Сюй-да, и въ помощники ему даны Ли-вэнь-чжунъ и Пинъ-шэнь. Армія была раздѣлена на три отряда, которые и двинулись разными путями. Сюй-да пошелъ средней дорогой ⁶⁾); выйдя изъ прохода Янь-мынь (雁門) ⁷⁾, онъ направился прямымъ пу-

темъ на Хэ-пинъ ¹⁾); достигнувъ предѣловъ Линъ-бэй'-скихъ, (嶺北) ²⁾, отрядъ главнокомандующаго вступилъ въ сраженіе съ войсками Ванъ-бао-бао и потерпѣлъ сильное поражение, потерявъ убитыми нѣсколько тысячъ человекъ ³⁾); Сюй-да успѣлъ однако удержать монголовъ отъ наступленія ⁴⁾). Походъ западнаго корпуса подъ начальствомъ Пинъ-шэнь'а былъ болѣе удаченъ. Когда онъ приблизился къ Лань-чжоу, то авангардъ его подъ начальствомъ Фу-ю-дэ (傅友德) сразился у мѣстечка Сялянъ (西凉) (?) съ монгольскимъ предводителемъ Ши-ла-ханъ'емъ (失刺罕), а при Юнь-чанъ'ѣ (永昌) съ До-эрр-чжи-ба (朵兒只巴); въ обоихъ случаяхъ китайцы одержали рѣшительныя побѣды, и захвачена была богатая добыча, состоявшая преимущественно изъ скота ⁵⁾). Затѣмъ авангардъ этотъ соединился съ главнымъ отрядомъ, послѣ чего произошло генеральное сраженіе съ монгольскимъ полководцемъ Бу-хуа (不花), потерпѣвшимъ рѣшительное поражение. Захвачено было въ плѣнъ болѣе 8.000 семействъ монголовъ. Отсюда китайское войско достигло мѣстности И-цзи-най-лу (亦集乃路) ⁶⁾ и дошло затѣмъ до Гуаша-чжоу, (瓜沙州) причемъ имѣло неоднократныя стычки съ Монголами. Наконецъ, третій, восточный отрядъ былъ отправленъ на сѣверъ, подъ начальствомъ Ли-вэнь-чжунъ'а; пройдя чрезъ Цзюй-юнъ-гуань, онъ двинулся на Хэ-нинъ; монголы отступали,

1) М. Ш. отд. Да-дань, цз. 327, л. 1.

2) М. Ш. биогр. Ли-вэнь-чжунъ'а, 126 цз., 4 л.

3) М. Ш. биогр. Ванъ-бао-бао, 124 цз., 4 л.

4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 1 л.

5) Ibid.

6) Ibid.

7) Проходъ Янь-мынь находится въ пров. Шань-си, въ округѣ Дай-чжоу (代州).

1) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 2-я цз., 9 л.

2) Линъ-бэй есть названіе Хэ-нинъ-лу, данное этой области въ 1320 г. — см. д-ра Бретшнейдера *Med. Res.*, т. II, с. 162, пр. 902.

3) М. Ш. биогр. Ванъ-бао-бао, 124 цз., 4 л.

4) М. Ш. отд. Да-дань 327 цз., 1 л.

5) М. Ш. биогр. Фу-ю-дэ, 129 цз., 8 л.

6) Объ области И-цзи-най-лу читаемъ въ XV цзюанъ'и Мэнь-гу-ю-му-цзи слѣдующее: « при Юаньской династіи въ 23 годъ правленія Чжи-юань (至元) (1286 г.) учреждена была область И-цзи-най-лу, лежавшая отъ Гань-чжоу къ С. В. на разстояніи 1500 ли. Въ административномъ отношеніи она подчинена была провинціи Гань-су. Отъ Су-чжоу на сѣв. идетъ дорога, которая при Юаньской династіи была большимъ проѣзднымъ трактомъ. Дорога эта, вѣроятно, вела изъ Су-чжоу въ И-цзи-най-лу и далѣе черезъ пустыню въ Хэ-нинъ.» Интересныя свѣдѣнія объ И-цзи-най-лу (Etzina) см. у д-ра Бретшнейдера, *op. cit.* т. I, стр. 159, пр. № 428 и т. II, стр. 177, пр. № 937.

и китайское войско переправилось чрезъ Люй-цзюй-хэ (臚胸)¹⁾, откуда направилось къ рѣкамъ Ту-ла (土刺) (Тола) и А-лу-хунь (阿魯渾) (Орхонъ). У послѣдней рѣки произошло сраженіе²⁾, причемъ монголы оказали отчаянное сопротивленіе, такъ что пришлось пуститься въ рукопашную³⁾; не смотря на свою храбрость, они потерпѣли, однако, полное пораженіе, и китайская армія преслѣдовала ихъ далеко за Орхонъ, до озера Чэнъ (稱) (?); при этомъ захвачено было въ плѣнъ около 1.800 семействъ, которыхъ и отправили немедленно въ столицу⁴⁾. Обратный походъ китайцевъ былъ, однако, очень неудаченъ; — они заблудились въ пустынѣ и жестоко пострадали отъ недостатка воды; послѣ продолжительныхъ блужданій, лошади начали скрести песокъ и нашли воду. Только благодаря этому китайцамъ удалось спастись отъ гибели⁵⁾.

Не смотря на довольно чувствительныя пораженія, понесенныя монголами въ ихъ родныхъ степяхъ, они немедленно предприняли рядъ набѣговъ на пограничныя китайскія области. — Въ 1373 году ими сдѣлано нѣсколько такихъ нападений на сѣверную часть провинціи Шань-си, а именно на области Да-тунъ-фу (大同) и Нинъ-у-фу (甯武). При этомъ пострадали мѣстности Бао-дэ-чжоу (保德), Хэ-цзюй-сянь (河曲) и Бо-дэнъ (白登)⁶⁾ а также округа У-чжоу (武) и Шо-чжоу (朔)⁷⁾. Вскорѣ, однако, ихъ отразили отсюда китайскія войска. Гораздо успѣшнѣе дѣйствовали монголы съ востока, со стороны Ляо-дунъ-а (遼東); здѣсь ихъ вторженія были настолько настойчивы, что императоръ Хунъ-у вынужденъ былъ совершенно отказаться отъ двухъ

1) Люй-цзюй-хэ — это Кэрулэнъ, см. д-ра Бретшнейдера ор. с., т. I, стр. 49, пр. № 116 и стр. 54, пр. № 127.

2) М. Ш. отд. Да-дань, цз. 327, 2 л.

3) М. Ш. біогр. Ли-вэнь-чжунъ-а, 126 цз., 5 л.

4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 2 л.

5) М. Ш. біогр. Ли-вэнь-чжунъ-а, 126 цз., 5 л.

6) Мѣстность Бо-дэнъ лежитъ въ пров. Шань-си въ 25 ли къ западу отъ уѣзда Янь-гао-сянь (陽高). Л. Д. Д. Л. Ч.

7) Всѣ эти мѣста помѣчены на современныхъ картахъ Китая.

округовъ Фу-нинъ (撫寧) и Жуй-чжоу (瑞)¹⁾, и мѣстнымъ жителямъ, желавшимъ оставаться подъ покровительствомъ Пекинскаго правительства было предложено перебраться во внутреннія области²⁾. Такая мѣра можетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ того, что сѣверное побережье Печилійскаго залива оставалось во власти монголовъ. Очень недалеко отъ Пекина успѣли они утвердиться и съ сѣверо-западной стороны. Желая избавиться отъ столь близкаго сосѣдства непріятеля, китайцы предприняли въ 1374 г. цѣлый рядъ походовъ³⁾. Генералъ Лань-юй (藍玉) двинулся къ Сюань-хуа-фу и разбилъ монголовъ невдалекѣ отъ этого города, у мѣстечка Бо-цзю-цюань (白酒泉) (?) послѣ чего онъ захватилъ Синъ-хэ. — Другой отрядъ, подъ начальствомъ Ли-вэнь-чжунъ-а, пошелъ въ болѣе сѣверномъ направленіи, углубляясь въ сплошь занятую монголами область Да-нинъ (大寧)⁴⁾; здѣсь захвачены были Гао-чжоу⁵⁾ (高州) и Да-ши-яй (大石崖) (?); причемъ въ одномъ изъ сраженій убиты были родственники монгольскаго хана, До-до-ши-ли (朶朶失里) и другіе⁶⁾; китайскія войска преслѣдовали бѣжавшихъ монголовъ до Чжанъ-мао-шанъ-я (獐帽) и захватили богатую добычу⁷⁾.

Несмотря на успѣхъ своего оружія, императоръ Хунъ-у старался тѣмъ не менѣе по возможности улаживать мирнымъ путемъ недоразумѣнія, возникавшія у него съ монголами. — Въ томъ-же 1374 году онъ рѣшилъ пустить въ ходъ могучее сред-

1) Округъ Жуй-чжоу находился въ нынѣшней Мукденской пров., въ области Цзинь-чжоу (錦州), на 130 ли къ ю.-з. отъ Нинъ-юань-чжоу, (寧遠). Л. Д. Д. Л. Ч.

2) М. Ш. отд. Да-дань, цз. 327, 2 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, цз. 327, 2 л.

4) Область Да-нинъ-лу занимала сѣв.-вост. часть пров. Чжи-ли (直隸). самый городъ Да-нинъ лежалъ къ С.-В. отъ Чэнъ-дэ-фу (承德). Л. Д. Д. Л. Ч.

5) Гао-чжоу былъ однимъ изъ округовъ подвѣдомственныхъ области Да-нинъ-лу. — Юань-ди-ли-чжи.

6) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 2 цз., 11 л.

7) М. Ш. біогр. Ли-вэнь-чжунъ-а, 126 цз., 5 л.

ство, имѣвшееся у него въ рукахъ, а именно возвратилъ монгольскому хану сына его, Май-ди-ли-па-ла, находившагося въ плѣну въ Китаѣ съ 1371 года, причемъ снабдилъ его увѣщательнымъ письмомъ къ отцу¹⁾. Расчеты Хунь-у оправдались: послѣ возвращенія изъ плѣна Май-ди-ли-па-ла, монголы, на нѣкоторое время, почти совершенно прекратили свои опустошительные набѣги. Исключеніемъ является незначительное нападеніе, произведенное монгольскимъ предводителемъ Бо-янь-Тэмуромъ (伯顏)²⁾ на область Янь-ань (延安) провинціи Шэнь-си³⁾. Этотъ фактъ единичнаго набѣга, произведеннаго, при всеобщемъ спокойствіи на границѣ отдѣльнымъ начальникомъ, свидѣтельствуемъ о начавшейся децентрализаціи власти среди монголовъ; — набѣгъ на Янь-ань сдѣланъ былъ, повидимому, безъ вѣдома Ай-ю-ши-ли-да-ла (Биликту-хана), пребывавшаго въ то время далеко на сѣверъ, въ Каракорумѣ. Одной изъ причинъ миролюбиваго настроенія, царившаго въ то время среди монголовъ, является также несомнѣнно смерть главнаго и способнѣйшаго изъ ихъ полководцевъ, — въ 1375 году умеръ Вань-бао-бао⁴⁾. Монгольскій владыка не на долго пережилъ своего вѣрнаго слугу, — въ 1378 году Ай-ю-ши-ли-да-ла скончался. Императоръ Хунь-у успѣшилъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для оказанія монголамъ новой любезности: въ честь умершаго хана составлена была хвалебная грамота и специально снаряжено торжественное посольство, которому поручено было принести покойному монгольскому владыкѣ посмертныя жертвы. Наслѣднику-же его, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагалось жить въ мирѣ съ Китаемъ и не затѣвать новыхъ набѣговъ. Преемника Ай-ю-ши-ли-да-ла историкъ Минь-ши именуемъ То-гу-сы-Тэмуромъ (脫古思), который по годамъ своего царствованія,

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 2 л.

2) Для краткости я буду впредь писать это имя Тэмуръ, не выписывая сложной Китайской транскрипціи Тѣ-му-эррѣ (帖木兒).

3) М. Ш. біогр. Тань-хэ, 126 цз., 14 л.

4) М. Ш. Бэнь-цзи, 2 цз., 12 л.

соотвѣтствуетъ Усакаль-хану Сапанъ-Сэцэна¹⁾ и Алтанъ-Тобчи²⁾. Последняя лѣтопись называетъ его младшимъ братомъ Биликту-хана, тогда какъ въ Минь-ши онъ именуется сыномъ Ай-ю-ши-ли-да-ла³⁾.

То-гу-сы-Тэмуръ не обратилъ, однако, большаго вниманія на заискиванія китайцевъ и не выказывалъ желанія продолжать миролюбивую политику, которой придерживался въ послѣдніе годы своего царствованія его отецъ. Первымъ его дѣломъ, по вступленіи на престолъ, было сосредоточить весьма значительные отряды войскъ около Инъ-чан'а и Хэ-нин'а (Каракорума). Здѣсь собрались монгольскія полчища подъ начальствомъ Мань-цзы-ха-ла-чжанъ (蠻子哈刺章), Вань-чжэ-бу-хуа (完者不花), Най-эррѣ-бу-хуа (乃兒不花) и Ай-цзу (愛足). Выбирая удобные моменты, они производили набѣги на китайскія пограничныя области. Въ 1380 году китайцы собрались съ силами и порѣшили дать беспокойнымъ сосѣдямъ энергичный отпоръ. Главнокомандующимъ назначенъ былъ Му-инь (沐英) и ему поручено было напасть на монгольскую армію, сгруппировавшуюся около Хэ-нин'а (Каракорума). Онъ выступилъ изъ Линь-чжоу (靈)⁴⁾, переправился около этого города чрезъ Хуань-хэ и пошелъ въ сѣверо-западномъ направленіи⁵⁾. Дойдя до И-цзи-най-лу, Му-инь повернулъ на сѣверъ и, переваливъ чрезъ Хэ лань-шань (賀蘭)⁶⁾, пошелъ прямо на Хэ-нинъ; здѣсь онъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ монголами и захватилъ въ плѣнъ ихъ полководцевъ То-хо-чи (脫火赤), Ай-цзу и Вань-чжэ-бу-хуа⁷⁾.

1) См. Schmidt. Op. cit., стр. 138 и 403.

2) См. Алтанъ-Тобчи, стр. 54 (монг. текстъ).

3) Изъ словъ указа, изданнаго въ 1408 г. императоромъ Юнь-ло (永樂), видно, что китайцы, по крайней мѣрѣ, считали То-гу-сы-Тэмуръ за того самаго Май-ди-ли-па-ла, который былъ у нихъ въ плѣну.

4) Линь-чжоу — наход. въ области Нинъ-ся-фу (甯夏), см. карту Матусовскаго.

5) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 2 л.

6) М. Ш. біогр. Му-ин'а, 126 цз., 18 л.

7) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 2—3 л.

Пока китайскіе генералы наносили на сѣверо-западѣ жестокаго пораженія монголамъ, послѣдніе успѣли упрочить свое положеніе на востокѣ. — Въ юго-восточной Монголіи, а также частью въ нынѣшней южной Маньчжуріи утвердился главарь На-ха-чу (納哈出), являвшійся, по словамъ Минь-ши, самостоятельнымъ правителемъ этихъ странъ; отсюда онъ неоднократно дѣлалъ нападенія на Ляо-дунь. Для прекращенія этихъ набѣговъ, снаряжена была въ 1387 году особая армія, и главнокомандующимъ ея назначенъ Пинь-шэнъ, который, вмѣстѣ со своими помощниками Фу-ю-дэ и Лань-юй'емъ, немедленно-же выступилъ въ походъ ¹⁾. Во время этой компаніи, китайцы придерживались новой тактики; они не ограничивались одними лишь сраженіями съ непріателемъ, а приступили къ прочному утвержденію своей власти въ мѣстностяхъ, лежащихъ къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Пекина. Здѣсь Пинь-шэнъ построены были четыре укрѣпленныхъ города — Куань-хэ (寬河), Хуй-чжоу (會州), Данинь и Фу-юй (福餘) ²⁾, и только прочно утвердившись въ нихъ и обезпечивъ себѣ, такимъ образомъ, тылъ, китайскій главнокомандующій рѣшился тронуться далѣе. Авангардъ его арміи, подъ начальствомъ Лань-юй'я, вскорѣ достигъ Цинь-чжоу (慶) ³⁾, недалеко отъ котораго расположился лагерь монголовъ. Надѣясь добиться успѣха помощью мирныхъ средствъ, Лань-юй отправилъ къ На-ха-чу захваченнаго ранѣе того въ плѣнъ монгольскаго военачальника Най-ла-у (乃刺吾); ему поручено было рассказать своимъ сородичамъ о милостяхъ, которыми осыпалъ его китайскій императоръ, и склонить ихъ, такимъ образомъ, къ покорности. Подъ влияніемъ убѣжденій Най-ла-у, монгольскій командиръ потерялъ увѣренность въ собственныхъ силахъ и, не надѣясь устоять противъ Китайцевъ, отправилъ въ лагерь Лань-юй'я посланца съ подарками, поручивъ ему, въ то-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 3 л.

2) М. Ш. Бэнь-цзи, 3 цз., 5 л.

3) Городъ Цинь-чжоу лежалъ въ 130 ли къ сѣверо-западу отъ нынѣшней ставки Бариньскаго аймака. — Л. Д. Д. Л. Ч.

же время, произвести рекогносцировку о положеніи непріятельскихъ войскъ. Соглядатай этотъ былъ ласково принятъ Лань-юй'емъ и, вернувшись, рассказалъ своему начальнику о превосходныхъ силахъ китайцевъ. Тогда На-ха-чу глубоко вздохнулъ и воскликнулъ: «небо видно не хочетъ, чтобы я владѣлъ этими людьми». Затѣмъ онъ сѣлъ на коня и съ нѣсколькимистами всадниковъ явился въ лагерь Лань-юй'я для выраженія покорности ¹⁾. Китайскій генералъ чрезвычайно обрадовался своему гостю и устроилъ въ честь его угощеніе, во время котораго простеръ свою любезность до того, что даже предложилъ На-ха-чу обмѣняться съ нимъ платьемъ. Монгольскій предводитель, между тѣмъ, началъ уже раскаяваться въ томъ, что слишкомъ поторопился покориться и сталъ шептаться со своею свитою, выражая желаніе бѣжать. Услышавъ это, сидѣвшій невдалекѣ зять Пинь-шэн'а, Чанъ-мао (常茂), ударилъ его по спинѣ; На-ха-чу свалился, его связали и доставили въ лагерь главнокомандующаго. Сей послѣдній обошелся со своимъ плѣнникомъ ласково, но приказалъ стеречь его какъ можно строже ²⁾.

Узнавъ о плѣнѣ своего предводителя, большая часть монголовъ, бывшихъ подъ его начальствомъ, въ числѣ приблизительно 200,000 человекъ, покорились китайцамъ, а 40,000 разсѣялись въ разныя стороны. Добычи при этой мирной побѣдѣ, захвачено было несмѣтное количество ³⁾.

Этотъ восторженный рассказъ китайскаго историка о блестящей побѣдѣ, одержанной мин'скими войсками безо всякаго кровопролитія, конечно, сильно преувеличенъ. Мѣсто это интересно только потому, что свидѣтельствуетъ о новой тактикѣ, принятой монголами, которые сознавали превосходство сравнительно хорошо дисциплинированныхъ и обученныхъ китайскихъ войскъ, а потому и спѣшили, при встрѣчѣ съ ними въ открытомъ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 3 л.

2) М. Ш. біогр. Пинь-шэн'а, 129 цз., 4 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 3 л.

полѣ, выражать свою покорность, что ничуть не мѣшало имъ, конечно, при первой же возможности, производить нападенія на уюенныхъ успѣхомъ побѣдителей. Такъ случилось и въ этотъ разъ: лишь только китайская армія пустилась въ обратный путь, монголы напали на нее съ тылу и отрѣзали отъ главныхъ силъ трехъ-тысячный отрядъ, начальникъ котораго Пу-инъ (僕英), видя неминуемую гибель, съ отчаянія зарѣзался¹⁾. По возвращеніи въ столицу, Пинъ-шэнъ представилъ ко двору захваченную имъ добычу, которая, между тѣмъ, успѣла по дорогѣ значительно растаять. вмѣсто несмѣтнаго количества скота, въ Пекинъ доставлено было не болѣе 290 лошадей; надо полагать, что бѣлая часть захваченнаго была отбита по дорогѣ летучими отрядами монголовъ. Какъ-бы то ни было, императоръ остался какъ нельзя болѣе доволенъ успѣшностью похода и обошелся весьма милостиво съ захваченными плѣнниками; — На-ха-чу, между прочимъ, пожалованъ былъ титулъ Хай-си-хоу (海西侯)²⁾.

Не смотря на блестящія (больше, впрочемъ, на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ) побѣды китайцевъ, яко-бы побѣжденные ими монголы не унывали и во множествѣ стекались подъ знамена То-гу-сы-Тэмуря, ставка котораго находилась у озера Пу-юй эррѣ-хай³⁾. Между тѣмъ, довѣріе къ Пинъ-шэнъу было подорвано при Пекинскомъ дворѣ, — его обвинили въ злоупотребленіяхъ и замѣнили бывшимъ помощникомъ его Ланъ-юй'емъ. Сей послѣдній тотчасъ-же выступилъ съ 150-ти тысячнымъ войскомъ и двинулся на Цинъ-чжоу; разузнавъ тамъ подробно о мѣстѣ стоянки монгольскаго хана, онъ быстрыми переходами направился къ его лагерю, слѣдуя окольными путями. Дойдя до мѣстности Бо-янь-цзинъ-шао (百眼井哨) и не видя враговъ, Ланъ-юй хотѣлъ

1) М. Ш. Бэнь-цзи, 3-я цз., 6 л.

2) М. Ш. Отд. Да-дань, цз. 327, л. 3. Наименованіе Хай-си есть несомнѣнно названіе мѣстности и приурочивать его слѣдуетъ къ одному изъ округовъ Лю-дун'а или къ землямъ, лежащимъ въ нынѣшней юго-восточной Маньчжуріи. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось найти болѣе точнаго опредѣленія этой мѣстности.

3) Объ этомъ озерѣ см. д-ра Бретшнейдера, ор. с., т. I, стр. 48, прим. № 114.

уже повернуть назадъ, но его остановилъ одинъ изъ подчиненныхъ ему офицеровъ Ванъ-би (王弼). «Какъ посмѣемъ мы», сказалъ послѣдній, «явиться съ пустыми руками къ императору, забравшись съ многочисленнымъ войскомъ такъ далеко». Ланъ-юй сдался на его увѣщанія и рѣшилъ двигаться далѣе. Для предосторожности, солдатамъ было приказано варить пищу не иначе какъ въ ямахъ, чтобы огонь и дымъ отъ костровъ не могли выдать приближеніе войска. Въ одну ночь китайцы дошли до озера Пу-юй-эррѣ-хай и отстояли отъ непріятели не далѣе какъ въ 80 ли. Какъ разъ въ это время, поднялась страшная пыль, совершенно заслонившая солнечный свѣтъ, такъ что днемъ было темно, какъ ночью¹⁾. Ванъ-би двинулся впередъ; между тѣмъ монголы были совершенно спокойны, полагаясь на то, что китайцы, не имѣя достаточнаго количества корма для лошадей (дѣло было равнею весною 1388 года) не рѣшатся проникнуть въ глубь страны²⁾. Внезапное появленіе непріяельскаго войска произвело въ ихъ лагерѣ страшный переполохъ; всѣ бросились въ разныя стороны, произошла свалка и страшная рѣзня. Самъ То-гу-сы-Тэмуръ едва успѣлъ спастись со своимъ старшимъ сыномъ Тянь-бао-ну (天保奴) и приближенными Нѣ-цѣ-лай'емъ (捏怯來) и Ши-лѣ-мын'емъ (失烈門). Второй сынъ хана Ди-бао-ну (地保奴), а также его жены и дочери, въ числѣ 50-ти слишкомъ человекъ, были захвачены въ плѣнъ. Забрано было всего не менѣе 70.000 (?) человекъ³⁾ и несмѣтное количество скота; доспѣхи и одежды непріятели были сложены въ большой костеръ и сожжены. Когда извѣстія объ этихъ побѣдахъ дошли до императора, то онъ чрезвычайно обрадовался и отнесся весьма милостиво къ побѣжденнымъ, приказавъ, между прочимъ, отпустить казенное содержаніе всѣмъ плѣннымъ монгольскимъ офи-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 4 л.

2) М. Ш. біограф. Ланъ-юй'я, 133 цз., 7 л.

3) Ко всѣмъ цифровымъ даннымъ о количествѣ плѣнныхъ, а также о численности китайскихъ армій слѣдуетъ относиться крайне осторожно, такъ какъ они несомнѣнно сильно преувеличены.

церамъ. Между тѣмъ, при дворѣ стали ходить слухи, что Лань-юй сошелся съ одной изъ женъ То-гу-сы-Тэмура; женщина эта, боясь огласки, лишила себя жизни; Ди-бао-ну громко выражалъ свое негодованіе по этому поводу, и былъ сосланъ на острова Лю-цю (琉球).

Пораженіе, понесенное монголами при озерѣ Пу-юй-эррѣ-хай, имѣло прямымъ послѣдствіемъ полное дискредитированіе центральной ханской власти въ глазахъ многочисленныхъ предводителей монгольскихъ войскъ. Самъ То-гу-сы-Тэмуръ жестоко поплатился за неудачу. Спасаясь вмѣстѣ со своими приближенными отъ преслѣдованія китайцевъ, онъ былъ встрѣченъ по дорогѣ взбунтовавшимися противъ него военачальникомъ Ё-су-дѣ-эрр'омъ (也速迭兒); свита хана разсѣялась, и при немъ остались лишь сынъ его, Тянь-бао-ну, да двое приближенныхъ; попытка послѣднихъ собрать хоть немного войска для отраженія Ё-су-дѣ-эрр'а кончилась неудачно; злоумышленники подкрались внезапно къ ханской ставкѣ, и То-гу-сы-Тэмуръ былъ удушенъ¹⁾.

Случилось это въ 1388 году и затѣмъ начинается среди монголовъ время полнѣйшей анархіи и неурядицъ, причемъ разобратъся въ этой смутной эпохѣ представляется дѣломъ очень не легкимъ. Китайскіе источники даютъ намъ одно огульное свѣдѣніе за весь періодъ отъ смерти То-гу-сы-Тэмура до 1400 года; — Минъ-ши говоритъ, что за все это время перебивало на престолѣ не менѣе пяти хановъ, быстро смѣнявшихъ одинъ другаго²⁾. Изъ монгольскихъ лѣтописей узнаемъ, что, какъ разъ въ это время, началась вражда между восточными монголами и ойратами, объясняющаяся полною анархіею, господствовавшей среди первыхъ³⁾. Окончилась эта борьба полною побѣдою ойра-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 4 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 5 л.

3) В. М. Успенскій очень мѣтко называетъ эту вражду борьбою между окитаившимися монголами, пытавшимися проводить въ дѣло управленія новыя порядки и старую степную партію, представителями коей являются ойраты. См. «Страна Кукэ-Норъ», стр. 90—91.

товъ; — третій или четвертый преемникъ То-гу-сы-Тэмура, Элбэкъ-ханъ, былъ убитъ ойратскимъ предводителемъ Угэчи-Хашагою въ 1399 году¹⁾, каковой годъ и должно считать временемъ утраты ханами восточныхъ монголовъ своей самостоятельности и начала ойратской гегемоніи.

Покорилась имъ, однако, лишь часть восточныхъ монголовъ; не малое-же число ихъ, какъ мы видѣли, поддалась Китаю²⁾. Изъ этихъ своихъ новыхъ подданныхъ императоръ Хунъ-у образовалъ на сѣверо-восточной границѣ Китая рядъ военныхъ поселеній. Такимъ образомъ, въ 1389 году учреждено было три, такъ сказать, инородческихъ округа — До-янь (朵顏), Тай-нинъ (泰寧) и Фу-юй (福餘), территория коихъ тянулась узкою полосой отъ нынѣшняго Калгана на востокъ до города Кай-юань (開原) въ провинціи Мукденъ, занимая всю сѣверную часть Чжи-ли и западный уголъ провинціи Шень-цзинъ (Мукденъ). Управление этими округами было всецѣло предоставлено монгольскимъ родовымъ начальникамъ, которымъ пожалованы были при этомъ офицерскія званія. Сознывая всю важность затѣяннаго имъ дѣла, Хунъ-у назначилъ главнымъ руководителемъ его сына своего, Цюан'я (權), носившаго титулъ Нинъ-ван'а (寧王)³⁾. Какъ увидимъ ниже, поселенные въ этихъ мѣстахъ монголы имѣли весьма значительное вліяніе на всю исторію отношеній между китайскимъ правительствомъ съ сѣверными кочевниками при династіи Минъ, а вскорѣ послѣ смерти Хунъ-у, они приняли активное участіе въ начавшейся между наслѣдниками основателя династіи борьбѣ изъ-за престола.

Послѣ смерти То-гу-сы-Тэмура, тѣ изъ монголовъ, которые еще не окончательно пали духомъ, сгруппировались около Най-эррѣ-бу-хуа и А-лу-Тэмура (阿魯); эти военачальники захва-

1) Geschichte der Ost-Mongolen, стр. 144.

2) Весьма вѣроятно, что объ этихъ-то имевшихъ монголахъ и упоминаетъ Сананъ-Сэцэнъ, какъ объ оставшихся въ китайскихъ предѣлахъ. См. Schmidt op. cit., стр. 138.

3) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 8 л.

тили власть въ свои руки и рѣшили продолжать борьбу съ кита́йцами. Узнавъ объ этомъ, Пекинское правительство немедленно-же приступило къ снаряженію новой экспедиціи. Начальство надъ нею поручено было Фу-ю-дэ, а въ помощники ему были даны сынъ императора Янь-ванъ (燕王) (будущій императоръ Юнь-ло) и Ванъ-би. Китайская армія выступила въ 1390 году изъ провинціи Шань-си и двинулась на сѣверъ. Командование авангардомъ было поручено Янь-ван'у. Узнавъ изъ разспросовъ, что лагерь Най-эррѣ-бу-хуа находится въ мѣстности И-ду (迤都) (?), онъ двинулся туда быстрыми переходами, не взирая на снѣгъ и непогоду. Подойдя близко къ непріятельской ставкѣ, китайскій генералъ отправилъ туда нѣкоего Гуань-тун'а (觀童), который ранѣе былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Най-эррѣ-бу-хуа (этотъ Гуань-тунъ былъ, повидимому, монголъ, захваченный кита́йцами въ плѣнъ вмѣстѣ съ На-ха-чу). При свиданіи, старые друзья обнялись и отъ радости даже прослезились. Между тѣмъ, во время этихъ изліяній, китайское войско успѣло подойти почти вплоть къ самому лагерю монголовъ. Узнавъ объ этомъ, Най-эррѣ-бу-хуа испугался и хотѣлъ бѣжать, но Гуань-тунъ удержалъ его и представилъ Янь-ван'у, который поспѣшилъ щедро одарить своего плѣнника. Прельстившись подарками, монгольскій предводитель изъявилъ покорность кита́йцамъ. Ея хватило, однако, не на долго; — весьма скоро онъ возмутился — но былъ пойманъ кита́йцами и казненъ¹⁾.

Смерть предводителя не укротила воинственнаго пыла монголовъ. Въ слѣдующемъ-же году тому-же Фу-ю-дэ снова пришлось совершить походъ на сѣверъ совмѣстно съ Янь-ван'омъ. При этомъ кита́йцы разбили монгольскихъ полководцевъ Хажэ-шэ-ли (哈者舍利) и Ляо-ван'а (遼王) и преслѣдовали ихъ до мѣстности Хѣй-линъ (黑嶺) (?); тамъ кита́йцы пробрались тайкомъ въ непріятельскій лагерь и произвели въ немъ страшную рѣзню²⁾. На этотъ разъ, урокъ былъ, вѣроятно,

1) М. III. отд. Да-дань, 827 цз., 5 л.

2) М. III. Геогр. Фу-ю-дэ, 129 цз., 9 л.

чувствительнымъ; — послѣ этого событія настаетъ затишье на цѣлыхъ пять лѣтъ, т. е. почти до самаго конца царствованія императора Хунь-у. Лишь подъ 1396 годомъ упоминается о небольшомъ походѣ, предпринятомъ подъ предводительствомъ Янь-ван'а, разбившаго монголовъ у Чэ-чэ-эррѣ-шан'я (徹徹兒山) и преслѣдовавшаго ихъ до урянхайскаго Ту-чэн'а (土城) (земляной городъ)¹⁾.

Послѣдніе годы царствованія императора Хунь-у отличались полнымъ спокойствіемъ на монгольской границѣ и были употреблены кита́йскимъ правительствомъ на устройство пограничныхъ дѣлъ.

Періодически посылались военачальники для обзора постовъ и укрѣпленій. Солдатамъ, составлявшимъ ихъ гарнизоны, было предписано заниматься обработкою полей, но не оставлять при томъ и военныхъ упражненій²⁾. Такимъ образомъ организованъ былъ цѣлый рядъ военныхъ колоній, которымъ и предоставлена была защита всей сѣверной и сѣверо-западной границы имперіи.

Глава II.

Обзоръ сѣверной и сѣверо-западной границы Китая при династіи Минь.

Не лишнимъ считаю привести здѣсь почерпнутыя мною изъ сочиненія Цзю-бянь-юй-ту (九邊輿圖) свѣдѣнія объ административномъ устройствѣ сѣверной границы кита́йской имперіи при мин'ской династіи. Имѣть точное представленіе объ этомъ краѣ необходимо каждому, кто желалъ-бы уяснить себѣ отноше-

1) Въ У-бянь-дянь-цзэ находимъ упоминаніе о горѣ Чи-эррѣ-шань (赤兒), которая по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ сочиненіи, лежала между Хуань-хэ и Пянь-тоу-гуань (偏頭關), къ востоку отъ Хуань-хэ. У. Б. Д. Ц. цз. 5, листъ 17.

2) М. III. отд. Да-дань, 327 цз., 5 л.

нія китайцевъ къ ихъ безпокойнымъ сѣвернымъ сосѣдямъ, монголамъ, за этотъ періодъ времени.

Придерживаясь порядка, принятаго въ Цзю-бянь-юй-ту, начну настоящее обозрѣніе съ востока, а именно съ области Ляодунъ, занимавшей западную часть нынѣшней провинціи Шэнь-цзинь (盛京). Крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ этого пространства слѣдуетъ считать городъ Кай-юань, крайнимъ восточнымъ — Ляо-янъ (遼陽), крайнимъ южнымъ — оконечность Ляо-дун'скаго полуострова и, наконецъ, крайнимъ западнымъ — городъ Цзинь-чжоу-фу. Область эта была сильно укрѣплена, а именно здѣсь существовало 25 вэй (衛), 11 со (所), 2 гуань (關) и 100 инь-пу (營堡)¹⁾. Управление Ляо-дун'омъ было ввѣрено губернатору, имѣвшему резиденцію въ городѣ Гуань-нин'ѣ (廣甯). На мѣстахъ, занятыхъ этою областью, и по сосѣдству съ нею были учреждены, какъ мы видѣли выше, императоромъ Хунь-у три военныя поселенія монголовъ — До-янь, Тай-нинъ и Фу-юй. Авторъ Цзю-бянь-юй-ту дѣлитъ поселенныхъ здѣсь монголовъ на двѣ части — восточныхъ, жившихъ въ домахъ и занимавшихся обработкою земли, и западныхъ, остававшихся при своихъ старыхъ кочевыхъ обычаяхъ. Изъ этого можно заключить, что половина этихъ номадовъ весьма скоро поддалась цивилизирующему вліянію Китая; при этомъ они сохранили, однако, свою автономію, управляясь наслѣдственно своими собственными родовыми начальниками; построенныя здѣсь китайскія крѣпости и поселки являлись, такимъ образомъ, какъ-бы оазисами среди туземныхъ деревень и кочевьевъ. Эта смѣшанность и разнородность населенія ставила Ляо-дунъ въ особенное положеніе среди прочихъ пограничныхъ областей, требуя отъ китайскихъ администраторовъ много такта, изворотливости и ловкости.

1) Всѣ эти техническія наименованія укрѣпленныхъ пунктовъ могутъ быть переданы слѣдующими русскими терминами: «вэй» — укрѣпленная станція, «со» — крѣпость въ нашемъ смыслѣ этого слова, «гуань» — горное укрѣпленіе, строившееся обыкновенно для защиты горныхъ проходовъ и «инь-пу» — укрѣпленный лагерь.

Нѣсколько къ западу отъ Ляо-дун'а лежала другая пограничная область — Цзи-чжоу (劄); тянулась она узкою половою съ востока на западъ приблизительно на пятьсотъ верстъ; крайнимъ восточнымъ пунктомъ ея слѣдуетъ считать побережье Печилійскаго залива съ крѣпостью Шанъ-хай-гуань (上海關); на западѣ граница ея проходила въ мѣстности, лежащей непосредственно къ сѣверу отъ Пекина у горнаго прохода Цзюй-юнь-гуань и города Чанъ-пинъ-чжоу (昌平). Управление этимъ округомъ было ввѣрено губернатору, резиденція коего находилась въ Цзунъ-хуа-чжоу (遵化). Въ городѣ-же Цзи-чжоу проживалъ еще генераль-губернаторъ, имѣвшій званіе Цинь-чай-цзунъ-ду-ляо-цзи-ду-юй-ши (欽差總督遼劄都御史) и завѣдывавшій, какъ видно изъ этого титула, обѣими областями, Ляо-дун'омъ и Цзи-чжоу. При первыхъ императорахъ мин'ской династіи, когда округъ Да-нинъ существовалъ еще какъ нераздѣльная часть китайской территоріи, область Цзи-чжоу не играла, въ стратегическомъ отношеніи, первенствующей роли. Когда-же городъ Да-нинъ потерялъ свое значеніе административнаго центра, и управление округомъ было переведено на югъ въ городъ Бао-динъ-фу (保定), то область эта стала непосредственно граничить со вновь образованными монгольскими военными поселеніями, и, слѣдовательно, бѣльшая или меньшая заботливость китайскаго правительства объ укрѣпленіи ея находилась въ прямой зависимости отъ характера отношеній пекинскаго правительства къ тамошнимъ монголамъ¹⁾. Здѣсь имѣлось всего 113 гуань, 72 чжай (寨)²⁾, 43 инъ, 61 пу и 11 чэнь (城)³⁾; видимъ, та-

1) Я привелъ здѣсь почти въ буквальномъ переводѣ примѣчаніе автора Цзю-бянь-юй-ту; изъ этого мѣста можно заключить, что высшимъ пограничнымъ властямъ, носившимъ званія генераль-губернаторовъ и губернаторовъ, поручалась лишь военная охрана границы, и они считались сановниками, специально командированными ad hoc императоромъ; гражданское-же управление ввѣрено было особымъ мѣстнымъ администраторамъ. Строго говоря, такое значеніе специально командированныхъ сановниковъ сохраняется и до нынѣ за губернаторами (Сюнъ-фу 巡撫) и генераль-губернаторами (Цзунъ-ду 總督).

2) Чжай — крѣпостца.

3) Чэнь — городъ, обнесенный стѣнами.

кимъ образомъ, что укрѣплены здѣшнія мѣста были достаточно солидно, — это было, впрочемъ, совершенно необходимо, такъ какъ чрезъ территорію Цзи-чжоу постоянно проходили въ Пекинъ съ данью монгольскія посольства, наличный составъ коихъ нерѣдко достигалъ 1000—1500 человекъ, не брезгавшихъ пользоваться по дорогѣ всѣмъ, что плохо лежало. Пекинскій дворъ не скупился на подарки этимъ посланцамъ, что ни чуть не мѣшало имъ, однако, предаваться своему любимому занятію — грабежамъ, отъ которыхъ жестоко страдали всѣ попутныя селенія. Авторъ Цзю-бянь-юй-ту совершенно основательно сѣтуетъ на такіе порядки, находя, что значительныя суммы, тратившіяся на дорогого стоившіе подарки безпокойнымъ сосѣдямъ, несравненно выгоднѣе было-бы употреблять на защиту границы отъ ихъ непрерывныхъ набѣговъ, причемъ было-бы соблюдено и національное достоинство.

Въ первыя времена мин'ской династіи, монголы, населявшіе три военные округа, До-янь, Тай-нинъ и Фу-юй, считали для себя выгоднымъ дружить съ Китаемъ и находились въ особой милости у пекинскаго двора, который былъ благодаренъ имъ за помощь, оказанную императору Юнь-ло, во время междоусобной войны между нимъ и племянникомъ. Весьма скоро, однако, они поняли преимущества двуличной политики и старались попеременно ладить то съ Китаемъ, то со своими сѣверными соплеменниками, смотря по тому, на чьей сторонѣ оказывался успѣхъ въ данный моментъ.

Слѣдующая область, о которой трагуетъ Цзю-бянь-юй-ту, это Нэй-сань-гуань (內三關), т. е. «три внутренніе прохода». Строго говоря, она не могла считаться за пограничный округъ и описаніе ея вошло въ названное выше сочиненіе только потому, что, благодаря своему важному стратегическому положенію, она управлялась на основаніяхъ особаго военного режима. Три прохода, отъ которыхъ область получила свое наименованіе, это — Цзюй-юнь-гуань, Цзы-цзинь-гуань (紫荊) и Дао-ма-гуань (倒馬); всѣ они находятся къ сѣверо-западу и западу отъ Пекина.

Завѣдываніе этими проходами и прилегающими къ нимъ участками возложено было на особаго губернатора, имѣвшаго свою резиденцію въ Бао динъ-фу и носившаго титулъ Цянь-чай-сюнь-фу-бао-динъ-дэнь-чу-ду-юй-ши (欽差巡撫保定等處都御史). Наиболѣе доступнымъ изъ этихъ трехъ проходовъ является Цзюй-юнь-гуань, а потому онъ и былъ укрѣпленъ солиднѣе всѣхъ прочихъ, а сосѣднія мѣстности снабжены весьма значительными гарнизонами. Также какъ и въ Цзи-чжоу, большее или меньшее укрѣпленіе округа находилось въ прямой зависимости отъ того, насколько дружественно или враждебно было настроеніе монголовъ обитавшихъ въ трехъ военныхъ поселеніяхъ. При императорѣ Юнь-ло, когда сосѣди эти держали себя спокойно, серьезное укрѣпленіе Нэй-сань-гуань считалось излишнимъ, но за то въ послѣдствіи они приобрѣли первостепенную важность въ стратегическомъ отношеніи, въ особенности когда, послѣ захвата въ плѣнъ ойратами императора Инъ-цзун'а (英宗) китайцы имѣли случай горькимъ опытомъ убѣдиться въ вѣроломствѣ своихъ непосредственныхъ сосѣдей и мнимо-подданныхъ монголовъ-поселенцевъ.

Непосредственно къ западу отъ Цзи-чжоу и къ сѣверу отъ трехъ внутреннихъ проходовъ расположена была область Сюань-фу (宣府), крайними пунктами коей являлись на сѣверѣ проходъ Ду-ши-коу (獨石口), а на западѣ граница провинціи Шань-си. Здѣсь имѣлось 15 вэй, 66 со и 3 чэн'а съ весьма значительнымъ количествомъ коннаго и пѣшаго войска. Управление этимъ округомъ было ввѣрено губернатору. Мѣстность эта отличается дикимъ гористымъ характеромъ и, прилегая непосредственно къ столицѣ, считалась весьма важною въ стратегическомъ отношеніи. Не смотря на тщательное укрѣпленіе всѣхъ пунктовъ, область эта, простиравшаяся въ началѣ мин'ской династіи на сѣверъ чуть не до Долонъ-нора, была въ послѣдствіи значительно сокращена;— большіе участки, оборонять которые оказалось труднымъ, отошли къ монголамъ, и крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ области сталъ, какъ я уже отмѣтилъ выше, проходъ Ду-ши-коу.

Къ западу отъ Сюань-фу, въ сѣверной части нынѣшней провинціи Шань-си, лежала область Да-тунъ (大同). Границей ея на сѣверѣ служила Великая стѣна, а на западѣ теченіе Хуань-хэ, которая у этого мѣста круто поворачиваетъ на югъ; въ южномъ направленіи, территория этой области достигала 39-ой параллели, на которой расположены города Нинъ-у-фу и Бао-дэ-чжоу. Количество различныхъ укрѣпленій (около 600) въ этой мѣстности и численность расквартированныхъ здѣсь войскъ были очень значительны. Наиболѣе важными въ стратегическомъ отношеніи считались проходы Янь-мынь-гуань, лежащій въ 100 ли къ сѣверо-западу отъ Дай-чжоу, Нинъ-у-гуань, находящійся вдалеко отъ нынѣшняго города Нинъ-у-фу и Пянь-тоу-гуань. Завѣдываніе этою областью поручено было губернатору, резиденція котораго находилась въ Да-тунѣ. Сравнительно съ пограничными округами, расположенными восточнѣе, Да-тунъ отличается болѣе равниннымъ характеромъ, почему онъ и служилъ большою дорогою для грабительскихъ шаекъ монголовъ, приходившихъ сюда въ большомъ количествѣ. Особенно часто подвергался нападеніямъ округъ Пинъ-лу (平魯), куда вторгались кочевники, являвшіеся сюда изъ Хэ-тао (河套) (Ордоса). Вотъ почему охрана этой мѣстности въ частности и всего Да-тунъа вообще считалась задачею весьма не легкою. Наиболѣе удобныя переправы чрезъ р. Хуань-хэ, которая отдѣляетъ Да-тунъ отъ Хэ-тао, находились у Пянь-тоу-гуань; въ Цю-бянь-юй-ту поименованы три такія переправы. Въ статьѣ своей о Да-тунѣ авторъ Ц. Б. Ю. Т. сѣтуетъ въ общихъ выраженіяхъ на недостатокъ дисциплины въ китайскихъ войскахъ и на продажность военачальниковъ, которые, заботясь лишь о собственныхъ выгодахъ, пріобрѣтали для кавалеріи дурныхъ лошадей, во многомъ уступавшихъ монгольскимъ. Кромѣ того, при нападеніяхъ со стороны враговъ, они умышленно скрывали извѣстія объ ихъ приближеніи, донося объ этомъ въ Пекинъ, только когда набѣги оканчивались.

Далѣе на западъ лежала область Юй-линъ (榆林), границей которой на западѣ было теченіе Хуань-хэ, а на сѣверѣ Великая стѣна, идущая здѣсь въ сѣверо-восточномъ направленіи. Въ Юй-линѣ имѣлось 6 инъ и 28 пу; гарнизонъ-же этой области состоялъ изъ пятидесяти тысячъ воиновъ. Управление было ввѣрено губернатору, резиденція коего находилась въ самомъ городѣ Юй-линѣ. Главнымъ укрѣпленіемъ области служила Великая стѣна, заново отремонтированная при минской династіи; въ этой мѣстности она была снабжена многочисленными сигнальными башнями и бастіонами. Непосредственно къ югу отъ нея тянулась обширная горная страна, представлявшая собою естественную преграду для нападающаго непріятеля. Укрѣпленная линія эта служила базой для китайскихъ войскъ, которыя были расположены къ сѣверу отъ нея, въ предѣлахъ Ордоса (Хэ-тао). Здѣсь образованъ былъ цѣлый рядъ военныхъ поселеній, и колонисты-солдаты занимались охотою, хлѣбопашествомъ, велось кромѣ того и лѣсное хозяйство. При первыхъ императорахъ минской династіи монголы очень рѣдко отваживались переходить чрезъ Желтую рѣку и нападать на Хэ-тао. Со второй половины XV-го вѣка все это рѣзко измѣнилось;—съ этого времени сѣверные кочевники стали все чаще и чаще появляться въ этой области, распоряжаясь тамъ, какъ у себя дома. Тѣснимые ими китайцы принуждены были отказаться отъ эксплуатированія естественныхъ богатствъ Хэ-тао и ретироваться за укрѣпленія Юй-линъскія. Съ этого времени сталъ на очередь вопросъ о продовольствіи войскъ, составлявшихъ гарнизонъ Юй-линъа. Послѣ утраты Ордоса, производительность этой области падала съ каждымъ годомъ, и всѣ необходимыя жизненные припасы приходилось доставлять туда издалека. Правительство платило при этомъ за всѣ продукты двойныя и тройныя цѣны и всетаки держало своихъ солдатъ впроголодь. Такое печальное положеніе дѣлать не могло, конечно, упрочить за Китаемъ обладаніе этою областью, и она дѣлалась жертвою набѣговъ непріятеля настолько часто, что авторъ Ц. Б. Ю. Т. неоднократно възываетъ опасенія за

ея цѣлость. Облегчало монголамъ доступъ въ Юй-линь, главнымъ образомъ то обстоятельство, что китайцы поселяли здѣсь въ качествѣ пограничныхъ колонистовъ кромѣ солдатъ, еще и сосланныхъ преступниковъ, которые входили въ сношенія съ непріятелемъ и служили ему надежными проводниками.

Къ западу отъ Юй-линь лежали три пограничные округа, заполнявшіе сѣверо-восточную часть провинціи Гань-су, а именно: Нинъ-ся (甯夏), Гу-юань (固原) и Лань-чжоу (蘭州). Округъ Нинъ-ся простирался на югъ до параллели Цзинь-цзу-пу, на западѣ границей его былъ изгибъ Желтой рѣки у укрѣпленія Чжунъ-вэй (中衛) и на сѣверѣ переваль Чжэнь-бэй-коу (鎮北)¹⁾. Управление этимъ округомъ, снабженнымъ, несмотря на незначительность занимаемаго имъ пространства, довольно сильнымъ гарнизономъ, было ввѣрено особому генераль-губернатору. Непосредственно къ югу отъ Нинъ-ся лежала область Гу-юань; на востокѣ она граничила съ Цинъ-янъ-фу (慶陽), а на западѣ съ округомъ Лань-чжоу, который былъ ей подчиненъ въ административномъ отношеніи. Завѣдываніе Гу-юанемъ и Лань-чжоу было поручено генераль-губернатору, имѣвшему резиденцію въ Гу-юанѣ. Въ Лань-чжоу-же проживалъ особый чиновникъ, имѣвшій званіе Ланъ-чжунъ-а (郎中). Во всѣхъ трехъ округахъ этихъ имѣлось всего 5 вэй, 8 со, 5 инъ и 33 пу. Въ своихъ замѣчаніяхъ о военномъ устройствѣ этого края, авторъ Ц. Б. Ю. Т. повторяетъ свои сѣтованія на неудовлетворительность его охраны, на распущенность военачальниковъ и на отсутствіе дисциплины въ войскахъ, благодаря чему непріятель всегда имѣлъ полную возможность знать о положеніи дѣлъ въ пограничныхъ округахъ.

Въ началѣ минъской династіи власть китайцевъ была еще прочна здѣсь, и монголы, дѣлая вторженія въ Хэ-тао, принуждены бывали избирать круговой путь, огибавшій горы Хэ-лань-шань (賀蘭) съ сѣвера; впоследствии-же они стали ходить южнымъ пу-

1) См. карту Магусовскаго.

темъ, чрезъ самую область Нинъ-ся. Введеніе въ округъ Гу-юань погранично-военнаго управленія имѣло мѣсто лишь въ царствованіе императора Хунъ-чжи (弘治), т. е. въ самомъ концѣ пятнадцатаго вѣка, когда Монголы успѣли пробить себѣ дорогу къ югу отъ хребта Хэ-лань-шань. Тогда естественно явилась необходимость организовать на военную ногу области, лежавшія къ югу отъ Нинъ-ся. Разсуждая о сравнительной важности, въ стратегическомъ отношеніи, различныхъ пунктовъ въ этихъ трехъ пограничныхъ округахъ, авторъ Ц. Б. Ю. Т. находитъ, что наибольшаго вниманія, въ этомъ отношеніи, заслуживаетъ мѣстность Хуа-ма-чи (花馬池), чрезъ которую монголы предпочитали совершать свои набѣги. Въ виду важности этого пункта, онъ предлагалъ устроить именно тамъ резиденцію Нинъ-ся'скаго генераль-губернатора.

Въ противоположность восточной половинѣ сѣвернаго Китая, гдѣ, какъ мы видѣли выше, были учреждены довольно крупныя области, ввѣренныя управленію особыхъ генераль-губернаторовъ и губернаторовъ, западная половина этого края раздѣлялась на весьма мелкіе участки. Такъ, слѣдующій за Нинъ-ся округъ, занимающій среднюю часть провинціи Гань-су, дробился на цѣлыхъ пять участковъ, посившихъ названіе военныхъ поселеній и управлявшихся совершенно независимо другъ отъ друга. Это были — Чжуанъ-ланъ-вэй (莊郎), Си-нинъ вэй (西甯), Ланъ-чжоу-вэй (涼州), Чжэнь-фанъ-вэй (鎮番) и Юнь-чанъ-вэй (永昌).

Наиболѣе значительнымъ изъ этихъ участковъ былъ Чжуанъ-ланъ, занимавшій восточный уголъ этого края и непосредственно прилегавшій на востокѣ къ областямъ Нинъ-ся и Лань-чжоу. Границей Чжуанъ-ланъ-а на сѣверѣ служила Великая стѣна, тянущаяся здѣсь въ западномъ направленіи, на югѣ предѣлы этого округа достигали Хуанъ-хэ и впадающей въ нее рѣки Тэтунь-гола, текущей въ юго-восточномъ направленіи; наконецъ, на западѣ границей Чжуанъ-ланъ-а можно считать 72-й меридіанъ восточной долготы отъ Пулкова. Гарнизонъ этого округа состоялъ

изъ 11 тысячъ человекъ въ томъ числѣ $3\frac{1}{2}$ тысячи конницы. Всѣхъ укрѣпленій (пу) здѣсь было одиннадцать.

Непосредственно къ юго-западу отъ Чжуань-лан'а лежалъ участокъ Си-нинъ-вэй; границей его на сѣверѣ былъ Тэтунь-голь, и эта-же рѣка служила ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, и восточной границей, со стороны Чжуань-лан'а; на югѣ территория этого участка доходила до Желтой рѣки и, наконецъ, на западѣ до нынѣшней границы провинціи Гань-су. Укрѣпленій здѣсь было всего шесть (1 со и 5 пу) и войскъ нѣсколько менѣе, чѣмъ въ Чжуань-лан'ѣ, а именно около $8\frac{1}{2}$ тысячъ, изъ коихъ однако, цѣлая половина конныхъ. Къ сѣверу отъ Си-нин'а и къ западу отъ Чжуань-лан'а лежалъ округъ Лянъ-чжоу-вэй. Параллель, на которой лежитъ нынѣшній городъ Лянъ-чжоу, можетъ быть принята за сѣверную границу его, на западѣ-же слѣдуетъ считать за таковую 72-й меридіанъ. Несмотря на весьма незначительное пространство, занятое этимъ участкомъ, здѣсь имѣлось не менѣе 9 укрѣпленій, съ гарнизономъ въ 10 тысячъ человекъ, въ томъ числѣ $2\frac{1}{2}$ тысячи конныхъ.

Выдающийся къ сѣверу отъ Лянъ-чжоу уголъ провинціи Гань-су былъ занятъ небольшимъ участкомъ — Чжэнь-фанъ-вэй, ограниченнымъ со всѣхъ сторонъ Великою стѣною. Здѣсь было всего два укрѣпленія съ гарнизономъ въ 4,000 человекъ, изъ коихъ одна треть была конная.

Наконецъ, послѣдній изъ этихъ пяти участковъ, Юнь-чанъ-вэй, соприкасался на востокѣ и югѣ съ округами Лянъ-чжоу и Си-нинъ, на сѣверѣ-же границей его слѣдуетъ считать Великою стѣну, а на западѣ 71-й меридіанъ восточной долготы отъ Пулкова.

Крайнюю сѣверозападную часть провинціи Гань-су занимали три небольшихъ округа, также извѣстныхъ подъ названіемъ военныхъ поселеній (вэй) Шань-данъ-вэй (山丹), Гань-чжоу-вэй (甘州) и Су-чжоу-вэй (肅州). Всѣ они вмѣстѣ составляли одну область, называвшуюся Гань-су-шань-данъ-бянь (甘肅山丹邊), граничившую на востокѣ съ округомъ Юнь-

чанъ, на югѣ съ хребтомъ Нань-шань'скихъ горъ; на западѣ предѣлы ея достигали укрѣпленія Цзя-юй-гуань (嘉峪) и, наконецъ, на сѣверѣ—сѣверной границы провинціи Гань су, огражденной Великою стѣною. Военныя поселенія эти управлялись самостоятельно и были снабжены довольно значительными гарнизонами. Въ Шань-данъ'скомъ округѣ имѣлось 9 укрѣпленій (1 со и 8 пу) и $8\frac{1}{2}$ тысячъ гарнизона, одна четверть коего состояла изъ конныхъ солдатъ. Поселеніе Гань-чжоу-вэй было наиболѣе значительнымъ изъ всѣхъ; управлялось оно губернаторомъ (Цинъ-чай-сюнь-фу-ду-юй ши). Сановникъ этотъ, вѣроятно, имѣлъ общій надзоръ за администраціей во всѣхъ трехъ округахъ; — изъ данныхъ сообщаемыхъ Ц. Б. Ю. Т. этого, впрочемъ, не видно. Здѣсь было всего 8 укрѣпленныхъ мѣстъ (пу), гарнизонъ коихъ состоялъ изъ 34 тысячъ человекъ; изъ нихъ девять тысячъ конныхъ. Крайнимъ западнымъ изъ этихъ трехъ округовъ былъ Су-чжоу-вэй. Здѣсь сооружено было шесть укрѣпленій (1 со, 1 гуань и 4 пу), въ коихъ размѣщено 11 тысячъ солдатъ; изъ нихъ около трети конныхъ.

Уже съ первыхъ временъ мин'ской династіи, при покореніи мѣстностей, лежавшихъ къ западу отъ Хуанъ-хэ (Хэ-си), границы имперіи были точно опредѣлены и не простирались далѣе Цзя-юй-гуан'я, т. е. крайней сѣверо-западной части провинціи Гань-су. Къ западу-же отъ этой крѣпости находилось, какъ я укажу подробнѣе ниже, нѣсколько мелкихъ княжествъ со смѣшаннымъ монгольскимъ и уйгурскимъ населеніемъ, состоящихъ лишь въ номинальной зависимости отъ Китая, а фактически пользовавшихся полною самостоятельностью. Въ своемъ разсужденіи о стратегическомъ и экономическомъ положеніи крайней сѣверо-западной границы имперіи, авторъ Ц. Б. Ю. Т. выставляетъ на видъ бѣдственное положеніе семнадцати тысячъ китайскихъ земледѣльцевъ, лишенныхъ возможности, вслѣдствіе отсутствія надежной военной охраны, заниматься своимъ дѣломъ. Дабы обезопасить эту пограничную область съ сѣверо-западной стороны, нашъ авторъ предлагалъ все болѣе разумную поли-

тику съ сосѣдними княжествами, которыя могли-бы служить опорой въ случаѣ нападенія вѣшняго врага. Китайское правительство, между тѣмъ, гналось за дружбою Хами, которое было разгромлено въ концѣ XV-го вѣка Турфаномъ, и не могло по этому быть для него выгоднымъ союзникомъ въ борьбѣ противъ монголовъ.

Заканчивая на этомъ обзорѣ сѣверной границы Китая и ея административнаго устройства при мин'ской династїи, замѣчу, что тогдашняя граница имперїи была почти тождественна съ теперешней сѣверною границею собственнаго Китая, за исключенїемъ развѣ провинціи Чжи-ли, въ составъ которой нынѣ вошли многія чисто монгольскія земли, лежащія къ сѣверу отъ Великой стѣны. Я не принимаю при этомъ въ расчетъ, конечно, вновь образованной провинціи Гань-су-сивь-цзянъ (甘肅新疆). Что-же касается до военнаго и административнаго устройства края, то, какъ все въ Китаѣ, имѣющее отношеніе къ правительственнымъ учрежденїямъ и законамъ, организація сѣверныхъ пограничныхъ областей при Мин'цахъ была образцовою на бумагѣ, но на дѣлѣ далеко не удовлетворяла дѣйствительнымъ потребностямъ. Общими недостатками здѣсь были, по словамъ автора Ц. Б. Ю. Т., тупая неподвижность и косность Китайскихъ администраторовъ, не желавшихъ, не смотря на постоянно измѣнявшіяся условія пограничной жизни, принимать какія либо новыя мѣры. Не малую роль играло тутъ также отсутствїе единства и раздробленность пограничныхъ областей, такъ что мѣстности, лежавшія непосредственно вблизи столицы и имѣвшія потому особенную важность въ стратегическомъ отношенїи, поручались управленїю разныхъ, независимыхъ начальниковъ, распоряженія которыхъ должны были весьма часто противорѣчить другъ другу.

Но главная и безспорно наиболѣе существенная причина той безнаказанности, съ которою совершались частыя и опустошительныя набѣги монголовъ на сѣверную границу Китая; кроется въ полной деморализаціи китайскихъ войскъ и ихъ

командировъ. Большую ошибку сдѣлало также правительство, поселяя на границѣ сѣмьныхъ преступниковъ, которые, конечно, не могли служить надежною опорой въ случаѣ набѣговъ непрїателя и становились всегда на сторону сильнаго.

Глава III.

Царствованіе императоровъ Цзянь-вэнь (建文) (1399—1403) и Юнь-ло (1403—1425).

Въ первой главѣ я уже замѣтилъ, что монголамъ, вошедшимъ въ составъ военныхъ поселеній, образованныхъ на сѣверо-восточной границѣ Китая (Сань-вэй), суждено было играть видную роль въ внутреннихъ дѣлахъ имперїи¹⁾. Роль эта выпала на ихъ долю вскорѣ послѣ смерти Хунь-у, когда возгорѣлась междоусобная война между внукомъ и наслѣдникомъ покойнаго императора, и дядей послѣдняго, Янь-ван'омъ, управлявшимъ нынѣшнею Чжили'скою провинціею.

Предпринимая походъ на югъ противъ племянника, претендентъ на престолъ, повидимому, опасаясь, какъ бы Нинъ-ванъ, сидѣвшій правителемъ въ Да-нин'ѣ, не напалъ на него съ тылу. Желая обезпечить себя съ этой стороны онъ двинулся изъ Юнь-пин'а (永平), гдѣ стоялъ его лагерь, прежде всего на Да-нинъ, имѣя въ мысляхъ коварнымъ образомъ захватить Нинъ-ван'а. Съ этою цѣлью, онъ заблаговременно подкупилъ начальниковъ монгольскихъ племенъ и, будучи увѣренъ въ ихъ содѣйствїи, явился въ Да-нинъ какъ бы съ дружескими намѣренїями. Пробывъ тамъ не долго, онъ сталъ собираться въ обратный путь, и ничего не подозревавшій Нинъ-ванъ вызвался проводить своего гостя, для чего выѣхалъ за городъ и устроилъ въ полѣ угощенїе. Между тѣмъ, по данному сигналу, сюда сбѣжались мѣстные

1) См. стр. 15.

монголы съ помощью которыхъ Янь-ван'у удалось обезоружить и захватить своего слишкомъ довѣрчиваго хозяина. Покончивъ дѣла на сѣверѣ, Янь-ванъ началъ рѣшительныя дѣйствія противъ племянника, причемъ захватилъ съ собою въ походъ отрядъ изъ 3,000 монголовъ, жителей трехъ военныхъ поселеній. Воцарившись въ 1403 г. подъ именемъ Юнь-ло, новый императоръ посылалъ освободить бывшихъ своихъ союзниковъ отъ постоянного надзора въ лицѣ китайскаго чиновника (Ду-сы 都司), проживавшаго въ Да-нин'ѣ. Резиденція послѣдняго была переведена въ Бао-динъ-фу, и весь округъ Да-нинъ отошелъ при этомъ къ монголамъ¹⁾. Можно предположить, что эта существенная уступка была обѣщана Юнь-ло еще раньше, когда онъ только начиналъ борьбу съ племянникомъ.

Избавивъ монголовъ отъ постоянного пребыванія въ ихъ средѣ, вѣроятно, не мало стѣснявшаго ихъ китайскаго администратора, новый императоръ продолжалъ, однако, имѣть фактическій надзоръ за этими племенами. Въ первый-же годъ его царствованія мы встрѣчаемъ упоминанія о двукратныхъ посольствахъ, отправленныхъ имъ въ три сѣверо-восточныя поселенія. Въ слѣдующемъ 1404 году начальники обитавшихъ здѣсь монгольскихъ родовъ явились на поклонъ съ данью. Всѣмъ имъ были розданы чиновныя званія; при этомъ главарь Ха-эррѣ-у-дай (哈兒兀歹) былъ назначенъ главнозавѣдующимъ дѣлами въ До-янь, Ань-чу (安出) и Ту-бу-шэнь (土不申) въ Фу-юй и Ху-ла-бань-ху (忽刺班胡), въ Тай-нин'ѣ²⁾.

Зорко наблюдая за положеніемъ дѣлъ въ этихъ областяхъ, Юнь-ло дорожилъ также расположеніемъ и дружбою поселенныхъ здѣсь монголовъ, расчитывая найти въ нихъ надежныхъ союзниковъ для борьбы противъ ихъ независимыхъ сородичей. Въ 1407 году въ сѣверо-восточныхъ областяхъ открылся голодъ, что подало поводъ монголамъ-поселенцамъ обратиться къ китайскому правительству съ просьбою разрѣшить имъ обмѣ-

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 8 л.

2) Ibid. 9 л.

нивать своихъ лошадей на хлѣбъ. Юнь-ло поспѣшилъ выразить свое согласіе на эту мѣру, и вскорѣ были открыты конные рынки въ городахъ Кай-юан'ѣ и Гуань-нин'ѣ; при этомъ лошади были разсортированы на два разряда и цѣны за нихъ назначены были двойныя противъ обыкновенныхъ. Приѣмкою лошадей и уплатою за нихъ денегъ завѣдывали спеціально назначенные для того чиновники¹⁾. Установленіе конныхъ рынковъ въ 1407 году является первою мѣрою китайскаго правительства въ этомъ смыслѣ и замѣчательна она тѣмъ, что, будучи первоначально примѣнена по отношенію къ подданнымъ императора (хотя-бы и номинальнымъ только) и яко-бы съ благотворительною цѣлью, явилась прецедентомъ, на основаніи коего впослѣдствіи предъявлялись независимыми монголами къ китайскому правительству требованія объ открытіи торга лошадьми на тѣхъ-же невыгодныхъ для китайцевъ основаніяхъ.

Обратимся теперь къ событіямъ, происходившимъ, за это время, въ самой Монголіи.

Историкъ Минь-ши свидѣтельствуетъ, какъ мы видѣли выше³⁾, что послѣ смерти То-гу-сы-Тэмюра, среди монголовъ происходили въ теченіи 12-ти лѣтъ (1388—1400) постоянныя усобицы, причемъ всѣ преемники То-гу-сы-Тэмюра умирали насильственною смертію; такъ смѣнили другъ друга цѣлыхъ пять хановъ⁴⁾, причемъ центральная ханская власть утратила всякій авторитетъ и значеніе. Въ 1400 году вступилъ на престолъ старшій сынъ убитаго ойратскимъ Угэчи-хашагою Элбэкъ-хана, Гунь-Тэмуръ (坤)⁴⁾. Порядокъ при этомъ возстановленъ, однако, не былъ, прежнія усобицы продолжались, и не далѣе какъ въ

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 9 л.

2) См. стр. 14.

3) Какъ у Санань-сэцэна, такъ и въ Алтань-Тобчи послѣ смерти Усахаль-хана и до воцаренія Гунь-Тэмюра упоминается лишь о двухъ ханахъ. См. Schmidt, стр. 139—145 и Алтань-Тобчи, стр. 57—58.

4) Минь-ши, отд. Да-дань, 327 цз., 5 л.; Schmidt, op. cit., стр. 144; въ Алтань-Тобчи ханъ этотъ именуется Тогономъ, хронологія въ Алтань-Тобчи здѣсь крайне сбивчива, см. стр. 57 Монг. текста.

1402 году Гунь-Тэмурь былъ смѣщенъ иѣкимъ Гуй-ли-чи (鬼力赤), не признававшимъ его авторитета. Послѣдній захватилъ власть въ свои руки и назвалъ себя Хаганомъ, причеиъ упразднилъ прежнее династическое имя «Юань» и далъ своему народу наименованіе Да-дань (韃 韃) ¹⁾. Подъ этимъ именемъ восточные монголы и извѣстны намъ за весь періодъ мин'ской династіи. По вступленіи своемъ на престолъ, императоръ Юнь-ло отправилъ въ Гуй-ли-чи посланца съ милостивымъ указомъ и щедрыми подарками, состоявшими изъ золота, одеждъ и шелковыхъ матерій; не забыты были при этомъ и приближенные Гуй-ли-чи, Чжи-юань (知院) (чиновн. званіе) А-лу-тай (阿魯台) и Чанъ-сянь (丞相) (также чиновн. званіе) Ма-эрр-ха-цза (馬兒哈咱). О правленіи Гуй-ли-чи мы находимъ въ Минь-ши весьма скудные свѣдѣнія: — китайскій историкъ упоминаетъ лишь о томъ, что у него происходили частыя столкновенія съ ойратами ²⁾.

Здѣсь впервые встрѣчаемъ мы въ китайскихъ источникахъ упоминаніе объ ойратахъ, извѣстныхъ у нихъ подъ названіемъ Ва-ла (瓦剌). Въ Минь-ши сообщается только, что племя это монгольскаго происхожденія и кочевало къ западу отъ Да-дань-цевъ и къ сѣверо-западу отъ стени Ша-мо (沙漠) ³⁾. При послѣднихъ императорахъ Юань'ской династіи, ойраты находились подъ властью одного сильнаго главара Мэнъ-кэ-Тэмуря (猛可), по смерти коего народъ раздѣлился на три части подъ начальствомъ трехъ вождей — Ма-ха-му (馬哈木), Тай-пин'а (太平) и Ба-гу-бо-ло (把秃字羅). Съ самаго начала правленія Юнь-ло, они старались ладить съ китайскимъ дворомъ и имѣли съ нимъ постоянныя, оживленные сношенія ⁴⁾. Враждовавшій съ ойратами предводитель восточныхъ монголовъ, Гуй-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цв., 5 л.

2) Ibid.

3) Подробно объ этомъ предметѣ см. у д-ра Бретшнейдера *op. cit.*, т. II, стр. 161 и 168—170.

4) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цв., 1 л.

ли-чи, не долго оставался у власти; въ 1408 году ¹⁾ онъ погибъ отъ руки своего приближеннаго А-лу-тай'я ²⁾. О личности Гуй-ли-чи существуютъ самыя разнородныя мнѣнія. — В. М. Успенскій приурочиваетъ его къ Куйланча-Багадuru ойратскому, о которомъ говорится въ Алтанъ-Тобчи ³⁾, но этотъ Куйланча участвовалъ въ битвѣ ойратовъ съ монголами въ 1426 году, тогда какъ упоминаемый въ Минь-ши Гуй-ли-чи былъ убитъ въ 1408 году. Schmidt отождествляетъ его съ Улчжэй-Тэмурь-ханомъ, принимая Гуй-ли-чи за искаженіе Улчжэй ⁴⁾. Howorth находитъ такое отождествленіе неправильнымъ, такъ какъ Улчжэй-Тэмурь, будучи законнымъ ханомъ, не имѣлъ надобности измѣнять династическое названіе Юань и называть свой народъ Да-дань ⁵⁾. Я, съ своей стороны, не могу согласиться съ мнѣніемъ Howorth'а, который отождествляетъ Гуй-ли-чи, съ ойратскимъ Угэчи-хашагою: — главнымъ дѣломъ этого монгольскаго предводителя была, какъ мы видѣли, борьба съ ойратами, тогда какъ Угэчи-хашага принадлежалъ именно къ этому племени. По моему мнѣнію, лучше, всего не прибѣгать къ сомнительнымъ и весьма неточнымъ сравненіямъ монгольскихъ именъ съ ихъ китайскою транскрипціею и помириться съ мыслью, что Гуй-ли-чи былъ просто однимъ изъ многочисленныхъ монгольскихъ главарей, недовольныхъ слабостью центральной власти, въ особенности въ дѣлѣ борьбы съ ойратами, и поднявшихъ, вслѣдствіе того, знамя мятежа.

Убийца Гуй-ли-чи, А-лу-тай, не надѣясь удержаться во власти помимо законныхъ претендентовъ на престолъ, объявилъ ханомъ потомка юань'скаго дома Бэнь-я-ши-ли (本雅失里).

Случилось это событіе въ мѣстности Бѣ-ши-па-ли (別失里八) (Бишбалыкъ) ⁶⁾, и А-лу-тай вышелъ туда на встрѣчу

1) М. Ш. Бэнь-цзи, 6 цв., 7 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цв., 5 л.

3) См. Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай, стр. 91.

4) Geschichte der Ost-Mongolen, Schmidt, стр. 404.

5) History of the Mongols, Howorth, part I, стр. 352.

6) Опредѣленіе этой мѣстности, см. Bretschneider, т. II, стр. 225.

къ вновь поставленному имъ хану¹⁾. Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что гипотеза Howorth'a о тождественности Бэнь-я-ши-ли съ Улчжэй-Тэмуромъ совершенно основательна, такъ какъ у Petis de la Croix, цитируемаго Howorth'омъ, имѣется свѣдѣніе, что Улчжэй-Тэмуръ нѣкоторое время пребывалъ у Тамерлана и послѣ того возвратился и сѣлъ на престолъ²⁾. Годомъ воцаренія его слѣдуетъ считать 1408 годъ, а не 1405, какъ значится у Бретшнейдера и Howorth'a. Что-же касается Сананъ-Сэцэна, то онъ даетъ намъ 1403 годъ, т. е. заставляетъ Улчжэй-Тэмурѣ возсѣсть на престолъ немедленно по смерти Гунъ-Тэмурѣ, что вполне естественно, такъ какъ онъ игнорируетъ существованіе Гуй-ли-чи.

Получивъ вѣсть о воцареніи Бэнь-я-ши-ли, императоръ Юнь-ло немедленно-же отправилъ къ нему грамоту слѣдующаго содержания: «Послѣ паденія могущества монголовъ, отъ потомка императора Шунь-ди (順帝), А-ю-ши-ли-да-ла, до Гунъ-Тэмурѣ, во всѣ шесть (sic) поколѣній, весьма быстро смѣнявшихъ другъ друга, я не слыхалъ, чтобы хоть одинъ человекъ окончилъ жизнь спокойно. Тай-цзу Гао-хуанъ-ди (太祖高皇帝) весьма милостиво обращался съ потомками Юань'цевъ, и изъяслявшихъ покорность онъ отпускалъ на волю. Онъ отпустилъ, на примѣръ, То-гу-сы-Тэмурѣ, о чемъ извѣстно всѣмъ людямъ сѣвера и юга³⁾. Наше расположеніе къ монголамъ ничуть не отличается отъ родительскаго. Теперь возстановлено прямое потомство юань'ской династїи, и отъ вашего желанія изъяснить покорность или непокорность зависятъ ваше собственное счастье или гибель. Хорошенько обдумайте это»⁴⁾. Заискивающее и вмѣстѣ съ тѣмъ грозное посланіе это не произвело, повидимому, желаннаго впечатлѣнія. Въ слѣдующемъ-же 1409 году, одинъ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 5 л.

2) Howorth, op. cit., стр. 353.

3) По этому мѣсту можно заключить, что Май-ди-ли-па-ла и Тогусы-Тэмурѣ одно и тоже лицо. Ссылка на это мѣсто сдѣлана мянѣ выше. См. стр. 9.

4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 5—6 лл.

монгольскій офицеръ Вань-чжэ-Тэмуръ (完者) съ 22 товарищами грабилъ на границѣ и былъ захваченъ китайцами. Для объясненій по этому дѣлу китайскій дворъ отправилъ къ Бэнь-я-ши-ли посланца Го-цзи (郭驥) съ грамотою отъ самаго императора, хотѣвшаго видимо уладить это недоразумѣніе путемъ мирныхъ переговоровъ, но, по приказу монгольскаго владыки, Го-цзи былъ убитъ, что, конечно послужило поводомъ къ полному разрыву¹⁾. Видя строптивость и несговорчивость Бэнь-я-ши-ли, Юнь-ло постарался заручиться дружбою ойратовъ; въ томъ-же 1409 году всѣ три лица, стоявшія во главѣ этого племени были пожалованы почетными титулами: Ма-ха-му возведенъ былъ въ званіе Шунь-нинъ-ван'а (順寧王), Тай-пинъ въ званіе Сянь-и-ван'а (賢義), и, наконецъ, Ба-гу-бо-ло въ званіе Ань-ло-ван'а (安樂). Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ были выданы печати и грамоты²⁾. Ойратскіе предводители прекрасно поняли, къ чему клонились всѣ эти щедрыя милости китайцевъ, и вполне оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды. Не далѣе какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, Ма-ха-му сразился съ Бэнь-я-ши-ли и А-лу-тай'емъ, причемъ восточные монголы были отброшены на Люй-цзюй-хэ (Кэрулэнь)³⁾. Пользуясь временнымъ ослабленіемъ врага, послѣ этого пораженія, императоръ Юнь-ло снарядилъ противъ Бэнь-я-ши-ли и А-лу-тай'я экспедицію, начальство надъ коею вручено было Цю-фу (邱福). Ему дали 100 тысячъ войска и снабдили инструкціями, въ которыхъ предписывалось соблюдать величайшую осторожность и двигаться все время такъ, какъ будто-бы враги были совсѣмъ близко. Подойдя къ Кэрулэну, китайское войско повстрѣчалось съ монгольскимъ рекогносцировочнымъ отрядомъ, который притворно обратился въ бѣгство⁴⁾; при этомъ захваченъ былъ въ плѣнъ одинъ монгольскій офицеръ, который заявилъ, на разпросы Цю-фу, что

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 6 л.

2) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 1 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 6 л.

4) Ibid.

Бэнь-я-ши-ли находится не далѣе какъ въ 30 ли. Услыхавъ это, китайскій главнокомандующій весьма обрадовался и, несмотря на увѣщанія своихъ приближенныхъ, далъ приказаніе двигаться впередъ; вскорѣ китайцы были окружены полчищами враговъ и произошла страшная рѣзня, во время коей почти всѣ китайскіе предводители были перебиты. Узнавъ объ этомъ позорномъ пораженіи, императоръ пришелъ въ страшный гнѣвъ, и, дабы изгладить всякое воспоминаніе объ этой неудачѣ, повелѣлъ измѣнить названіе рѣки Люй-цзюй-хэ въ Инъ-ма-хэ¹⁾. Весною слѣдующаго-же 1410 года онъ рѣшилъ лично выступить противъ непріятеля. Собравши огромное полумиліонное²⁾ войско, онъ вышелъ за Великую стѣну. Услыхавъ о приближеніи самаго повелителя Китая, Бэнь-я-ши-ли струсилъ и хотѣлъ бѣжать, но на это не согласился А-лу-тай и, они разошлись. «Съ тѣхъ поръ», говоритъ историкъ Минъ-ши, «государь (т. е. Бэнь-я-ши-ли) и чиновникъ (т. е. А-лу-тай) образовали каждый свое отдѣльное племя». Юнь-ло направился, прежде, всего противъ Бэнь-я-ши-ли, бѣжавшаго на сѣверо-западъ и преслѣдовалъ его до рѣки Хань-нань (翰難) (т. е. Ононь), гдѣ монгольскій ханъ принялъ наконецъ, сраженіе, но потерпѣлъ сильное пораженіе; бросивъ весь свой обозъ и скотъ, онъ спасся въ сопровожденіи лишь семи всадниковъ. На возвратномъ пути, около Цзинъ-лу-чжен'я (靜虜鎮) (?), китайскій отрядъ повстрѣчался съ А-лу-тай'емъ. Императоръ отправилъ къ монгольскому предводителю посланцевъ съ предложеніемъ покориться, и А-лу-тай лично былъ не прочь отъ этого, но приближенные его не соглашались и принудили его вступить въ бой. Императоръ пустилъ въ сраженіе избранныю конницу, и противники бросились другъ на друга съ неистовымъ крикомъ, причемъ стрѣлы падали какъ дождь. А-лу-

1) М. Ш. Бэнь-цзи, 6 цз., 8 л.

2) Историкъ Минъ-ши обыкновенно не прочь значительно округлять численность китайскихъ войскъ. Приводимая здѣсь цифра не можетъ быть даже и близка къ истинѣ, такъ какъ передвиженіе большихъ массъ войскъ въ степяхъ было несомнѣнно сопряжено съ чрезвычайными трудностями.

тай упалъ съ лошади и войско его потерпѣло полнѣйшее пораженіе. Китайцы преслѣдовали бѣглецовъ¹⁾ въ сѣверномъ направленіи на разстояніи 100 слишкомъ ли и затѣмъ возвратились обратно²⁾.

Послѣ этой весьма чувствительной неудачи А-лу-тай понялъ всѣ преимущества притворной покорности предъ открытой враждой. Въ томъ-же году, зимою, онъ отправилъ въ Пекинъ въ дань лошадей; подношеніе это было благосклонно принято императоромъ, невольно предпочитавшимъ имѣть въ А-лу-тай'ѣ хотя-бы притворнаго, но все таки союзника и данника, а не врага.

Монголія того времени распадалась на два самостоятельныхъ отдѣла — западный ойратскій, гдѣ главенствовалъ Ма-ха-му и восточный, находившійся подъ предводительствомъ А-лу-тай'я. Провести точную границу между ними весьма трудно, но не подлежитъ сомнѣнію, что восточные монголы занимали гораздо меньшую территорію, чѣмъ ихъ западные соплеменники; обитали они на югъ отъ степи, у самой границы собственнаго Китая. Между ними и ойратами происходила постоянная упорная борьба, и тотъ изъ родоначальниковъ, который достигалъ временной гегемоніи, тотчасъ же спѣшилъ узаконить свое положеніе, поддерживая одного изъ многочисленныхъ потомковъ юань'скихъ императоровъ, считавшихъ себя законными претендентами на ханскій престолъ.

Такимъ образомъ, ойратскій Ма-ха-му убилъ въ 1412 году А-лу-тай'ева ставленника Бэнь-я-ши-ли и провозгласилъ ханомъ Да-ли-ба (答里巴)³⁾. Желая отомстить за убійство послѣдняго, А-лу-тай приложилъ всѣ старанья, чтобы сблизиться съ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 6 л.

2) М. Ш. Бэнь-цзи, 6 цз., 9 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 6—7 л. Это несомнѣнно Дэлбэкъ-ханъ, упоминаемый у Сананъ-Сэцэна (см. Schmidt, op. cit., 144 стр.); въ Алтанъ-Тобчи онъ именуется Далбакомъ (стр. 57 монг. текста). Сомнительно, чтобы свѣдѣніе Сананъ-Сэцэна о томъ, что онъ былъ сыномъ Улчжэй-Тэмюра было справедливо, такъ какъ въ такомъ случаѣ выходило-бы, что Ма-ха-му, убивъ отца, возвелъ на престолъ сына.

китайскимъ дворомъ. Онъ прислалъ дань, которая была благо-склонно принята, и ему были возвращены захваченные въ плѣнъ въ битвѣ при Цзинь-лу-чжен'ѣ его старшій братъ и младшая сестра. Въ томъ же 1412 году онъ представилъ въ Пекинъ слѣдующій докладъ: «Ма-ха-му убилъ своего законнаго владыку и самовольно поставилъ на ханство Да-ли-ба; я желаю показать искреннюю покорность свою Китаю и отомстить за смерть хана». Слѣдую мудрому правилу — «divide et impera», императоръ поспѣшилъ одобрить планъ А-лу-тай'я и даже наградилъ его за столь похвальное намѣреніе титуломъ Хэ-нинъ-ван'а, т. е. князя Каракорумскаго¹⁾. Это, не могло, конечно, понравиться Ма-ха-му, и отношенія его къ китайскому двору дѣлаются съ этихъ поръ весьма натянутыми. Зимой 1413 года ойраты начали наступательное движеніе и расположились на Инъ-ма-хэ (измѣненное названіе Кэрулэна), ложно заявляя, что они собираются напасть на А-лу-тай'я. Угадавъ ихъ настоящія намѣренія, Кай-пин'скій Шоу-цзянь (守將 офиц. чинъ) поспѣшилъ отправить по этому предмету докладъ въ Пекинъ. Императоръ рѣшилъ лично идти въ походъ. Выступивъ въ 1414 году, онъ прошелъ мѣстности Синъ-хэ²⁾ и остановился въ Ху-ланъ-ху-ши-вэн'ѣ (忽蘭忽失温)³⁾. Здѣсь и произошло рѣшительное сраженіе, въ коемъ Ма-ха-му потерпѣлъ сильное пораженіе. Императорскія войска преслѣдовали его до р. Ту-ла⁴⁾. Въ этой битвѣ А-лу-тай не участвовалъ, благоразумно выжидая исхода ея и не желая помогать одному врагу въ ущербъ другому. Не смотря на такое предательское бездѣйствіе своего мнимаго союзника, императоръ не рѣшился однако послѣ сраженія съ Ма-ха-му, идти противъ него и счелъ даже возможнымъ очень милостиво принять посланцевъ А-лу-тай'евыхъ, щедро наградивъ ихъ рисомъ, сушенымъ мясомъ, виномъ и нѣсколькими кусками шелковыхъ матерій⁵⁾.

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 7 л.

2) М. Ш. Бэнь-цзи, 7 цз., 1 л.

3) Положеніе Ху-ланъ-ху-ши-вэнъ опредѣлить мнѣ не удалось.

4) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 9 л.

5) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 7 л.

Со времени сраженія китайцевъ съ ойратами, мы не встрѣчаемъ болѣе упоминанія о Да-ли-ба (Дэлбэкъ-ханѣ), а потому возможно предположить, что онъ былъ убитъ въ этой битвѣ, или же въ слѣдующей, которая вскорѣ произошла между А-лутай'емъ и ойратами. Въ этомъ послѣднемъ сраженіи ойраты снова потерпѣли пораженіе, многія изъ нихъ захвачены были въ плѣнъ и представлены побѣдителями въ Пекинъ¹⁾.

Послѣ смерти Да-ли-ба въ Монголіи начинается періодъ двоеханія въ полномъ смыслѣ этого слова. — На востокъ продолжалъ стоять во главѣ правленія А-лу-тай, котораго, сказать кстаті, я склоненъ отождествлять — съ Ойратай'емъ Алтанъ-Тобчи²⁾; среди ойратовъ-же владычествовалъ все тотъ-же Ма-ха-му. Послѣдній причинялъ постоянно не мало хлопотъ китайскому правительству. — Вскорѣ послѣ понесеннаго имъ отъ Юнь-ло пораженія, онъ отправилъ въ Пекинъ посланцевъ съ данью и повинною; одновременно съ симъ присланъ былъ обратно задержанный ойратами, при возникновеніи недоразумѣній, китайскій посоль.

Веденіе мирныхъ переговоровъ нѣсколько затянулось, однако, вслѣдствіе разрыва происшедшаго между ойратами и А-лутай'емъ. Между тѣмъ Ма-ха-му умеръ. Послѣ его смерти переговоры возобновились; — изъ Пекина былъ отправленъ на западъ бывавшій уже ранѣе въ тѣхъ мѣстахъ евнухъ Хай-тунъ (海童), который увѣрилъ императора, что, со смертью Ма-ха-му, съ этимъ народомъ будетъ не трудно ладить. Хай-тун'у поручено было войти въ сношенія съ двумя главарями, оставшимися въ живыхъ — Тай-пин'омъ и Ба-ту-бо-ло, которымъ онъ долженъ былъ посулить отъ китайскаго двора богатая милости. Исполнивъ порученіе, Хай-тунъ вернулся въ 1418 году съ отвѣтнымъ посольствомъ ойратовъ. Сынъ умершаго Ма-ха-му, То-гуанъ (脫權)³⁾, просилъ императора о пожалованіи ему

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 7 л.

2) См. Алтанъ-Тобчи (стр. 57 монг. текста).

3) Очевидно Тогонъ Сананъ-Сэцэна и Алтанъ-Тобчи.

отповскаго титула. Просьба эта была немедленно-же уважена, и Тогонъ возведенъ въ званіе Шунь-нинъ-ван'а. Затѣмъ Хай-тунъ былъ снова командированъ къ ойратамъ для награжденія шелковыми матеріями Тай-пин'а и Ба-ту-бо-ло; вмѣстѣ съ нимъ отправленъ былъ специальный чиновникъ, которому поручено было принесеніе посмертныхъ жертвъ покойному Шунь-нинъ-ван'у, Ма-ха-му. Помощью всѣхъ этихъ наградъ и унижительныхъ заискиваній, китайскому двору удалось обезпечить себѣ миръ, по крайней мѣрѣ на четыре года, — до 1422 года мы не встрѣчаемъ упоминаній о какихъ либо нападеніяхъ ойратовъ на китайскую территорію ¹⁾.

Обратимся теперь къ А-лу-тай'ю и племенамъ восточныхъ монголовъ, надъ которыми онъ главенствовалъ. — Пользуясь тѣмъ, что вниманіе китайцевъ занято было ойратами, онъ, двигаясь понемногу на югъ, сталъ кочевать, у самой китайской границы. Не чувствуя себя въ силахъ прогнать его оттуда, императоръ Юнь-ло старался, по возможности, поддерживать съ нимъ дружественныя отношенія, награждая, между прочимъ, разными титулами его мать и жену, изъ коихъ первая получила званіе Ванъ-тай-фу-жень (王太夫人), а вторая Ванъ-фу-жень. А-лу-тай благосклонно принималъ всѣ эти милости китайцевъ и оставался спокойнымъ до поры до времени, собираясь съ силами и откармливая свой скотъ. Дружескія отношенія этого монгольскаго владѣльца къ китайскому двору не мѣшали, однако, его посланцамъ предаваться грабежамъ, въ то время какъ они возвращались изъ Пекина съ щедрыми подарками императора ²⁾.

Въ это-же время А-лу-тай озаботился расширеніемъ своего вліянія въ юго-восточной Монголіи. — Мы имѣемъ свѣдѣніе, что ему подчинилось племя урянхайцевъ ³⁾. Надѣясь на поддержку этихъ своихъ новыхъ союзниковъ, А-лу-тай въ 1422 году на-

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 2 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 7 л.

3) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 9 л. подъ названіемъ Урянхайцевъ (У-лянъ-ха) у китайскихъ историковъ подразумѣваются монгольскія племена, вошедшія въ составъ трехъ военныхъ поселеній (сань-вэй).

правиль значительный отрядъ для грабежа въ область Синъ-хэ. Терпѣніе императора, испытанное въ теченіи столь продолжительнаго времени, наконецъ, истощилось и онъ рѣшилъ выступить лично противъ неблагодарнаго сосѣда ¹⁾. Китайское войско прямо направилось на сѣверъ на Кай-пинъ и Инъ-чанъ. А-лу-тай, стоявшій лагеремъ у озера Ко-луань (闊 樂), не ожидалъ, по-видимому, столь рѣшительныхъ мѣръ со стороны императора. Не рѣшаясь встрѣтиться съ китайцами въ открытомъ полѣ, онъ бросилъ свой обозъ и скотъ и бѣжалъ въ степь. Упустивъ, такимъ образомъ, своего главнаго врага, императоръ рѣшилъ выместить гнѣвъ свой на урянхайцахъ, безъ поддержки которыхъ А-лу-тай, по его мнѣнію, не осмѣлился-бы произвести набѣгъ ²⁾; онъ встрѣтился съ ними у р. Цюй-лѣ-хэ (屈 烈), гдѣ и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе ³⁾. Таковымъ оно оказалось, впрочемъ, лишь на бумагѣ, въ восторженныхъ описаніяхъ придворныхъ историковъ, такъ какъ А-лу-тай очень быстро оправился отъ страха и не далѣе какъ въ слѣдующемъ-же году пограничные начальники донесли о новомъ вторженіи его въ китайскіе предѣлы. Полчища его были настолько внушительны, что императоръ, желая обезпечить себѣ успѣхъ, рѣшилъ снова лично идти противъ него и даже захотѣлъ предупредить нападенія монголовъ, выступивъ немедленно-же за Великую стѣну ⁴⁾. Когда китайское войско достигло мѣстности, лежащей къ сѣверу отъ Шань-чжуанъ-пу ⁵⁾, то въ императорскій лагерь явился съ изъявленіемъ покорности одинъ изъ монгольскихъ князей Ё-сянь-ту-цянь (也 先 土 千), добровольно выразившій желаніе выступить съ своимъ отрядомъ противъ А-лу-тай'я. Императоръ весьма милостиво отнесся къ покорившемуся монгольскому главарю, пожаловалъ ему даже титулъ Чжунъ-юнь-ван'а (忠 勇

1) М. Ш. отд. До-дань, 327 цз., 7 л.

2) М. Ш. Бэнь-цзи, 7 цз., 10 л.

3) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 9 л.

4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 7 л.

5) М. Ш. Бэнь-цзи, 7 цз., 11 л.

王) (т. е. «вѣрнаго и храбраго князя»), но всетаки не рѣшился довѣриться его покорности и не принялъ его предложенія идти противъ монголовъ. Между тѣмъ осенью того-же 1423 года А-лу-тай потерпѣлъ поражение отъ ойратовъ; узнавъ объ этомъ Юнь-ло вернулся въ столицу. Казалось-бы императору слѣдовало воспользоваться поражениемъ врага и окончательно ослабить его, а между тѣмъ онъ отступаетъ. Такую нерѣшительность можно объяснить опасениемъ китайцевъ углубляться въ позднюю осеннюю пору далеко въ степи, гдѣ трудно было доставлять для арміи необходимое продовольствіе. Между тѣмъ, А-лу-тай, избѣгая встрѣчъ съ императорскими войсками въ открытомъ полѣ, постоянно пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы дѣлать разбойническія нападенія на пограничныя области имперіи. Въ 1424 году онъ сильно разграбилъ Да-тунъ и Кай-пинъ. Энергичный императоръ въ третій разъ выступилъ противъ своего беспокойнаго сосѣда¹⁾, но, дойдя до мѣстности Да-лань-на-му-эррѣ (荅蘭納木兒) (несомнѣнно Долонъ-норь), узналъ, что А-лу-тай бѣжалъ далеко²⁾. Не считая возможнымъ преслѣдовать его въ степи, императоръ удовольствовался изданіемъ манифеста, въ которомъ подробно излагались всѣ преступленія А-лу-тай'я и обѣщалась полная амнистія тѣмъ изъ его подданныхъ, которые явятся съ покорностью. На обратномъ пути въ Пекинъ императоръ умеръ въ мѣстности Юй-му-чуань (榆木川)³⁾ (?).

Въ заключеніе настоящей главы, скажу нѣсколько словъ о событіяхъ, происходившихъ за разсматриваемый нами періодъ времени у сѣверо-западной границы провинціи Гань-су. Выше (см. стр. 27) я уже указалъ, что край этой былъ заселенъ полукочевыми племенами смѣшаннаго происхожденія съ преобладаніемъ, однако, монгольскаго элемента, который, во всякомъ случаѣ, являлся тамъ господствующимъ.

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 7 л.

2) М. Ш. Вэнь-цзи, 7 цз., 11 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 7 л.

Завязавъ въ концѣ правленія Хунь-у и въ первые годы царствованія Юнь-ло сношенія съ Китаемъ, племена эти должны были признать надъ собою его протекторатъ, и, по распоряженію пекинскаго правительства, управление здѣсь было организовано по образцу военныхъ поселеній урянхайцевъ на сѣверо-востокѣ.

Такимъ образомъ на границѣ провинціи Гань-су учреждены были поселенія Ань-динъ (安定), А-дуань (阿端), Цюй-сянь (曲先), Чи-цзинь-мэнь-гу (赤斤蒙古), Ша-чжоу (沙州), Хань-дунъ (罕東), лѣвое крыло Хань-дунъ и Ха-мѣй-ли (哈梅里). О географическомъ положеніи и времени основанія каждаго изъ нихъ мы находимъ подробныя свѣдѣнія въ часто цитируемомъ здѣсь изслѣдованіи д-ра Бретшнейдера¹⁾.

При первыхъ императорахъ мин'ской династіи, исторія этихъ племенъ не была, впрочемъ, особенно богата фактами, и политическая жизнь ихъ ограничивалась весьма несложными отношеніями къ китайскому двору. Отъ прочихъ монголовъ они жили почти особнякомъ, причемъ отъ ближайшихъ своихъ единоплеменниковъ — ойратовъ они были изолированы государствомъ Хами (哈密), исторія котораго въ этотъ періодъ была довольно тѣсно связана съ судьбами монголовъ, а потому я полагаю-бы не лишнимъ нѣсколько остановиться на ней.

Въ половинѣ XIV вѣка, т. е. еще до сверженія юань'ской династіи въ Китаѣ, этой страной управлялъ князь по имени Наху-ли (納忽里), которому дарованъ былъ титулъ Су-ванъ (肅王); ему наследовалъ братъ его Ань-кэ-Тэмуръ (安克). Въ 1403 году онъ отправилъ въ Пекинъ посланца съ данью, состоявшей изъ 190 лошадей. Съ того-же времени завязались у Хами съ Китаемъ и торговыя сношенія, — такъ мы имѣемъ свѣдѣнія, что хамійскій владѣтель продалъ китайскому двору 4740 лошадей. Въ 1404 году онъ снова прислалъ дань съ просьбою пожаловать ему какойнибудь титулъ; желаніе это было исполнено, и

1) См. Med. Res. т. II, стр. 205—220.

ему было дано званіе Чжунъ-шунъ-ван'а. Съ этого момента начинаются смуты въ домѣ владѣтелей Хами. Въ томъ-же 1404 году Ань-кэ-Тэмуръ былъ отравленъ, благодаря проискамъ главноствовавшего въ то время среди монголовъ Гуй-ли-чи¹⁾, который рѣшился на такую мѣру, желая, безъ сомнѣнія помѣшать усилению на западѣ новаго владѣнія. Тотчасъ-же послѣ смерти князя, въ Хами успѣло уже образоваться двѣ партіи, причѣмъ недовольными оказывались потомки На-ху-ли, обойденные при вступленіи въ управленіе Ань-кэ-Тэмура. Эта партія нашла себѣ поддержку въ китайскомъ правительствѣ, которое выставило претендентомъ на хамійскій престолъ сына На-ху-ли, То-то (脫脫), съ дѣтства жившаго при китайскомъ дворѣ и исправлявшаго при императорѣ должность адъютанта. Желая назначить этого То-то въ преемники Ань-кэ-Тэмура, императоръ, опасался, однако, что хамійцы на это не согласятся, такъ какъ у умерщвленнаго князя оставалось прямое потомство. Дабы позондировать почву, въ Хами былъ командированъ специальный чиновникъ, который донесъ, что хамійцы не осмѣлятся противиться волѣ императора. Такимъ образомъ То-то былъ утвержденъ въ княжескомъ званіи. Выборъ китайцевъ оказался, однако, неудачнымъ; — все время правленіе этого князя было полно смуть и неурядицъ. Вскорѣ по прибытіи въ Хами, онъ долженъ былъ удалиться оттуда, благодаря проискамъ своей бабки и главарей, державшихъ сторону потомковъ Ань-кэ-Тэмура. Узнавъ объ этомъ, императоръ обратился къ виновникамъ беспорядковъ съ грознымъ посланіемъ, въ которомъ выставялось на видъ все неразуміе ихъ поступка. Вразумленіе это возымѣло должное дѣйствіе, — То-то былъ возвращенъ, а бабка его и возмутившіеся главари прислали ко двору посланцевъ съ повинною. Желая упрочить свое вліяніе въ Хами, китайское правительство учредило тамъ военное поселеніе(вэй)²⁾,

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 1 л.

2) Это учрежденіе здѣсь военнаго поселенія было, повидимому, одною пустою формальностью, такъ какъ нѣтъ основанія думать, чтобы въ Хами былъ поселенъ китайскій агентъ или поставленъ гарнизонъ.

причемъ внутреннее управленіе поручено было мѣстнымъ главарямъ, которымъ были пожалованы разныя почетныя званія. Милости эти раздавались очень щедро, изъ чего видимъ, что китайскій дворъ старался держаться по отношенію къ Хами преимущественно примирительной политики. При всемъ томъ, китайцы продолжали, однако, имѣть самый бдительный надзоръ за внутренними дѣлами этого княжества, вмѣшивались въ самыя мелочныя интриги и производили тамъ судъ и расправу. Въ 1407 году Гань-су'скій Цзунъ-бинъ (總兵), Сунъ-чэнъ (宋晟), представилъ докладъ, въ которомъ сообщалъ, что главарь хамійскій Лу-ши (陸十) произвелъ беспорядки, за что онъ (т. е. Цзунъ-бинъ) захватилъ и казнилъ его; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выражалъ опасенія, какъ-бы и въ другихъ мѣстахъ не произошли подобные же беспорядки, а потому просилъ подкрѣплений¹⁾. Такое неспокойное положеніе дѣлъ въ княжествѣ объясняется исключительно происками Гуй-ли-чи, который, послѣ смерти Ань-кэ-Тэмура, перемѣнилъ свою политику по отношенію къ Хами и сталъ поддерживать противъ То-то родственниковъ отравленнаго имъ князя. Имѣя это въ виду, императоръ предписалъ Сунъ-чэн'у, въ отвѣтъ на его доведеніе, распорядиться отправкою женъ и дѣтей Ань-кэ-Тэмура къ этому монгольскому владѣльцу; вмѣстѣ съ тѣмъ, китайскимъ военачальникамъ предписывалось держать войска на готовѣ, на случай, если-бы изгнанники эти вздумали служить проводниками монголамъ при нападеніи ихъ на Хами²⁾. Распоряженіемъ этимъ сразу достигалась двоякая цѣль: — во-первыхъ — удалялся изъ Хами безпокойный элементъ, вслѣдствіе интригъ котораго постоянно происходили смуты и во-вторыхъ — наследники Ань-кэ-Тэмура посылались именно къ поддерживавшему ихъ Гуй-ли-чи, чѣмъ обезпечивалось продолженіе вражды между Хами и монголами. Между тѣмъ, То-то оказался никуда не годнымъ администраторомъ, предавался пьянству и разгулу,

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 1—2 лл.

2) Ibid.

совершенно пренебрегая дѣлами правленія. Императоръ отправилъ къ нему посланца съ предостереженіями и увѣщаніями, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ прибыть въ Хами, То-то умеръ. Случилось это въ 1410 году. Ему наслѣдовалъ двоюродный братъ Ту-ли-Тэмурь (兔力), который правилъ до 1425 года. За все это время въ Хами царило полное спокойствіе и съ китайскимъ дворомъ поддерживались самыя дружественныя отношенія.

Глава IV.

Царствованія императоровъ Хунь-си (洪熙) (1425—1426 г.) и Сюань-дэ (宣德) (1426—1436 г.) и начало царствованія императора Чжэнь-туя (正統) (1436—1445 г.).

Послѣ смерти Юнь-ло, среди монголовъ снова выступаютъ на первый планъ ойраты, съ успѣхомъ продолжавшіе начатую ими еще ранѣе борьбу съ ихъ восточными собратьями, находившимися подъ предводительствомъ А-лу-тай'я. Въ китайскихъ источникахъ есть упоминаніе о смерти Тай-пин'а (ойратскаго главаря), но ничего не говорится о Ба-ту-бо-ло. Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью сказать, что все значеніе было сосредоточено въ рукахъ Тогона, который, какъ сообщаютъ намъ Сананъ-Сэцэнъ и Алтанъ-Тобчи, имѣлъ даже намѣреніе объявить себя ханомъ. Опасаясь, однако, недовольства народа, онъ отказался на время отъ этой мысли и возвелъ на престолъ потомка Чингисова дома То-то-бу-хуа (脫脫不花). Одновременно съ симъ, на востокѣ А-лу-тай объявилъ ханомъ А-тай'я¹⁾ (阿台).

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 3 л.; отд. Да-дань, 327 цз., 8 л., китайскіе источники не даютъ намъ никакихъ точныхъ хронологическихъ данныхъ о времени водаренія какъ То-то-бу-хуа, такъ и А-дай'я. Если вѣрить Сананъ-Сэцэну, то послѣдній былъ возведенъ на престолъ въ 1426 г., то есть вскорѣ послѣ смерти императора Хунь-си. Что же касается То-то-бу-хуа, котораго Schmidt отождествляетъ съ Тайсонъ-ханомъ (см. Geschichte der Ost-Mongolen, стр. 406), то 1439 годъ водаренія его, даваемый Сананъ-Сэцэномъ нельзя не

Нечего и говорить, что оба эти хана играли чисто номинальную роль, такъ какъ фактическая власть находилась, несомнѣнно, въ рукахъ Тогона и А-лу-тай'я.

Короткое царствованіе императора Хунь-си прошло безъ всякихъ выдающихся событій въ исторіи монголовъ. За это время упоминается лишь о посольствѣ, отправленномъ А-лу-тай'емъ къ китайскому двору. Воспользовавшись смертью энергичнаго Юнь-ло, боровшагося до конца жизни съ своими безпокойными сѣверными сосѣдями, хитрый предводитель восточныхъ монголовъ успѣшилъ завязать дружескія отношенія съ Пекиномъ. Онъ отправилъ въ даръ императору лошадей, каковыя были милостиво приняты. Съ сего времени, говоритъ Минъ-щи, А-лу-тай аккуратно ежегодно доставлялъ подать¹⁾. Одновременно съ симъ послѣдовало и возобновленіе дружескихъ сношеній китайскаго двора съ урянхайцами, союзниками А-лу-тай'я. Немедленно по вступленіи своемъ на престолъ императоръ Хунь-си тотчасъ же отправилъ къ нимъ посланца съ увѣщательной грамотою²⁾; главари урянханскіе успѣшили воспользоваться такою предупредительностью пекинскаго правительства и обратились къ нему съ разными ходатайствами: главарь Ань-чу (安出) доложилъ, что печать его украдена воромъ и просилъ дать ему новую. Другой племенной начальникъ А-чжэ-ту (阿者兔), явившись съ выраженіемъ преданности, былъ пожалованъ парадными одеждами и осѣдланными лошадьми³⁾.

Чрезмѣрную покорность и даже уничиженность А-лу-тай'я въ сношеніяхъ его съ пекинскимъ дворомъ объяснить весьма легко, если принять во вниманіе, что въ это время росла не по днямъ,

считать слишкомъ позднимъ, ибо мы встрѣчаемъ въ китайскихъ источникахъ упоминаніе объ этомъ ханѣ уже въ началѣ 30-хъ годовъ. Весьма вѣроятно, впрочемъ, что Тогонъ выставилъ То-то-бу-хуа кандидатомъ на ханство не сразу послѣ того, какъ захватилъ власть, а лишь когда убѣдился, что народъ не позволитъ ему самому сѣсть на престолъ.

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 8 л.

2) У-бянь-дань-цзэ, 1 цз., 3 л.

3) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 9 л.

а по часамъ сила ойратовъ, надъ которыми начальствовалъ дѣятельный и энергичный Тогонь. Уже въ самомъ началѣ царствования Сюань-дэ, А-лу-тай потерпѣлъ при столкновеніи со своими западными сосѣдами нѣсколько чувствительныхъ поражений. Китайцы поняли тогда всю важность самостоятельнаго существованія А-лу-тай'я, защищавшаго ихъ отъ непосредственныхъ нападений со стороны Ойратовъ. Поэтому они всѣми силами старались удержать его на сѣверной своей границѣ, задабривая какъ его самага, такъ и приспѣшниковъ его подарками и разными почетными званьями и титулами. Посланцевъ его, приходившихъ съ данью, въ Пекинѣ щедро одаряли деньгами и шелками, причемъ мѣстнымъ властямъ предписывалось снабжать такія посольства всѣмъ необходимымъ. Несмотря, однако, на всѣ эти заискиванія китайцевъ, А-лу-тай не могъ долго выдерживать роль буфера, которую такъ любезно навязывали ему его цивилизованные сосѣди. Потерпѣвъ года два-три, онъ порѣшилъ избавиться отъ этого невыносимаго положенія и откочевалъ, съ этою цѣлью, къ востоку, въ мѣстности, лежащія непосредственно къ сѣверу отъ Пекина. Здѣсь граница была въ то время слабо защищена и предводитель восточныхъ монголовъ, въ союзѣ съ урянхайцами, началъ производить опустошительные грабительскіе набѣги на китайскую территорию, надѣясь пріобрѣсти себѣ этимъ путемъ добычу болѣе обильную, чѣмъ ту, которую въ видѣ подарковъ добровольно жаловалъ ему пекинскій дворъ¹⁾.

Не далѣе какъ въ 1430 году, нападенія эти стали настолько чувствительными, что явилась крайняя необходимость обратить серьезное вниманіе на укрѣпленіе мѣстностей, расположенныхъ къ сѣверу отъ столицы. Командированы были войска подъ руководствомъ инженеровъ, которыми и построены были города Чичэнь (赤城), Дяо-яо (鵑鵑), Юнь-чжоу (雲州), Ду-ши-коу и Туань-шань (團山). Въ томъ же году императоръ лично осматривалъ эти вновь построенныя укрѣпленія и ихъ гарнизоны²⁾.

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 8 л.

2) М. Ш. Бэнь-цзи, 9 цз., 7 л.

Однако и на сѣверо-востокѣ не долго ужился А-лу-тай. Не далѣе какъ въ 1434 году, онъ опять пришелъ въ столкновеніе съ ойратами, имѣвшими, очевидно, намѣреніе покончить съ своимъ восточнымъ соперникомъ. Тогонь нанесъ ему жестокое поражение, причемъ А-лу-тай потерялъ многихъ членовъ собственной своей семьи и, вмѣстѣ съ сыномъ Ши-нѣ-ган'емъ (失捏干), поселился на Цагань-нор'ѣ въ мѣстности Му-на-шань (母納山)¹⁾. Здѣсь этотъ нѣкогда могущественный монгольскій владѣтель окончилъ свою бурную жизнь: онъ былъ убитъ Тогономъ, и народъ его разсѣялся. Двухъ-трехъ членовъ его семьи приняли подъ свое покровительство китайцы. Претендовавшіе на нѣкоторую самостоятельность остатки восточныхъ монголовъ поселились въ мѣстности И-цзи-най-лу, гдѣ начальникомъ ихъ является А-тай-хань, поставленный А-лу-тай'емъ и пріобрѣтшій со времени смерти послѣдняго нѣкоторую самостоятельность; не менѣе выдающуюся роль среди нихъ игралъ еще До-эррѣ-чжи-бо (朵兒只伯)²⁾.

Покончивъ съ А-лу-тай'емъ, Тогонь не рѣшался пока прерывать добрыя отношенія къ китайскому двору. Пославъ въ Пекинъ увѣдомленіе о своей побѣдѣ, онъ просилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволенія представить, въ видѣ трофея, ханскую яшмовую печать. Отвѣтъ императора на это предложеніе отличался весьма двусмысленнымъ характеромъ — не порицая Тогона за убіеніе А-лу-тай'я, что, по словамъ Сюань-цзун'а, было лишь местию за прежнюю обиду³⁾, Сынъ Неба въ тоже время, съ явнымъ презрѣніемъ отнесся къ его предложенію представить яшмовую печать, говоря, что она не можетъ имѣть для него никакой цѣны⁴⁾.

1) См. карту Ильина (Азіятской Россіи) мѣстность къ сѣверу отъ Хуань-хэ между 78° и 80° вост. долготы.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 8 л.

3) Этотъ намѣкъ на прежнюю обиду какъ будто подтверждаетъ возможность тожества китайскаго А-лу-тай'я съ Аруктай'емъ Санань-Сэцэна, см. Schmidt, Gesch. der Ost-Mongolen, стр. 146 и 404.

4) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз. 3 л.

Воцарившийся въ 1436 году императоръ Инъ-цзунъ (英宗), годы правленія коего извѣстны подъ именемъ Чжэнь-тунъ, испыталь на себѣ лично всю тяжесть вновь народившейся мощи ойратовъ. Впрочемъ, блестящіе успѣхи сихъ послѣднихъ могли имѣть мѣсто единственно лишь благодаря невѣроятно безтактной политикѣ китайскаго правительства. Какъ мы видѣли выше, уцѣлѣвшіе отъ ойратскаго погрома остатки восточныхъ монголовъ поселились на границѣ провинціи Гань-су, въ мѣстности И-цзинай-лу, откуда они производили набѣги на области Гань-чжоу и Лянъ-чжоу. Подъ 1436 и 1437 гг. мы встрѣчаемъ упоминанія о трехъ столкновеніяхъ, происшедшихъ между предводителями этихъ монголовъ А-тай-ханомъ и До-эррѣ-чжи-бо съ китайскими войсками¹⁾. Пекинское правительство совершенно упустило изъ виду возможность сдѣлать изъ этихъ остатковъ восточныхъ монголовъ оплотъ противъ нападенія ойратовъ. Имъ, такимъ образомъ, могла бы быть навязана роль, которую въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ исполнялъ А-лу-тай. Китайцы, напротивъ, отнеслись самымъ строгимъ образомъ къ ихъ нападеніямъ и выказали, въ этомъ дѣлѣ чрезмѣрную воинственность. Для борьбы съ А-тай'емъ и До-эррѣ-чжи-бо былъ командированъ изъ Пекина особый главнокомандующій, Ванъ-ци (王驥), котораго снабдили специальными полномочіями. Онъ не замедлялъ, конечно, одержать рѣшительную побѣду надъ малочисленными врагами. Произошло два сраженія — одно въ мѣстности Шя-чэнь (石城) (?), а другое въ У-лу-най (兀魯乃) (?); китайцы преслѣдовали непріятеля до Дяо-ля-гоу (刁力溝) (?), причѣмъ проникли въ стѣну на разстояніе 500 верстъ. Наконецъ имъ удалось окружить монголовъ со всѣхъ сторонъ, и послѣдніе были почти всѣ истреблены²⁾. Всѣ китайскіе рассказы о такихъ почти поголовныхъ истребленіяхъ непріятелей слѣдуетъ безспорно считать сильно преувеличенными. Въ данномъ случаѣ китайцы имѣли, однако, дѣло съ не-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 8 л.

2) Ibid.

сравненно слабѣйшимъ непріателемъ, а потому въ извѣстїи о полномъ пораженіи его нѣтъ ничего невѣроятнаго. Эта побѣда китайскаго оружія подготовила, такимъ образомъ, почву для полного подчиненія этихъ монголовъ — постоянно усиливавшимся ойратамъ. Между тѣмъ, китайцы имѣли полную возможность предотвратить подобную развязку. Тотчасъ-же послѣ смерти А-лу-тай'я, одинъ изъ предводителей восточныхъ монголовъ, До-эррѣ-чжи-бо, кочевавшій на границѣ провинціи Гань-су, недалеко отъ Лянъ-чжоу, въ мѣстности Ё-кэ-линъ-ча-эррѣ-дань (也可林察兒丹) прислалъ къ пограничнымъ начальникамъ посланцевъ, которымъ поручено было завязать переговоры о мирныхъ сношеніяхъ¹⁾. Среди совѣтниковъ императора были лица, указывавшія на критическое положеніе дѣлъ. Въ первый годъ правленія Чжэнь-тун'а (1436 г.) одинъ изъ приближенныхъ императора, Чжу-юнь (朱勇), старался выставить на видъ, что постоянное усиленіе Тогона угрожаетъ полнымъ уничтоженіемъ его сосѣдямъ А-тай'ю и До-эррѣ-чжи-бо. Въ виду этого, онъ совѣтовалъ поддержать ихъ, а также позаботиться объ исправленіи пограничныхъ укрѣпленій, дабы уберечь имперію отъ неожиданнаго нападенія ойратовъ²⁾. Въ Пекинѣ приняли къ свѣдѣнію это благоразумное предостереженіе, но не сочли нужнымъ сдѣлать, по этому предмету, какое либо распоряженіе, а, напротивъ, постарались даже, какъ мы видѣли выше, совершенно уничтожить немногочисленную группу кочевниковъ, которые могли еще служить имперіи хоть какой нибудь опорой противъ надвигавшейся на нее грозы. А гроза собиралась дѣйствительно нешуточная, и происходившія, въ то время, среди ойратовъ событія указывали на близость и неминуемость ея. Утвердившись во власти, Тогонъ вскорѣ покончилъ съ Сянь-и-ван'омъ и Ань-ло-ван'омъ, которые могли явиться соперниками ему и помѣшать выполненію его честолюбивыхъ замы-

1) У. Б. Д. Ц., 11 цз., 12 л.

2) М. Ш. отд. Ва-ла, 323 цз., 3 л.

словъ. Покончивъ съ ними, онъ почувствовалъ себя всеильнымъ господиномъ и захотѣлъ сѣсть на ханскій престолъ, но, какъ мы видѣли выше, народъ помѣшалъ ему осуществить это честолюбивое намѣреніе. Ханомъ объявленъ былъ То-то-бу-хуа, и Тогону пришлось удовольствоваться званіемъ перваго и ближайшаго его сановника. Окончивъ побѣдоносно борьбу съ Алутай'емъ, онъ основалъ свою резиденцію къ сѣверу отъ степи, занявъ, вѣроятно, древнюю столицу монгольскихъ хановъ, Каракорумъ. Въ это время ему подчинились многія поколѣнія восточныхъ монголовъ, оставшіеся доселе независимыми; здѣсь мы впервые встрѣчаемъ въ китайскихъ источникахъ упоминаніе о племени Ха-ла-чжэнь (哈喇噴) — несомнѣнно Харачинъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, помощью хитрости и щедрыхъ подарковъ, Тогону удалось также склонить на свою сторону поколѣнія До-янь и другія племена, кочевавшія непосредственно къ сѣверу отъ Пекина. Сдѣлать это ойратскому предводителю было тѣмъ легче, что китайское правительство само отказалось отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла этихъ племенъ. Не далѣе какъ въ 1436 году главари Тай-нин'скіе и нѣкоторые другіе главари просили пекинскій дворъ прислать чиновника для улаженія возникшихъ среди нихъ споровъ и водворенія порядка. Императоръ Чжэнь-тунъ счелъ, однако, возможнымъ оставить это ходатайство безъ послѣдствій, при чемъ главамъ этихъ монгольскихъ племенъ было предложено улаживать свои дѣла самостоятельно, и выражалось опасеніе, что посылка чиновника можетъ лишь причинить смятеніе и безпокойство ¹⁾).

Такимъ образомъ Тогонъ обезпечилъ себѣ дружбу тѣхъ монгольскихъ народностей, въ рукахъ которыхъ находились ключи къ самой столицѣ. Заручившись столь полезными и могущественными союзниками, ойратскій предводитель сталъ производить осмотръ пограничныхъ областей, съ цѣлью выяснить гдѣ удобнѣе всего можно было бы произвести рѣшительное нападеніе на

1) У. Б. Д. Ц. цз. 1, а. 8.

Китай. Воспользоваться плодами своей дѣятельности Тогону, однако, не удалось; въ 1439 году онъ умеръ, и ему наследовалъ въ достоинствѣ перваго сановника сынъ его Ъ-сянь (也先) (Эсэнь), провозгласившій себя Тайшіемъ и Хуай-ван'омъ (淮王)¹⁾. Новый ойратскій владыка придерживался политики, завѣщанной ему отцомъ, но выказалъ въ осуществленіи плановъ, начертанныхъ послѣднимъ, несравненно больше оригинальности и дальновидности. Хотя, ко времени достиженія имъ власти, онъ располагалъ весьма значительными силами, съ которыми онъ могъ бы, конечно, безъ особаго риска вступить въ борьбу съ Китаемъ, но онъ всетаки не рѣшался сдѣлать этотъ смѣлый шагъ, не обезпечивъ себѣ предварительно полной безопасности въ тылу. Поэтому онъ прежде всего обратилъ вниманіе на сосѣднее княжество Хами.

Мы оставили исторію этого владѣнія на времени княженія Ту-ли-Тэмура. Князь этотъ умеръ въ 1425 году, о чемъ немедленно послано было извѣщеніе китайскому двору. Наслѣдникомъ умершаго назначенъ былъ сынъ То-то, Бу-да-ши-ли (卜答失里), которому и пожалованъ былъ титулъ Чжунъ-шунъ-ван'а (忠順). За малолѣтствомъ новаго князя, въ соправители ему былъ назначенъ братъ умершаго Ту-ли-Тэмура, То-хуанъ-Тэмуръ (脫歡); этому послѣднему также было даровано званіе Чжунъ-и-ван'а (忠義)²⁾. Распоряженіе это можетъ служить доказательствомъ близорукости политики китайскаго правительства по отношенію къ Хами: — непосредственно вслѣдъ за сообщеніемъ о назначеніи То-хуанъ-Тэмура въ соправители Бу-да-ши-ли, мы встрѣчаемъ упоминаніе, что оба эти князя представляли дань китайскому двору³⁾; выходитъ, слѣдовательно, что китайцы учредили въ Хами не регентство, за малолѣтствомъ князя, а двоевластіе, которое должно было несомнѣнно имѣть гибельное

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 3 л.

2) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 2 л.

3) Ibid.

вліяніе на положеніе дѣлъ въ княжествѣ. Предположеніе это оправдывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1426 году, когда состоялось означенное распоряженіе, Бу-да-ши-ли, не былъ уже такъ малолѣтенъ, чтобы нуждаться въ регентѣ; мы знаемъ, что То-то, отецъ его, умеръ въ 1410 году и слѣдовательно молодому князю было вѣроятно не менѣе 20 лѣтъ. Желаніе кытайцевъ ослабить Хами мотивировано было, несомнѣнно, опасеніемъ, какъ бы продолжительное спокойствіе, которымъ наслаждалось это княжество за время правленія Ту-ли-Тэмурѣ не дало ему возможности слишкомъ усилиться. Послѣдствія столь недалёкой политики не замедлили обнаружиться; — Хами ослабло и сдѣлалось легкою добычею для усилившихся не по днямъ, а по часамъ ойратовъ. Историкъ Минъ-ши указываетъ на неспособность правителей Хами, какъ на ближайшую причину его ослабленія; при этомъ выставляется на видъ, что хамійскіе князья окружали себя недостойными людьми, и при помощи такихъ неспособныхъ и недобросовѣстныхъ сотрудниковъ не могли справиться съ разнородными элементами — монголами, уйгурами и мусульманами, составлявшими населеніе оазиса и находившимися между собою въ постоянной враждѣ ¹⁾. Несомнѣнно, что всѣ эти доводы кытайскаго историка имѣютъ извѣстную цѣну, но вѣдь пользовалось-же Хами спокойствіемъ въ продолженіи цѣлыхъ 15 лѣтъ при Ту-ли-Тэмурѣ, и, при добромъ желаніи кытайцевъ, такое удовлетворительное положеніе дѣлъ могло бы продолжаться и далѣе. Между тѣмъ, въ Пекинѣ нашли, повидимому, учрежденіе двоевластія мѣрою совершенно сообразною. Явствуетъ это изъ того, что со смертію То-хуань-Тэмурѣ и Бу-да-ши-ли, кытайское правительство не сочло возможнымъ измѣнить заведенный порядокъ; въ 1437 году титулы Чжунъ-и-ванъ'а и Чжунъ-шунъ-ванъ'а были переданы сыновьямъ умершихъ князей, и въ Хами, такимъ образомъ, продолжали править два князя, — То-то-Тэмуръ и Дао-ва-да-ши-ли (倒瓦答失里) ²⁾. Изъ даль-

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 3 л.

2) Ibid.

нѣйшаго изложенія увидимъ, что преобладающее значеніе перешло къ Дао-ва-да-ши-ли, отличавшемуся трусливымъ и коварнымъ характеромъ. Ему-то и пришлось испытать на себѣ послѣдствія той разслабляющей политики, которую вело по отношенію къ Хами кытайское правительство. Впрочемъ, при самомъ вступленіи этого князя въ управленіе, произошелъ рядъ событій, доказывающихъ повидимому, что кытайцы начали уже сознать всю несообразность своего образа дѣйствій по отношенію къ этому княжеству. Еще при жизни Бу-да-ши-ли, въ Хами были задержаны бѣжавшіе отъ преслѣдованія кытайцевъ изъ Ша-чжоу сто семействъ. Не смотря на неоднократныя приказанія изъ Пекина выдать ихъ всѣхъ, Дао-ва-да-ши-ли отпустилъ только половину; остальныхъ-же удержалъ у себя, оказавъ, такимъ образомъ, явное неповиновеніе повелѣніямъ Сына Неба. Кромѣ того, отправляемые къ кытайскому двору посланцы хамійскіе отличались дерзостью и заносчивостью, обращаясь грубо со смотрителями лежавшихъ по пути станцій и съ приставленными къ нимъ толмачами. Дерзость ихъ дошла до того, что они даже позволили себѣ неприличное поведеніе на одномъ изъ пировъ, устроенныхъ въ ихъ честь при пекинскомъ дворѣ. Не смотря на всѣ эти выходки, императоръ отнесся къ посланцамъ своихъ даниковъ чрезвычайно благосклонно, не подвергнувъ ихъ никакому наказанію и просилъ только хамійскаго князя быть впредь осторожнѣе въ выборѣ лицъ, отправляемыхъ въ Пекинъ ¹⁾. Такую снисходительность можно объяснить лишь тѣмъ, что пекинскій дворъ желалъ во что-бы то ни стало, поддерживать дружественныя сношенія съ Хами, надѣясь найти въ князьяхъ его вѣрную опору противъ угрожавшаго нападенія ойратовъ. Но княжество успѣло къ тому времени ослабѣть на столько, что не могло уже оказывать стойкаго сопротивленія надвигающейся грозѣ. Какъ разъ около этого времени, на Хами начинаютъ нападать со всѣхъ сторонъ его непосредственные сосѣди, дѣйствовавшіе въ союзѣ съ ойратами и не безъ давленія съ ихъ стороны.

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 3 и 4 лл.

Уже при перечисленіи военныхъ поселеній, учрежденныхъ на сѣверо-западной границѣ Китая, я имѣлъ случай упоминать, кто именно были эти сосѣди. Не лишнимъ считаю пополнить здѣсь нѣсколько свѣдѣній, сообщаемыя д-ромъ Бретшнейдеромъ въ не разъ цитированномъ мною ученомъ трудѣ ¹⁾ о ходѣ историческихъ событій среди этихъ племенъ за разсматриваемый нами періодъ. Я не буду приводить въ отдѣльности исторію каждаго изъ нихъ, а постараюсь сдѣлать лишь общій обзоръ ихъ политической жизни за это время. Всѣ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ почерпнуты мною изъ 330-ой цзюан'и Минъ-ши.

Выше ²⁾ уже было сказано, что въ мѣстахъ кочевокъ этихъ племенъ, еще во времена Хунъ-у были учреждены военные поселения. Лежали они почти непосредственно у самой китайской границы, а потому вліяніе китайцевъ было здѣсь несравненно сильнѣе, чѣмъ въ Хами. Пекинскій дворъ часто беретъ на себя роль верховнаго судіи, рѣшающаго безапелляціонно споры, возникающіе между этими мелкими племенами, жизнь которыхъ проходила въ постоянныхъ междоусобныхъ распряхъ и набѣгахъ на сосѣднія богатые области.

Въ 1424 году одинъ изъ главарей Ань-дин'скихъ, Сань-гэ (散哥), вмѣстѣ съ Цюй-сянь'скимъ начальникомъ, Сань-цзи-сы (散即思), напалъ на китайское посольство, направлявшееся въ Тибетъ. Узнавъ объ этомъ, императоръ распорядился немедленно выслать противъ грабителей войско. Столь рѣшительныя дѣйствія нагнали такой страхъ на всѣ окрестныя племена, что, спасаясь отъ преслѣдованія китайскихъ войскъ, они откочевали далеко отъ границы. Произведя должное впечатлѣніе на грабителей и устранивъ ихъ своимъ могуществомъ, Сынъ Неба не преминулъ, по своему обыкновенію, поразить ихъ затѣмъ своимъ великодушіемъ. Императоръ Сюань-дэ, по вступленіи своемъ на престолъ, прежде всего счелъ долгомъ позаботиться о возвра-

1) См. Med. Researches. т. II, стр. 205—220.

2) См. стр. 43.

щеніи бѣжавшихъ, причѣмъ осыпалъ начальниковъ ихъ подарками и чиновными званіями. Не довольствуясь внушеніемъ должнаго уваженія къ своимъ представителямъ, китайское правительство вмѣшивалось также и во внутреннія дѣла этихъ мелкихъ племенъ. Такъ одинъ изъ Хань-дун'скихъ главарей, по имени На-ма (納馬), представилъ въ Пекинъ докладъ, въ которомъ жаловался на отдѣленіе отъ его племени 1.500 семействъ, ушедшихъ въ землю Чи-цзинь, что лишаетъ его возможности поставлять ежегодно 250 лошадей, нужныхъ для казенной службы. Императоръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы бѣглецы были возвращены ихъ законному владѣльцу и простилъ сему послѣднему, накопившуюся за нимъ недоимку дани, состоявшей изъ лошадей. Однимъ изъ наиболѣе безпокойныхъ элементовъ среди этихъ народностей было именно Хань-дун'ское племя, главари коего не уживались между собою, и каждый изъ нихъ стремился къ самостоятельности. Между прочимъ, еще во времена правленія Юнь-ло, одинъ изъ такихъ владѣльцевъ, Янь-чжанъ (奄章), отдѣлившись отъ своего коренного племени, поселился со своимъ родомъ въ Ша-чжоу. Здѣсь ему временно было разрѣшено обрабатывать землю и пасти скотъ. Между тѣмъ, родъ его постоянно усиливался и пересталъ помышлять о возможности возвращенія на прежнія кочевія, гдѣ онъ занималъ второстепенное положеніе. Сыну Янь-чжан'а, Бань-ма-сы-цзѣ (班麻思結), удалось отличиться въ совмѣстномъ съ китайскими войсками преслѣдованіи грабительскихъ шаекъ Ань-дин'цевъ и Цюй-сянь'цевъ; ему пожалована была награда и чиновное званіе, но официально онъ всетаки считался принадлежащимъ къ Хань-дун'скому военному поселенію. Родъ его и образовалъ общину носившую названіе Хань-дун'скаго лѣваго крыла; китайское правительство признало ея существованіе лишь гораздо позже, а именно во время правленія Чанъ-хуа (成化) (1465—1488 гг.). Между тѣмъ, постоянное усиленіе Бань-ма-сы-цзѣ начинало сильно безпокоить начальника Ша-чжоу'скаго, Кунь-цзи-лай'я (困即來), который обратился къ императору съ просьбою убрать изъ его земель

непрощенного гостя. Былъ изданъ указъ въ этомъ смыслѣ, но Бань-ма-сы-цзѣ не спѣшилъ исполнять его и оставался на своемъ новомъ кочевьѣ. Область Ша-чжоу вообще и, главнымъ образомъ, та часть ея, которая была занята пришлыми Хань-дун'цами служила притономъ всѣхъ недовольныхъ элементовъ изъ сосѣднихъ округовъ. Въ 1440 году сюда явился искать защиты у Бань-ма-сы-цзѣ одинъ изъ Чи-цзинь'скихъ владѣльцевъ, который спасался отъ преслѣдованія за убійство. Хань-дун'скій главарь пріютилъ его и даже покровительствовалъ проискаму своего гостя, причемъ послалъ сына своего въ Тибетъ съ порученіемъ добыть оттуда какого-то яда, помощью котораго Чи-цзин'ецъ хотѣлъ извести своихъ враговъ. Провѣдавъ объ этихъ козняхъ, Чи-цзин'скій князь Цѣ-вань-ши-цзя (且旺失加) сдѣлалъ доносъ въ Пекинъ, откуда послѣдовало приказаніе Бань-ма-сы-цзѣ вести себя смирно и не затѣвать ссоръ съ сосѣдями. Постоянно усиливавшійся Хань-дун'ецъ обращалъ, однако, мало вниманія на повелѣнія Сына Неба и до такой степени притѣснялъ коренное население Ша-чжоу, что часть послѣдняго, съ однимъ изъ своихъ начальниковъ, Нань-гэ (喃哥), во главѣ, испросило у императора разрѣшенія поселиться въ китайскихъ предѣлахъ. Этимъ переселенцамъ были отведены земли въ округѣ Гань-чжоу. Помѣръ усиленія «лѣваго крыла» Хань-дун'скаго племени, начальникъ его пересталъ враждебно относиться къ своимъ сородичамъ; онъ прекрасно сознавалъ свою силу и былъ убѣжденъ, что не можетъ быть болѣе рѣчи о возвращеніи его въ прежнее подчиненное положеніе. Напротивъ, ему прямо было выгодно соединиться со своими соотечественниками, что могло только увеличить его силу и значеніе. Изъ этого бѣглаго очерка можно заключить, что положеніе дѣлъ на крайней западной границѣ Китая представлялось въ слѣдующемъ видѣ: среди многихъ мелкихъ племенъ, жившихъ въ чрезвычайно враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу и промышлявшихъ, главнымъ образомъ, разбоями и грабежами выдѣлялись Хань-дун'цы, къ которымъ, какъ къ сильнѣйшимъ, несомнѣнно тяготѣли всѣ сосѣднія мелкія народ-

ности. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого усиленія Хань-дун'скихъ князей явилось враждебное отношеніе между ними и находившимися подъ ихъ вліяніемъ племенами съ одной стороны, и княжествомъ Хами, имѣвшимъ также не малое политическое значеніе въ томъ же районѣ, — съ другой. Столкновеніе это было ускоро благодаря проискаму ойратовъ, предводитель коихъ задался мыслию ослабить Хами и поторопился съ этою цѣлью заручиться дружбою Хань-дун'скаго владѣльца. Какъ ни велико было вліяніе китайскаго двора на племена, кочевавшія у сѣверо-западной границы Гань-су, но чрезвычайная близорукость политики его, а также какое-то непонятное небрежно-величественное обращеніе его съ этими племенами способствовали постепенному ослабленію среди нихъ обаянія могущества Сына Неба, чѣмъ и объясняется та легкость, съ которою, какъ мы увидимъ ниже, народности эти подпали подъ вліяніе ойратскаго Эсеня, когда послѣдній обратилъ свое вниманіе въ эту сторону.

Планъ Эсеня былъ построенъ обстоятельно и дальновидно: — онъ стумѣлъ все подготовить и только тогда началъ открыто враждебныя дѣйствія противъ Хами. Одновременно съ нимъ и, безъ всякаго сомнѣнія, по предварительному уговору съ ойратами, ополчились противъ того-же княжества, восточные сосѣди послѣдняго — Ша-чжоу'цы и Хань-дун'цы. Самъ Эсень произвелъ въ оазисѣ страшное опустошеніе, угнавъ массу плѣнныхъ и неисчислимое количество скота. Среди плѣнныхъ были, между прочимъ, уведены жена и мать князя; послѣдняя приходилась старшею сестрою ойратскаго предводителя. Только узнавъ объ этомъ нападении Эсеня, китайцы спохватились и, рѣшивъ стать открыто на сторону Хами, надѣялись помочь дѣлу своимъ нравственнымъ вліяніемъ. Изданъ былъ указъ, которымъ повелѣвалось всѣмъ племенамъ жить въ дружбѣ съ Хами. Дабы не стать явнымъ послушникомъ воли императора, Эсень отпустилъ захваченныхъ имъ въ плѣнъ мать и жену Дао-ва-да-ши-ли (хамійскаго князя), дальнѣйшее содержаніе коихъ было для него, впрочемъ, бесполезнымъ, такъ какъ главною цѣлью ойратскаго владыки,

при захватѣ ихъ, было желаніе заставить князя явиться къ нему яко бы для свиданія съ матерью, а на самомъ дѣлѣ на поклонъ. Не смотря на неоднократныя требованія, ему не удалось, однако, склонить хамійскаго князя пріѣхать къ нему, такъ какъ Дао-ва-да-ши-ли опасался коварныхъ замысловъ Эсень и боялся за свою жизнь. Въ 1445 году Эсень снова произвелъ нападеніе на оазисъ, опять захватилъ мать князя, жену его и младшаго брата, причемъ возобновилъ свои требованія, чтобы хамійскій владѣлецъ явился къ нему на поклонъ. На этотъ разъ, требованіе это было удовлетворено. Послѣ многократныхъ отговорокъ Дао-ва-да-ши-ли наконецъ рѣшился покориться желанію Эсень, отправился къ нему и пробылъ въ ставкѣ ойратскаго владыки нѣсколько мѣсяцевъ. Вернувшись домой, коварный князь этотъ поспѣшилъ послать въ Пекинъ заявленіе о своей глубокой преданности, причемъ не постыдился присовокупить, что никогда онъ не осмѣлится поступить вопреки приказаніямъ Сына Неба и самовольно дружить съ ойратами. Нужно удивляться той невѣроятной небрежности, съ которою китайское правительство слѣдило за событіями, имѣвшими для него первостепенный интересъ. Въ отвѣтъ на лицемѣрныя вѣрноподданническія заявленія Дао-ва-да-ши-ли, ему изъ Пекина были посланы подарки съ выраженіемъ удовольствія, и только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ китайскій дворъ узналъ, что мнимый вѣрноподданный безцеремонно обманывалъ его¹⁾.

Глава V.

Продолженіе царствованія императора Чжэнъ-Тунъ'а (1445—1450 гг.)

Къ серединѣ сороковыхъ годовъ пятнадцатаго вѣка Эсень удалось, какъ видимъ, добиться покорности Хами и большей части

1) М. Ш. отд. Ха-ми, цз. 329, 4 л.

племень, кочевавшихъ у сѣверо-западной границы провинціи Гань-су. Обезпечивъ себѣ, такимъ образомъ, тылъ, онъ могъ свободно приступить къ выполненію грандіознаго предпріятія, завѣщаннаго ему его покойнымъ отцомъ Тогономъ — похода на Китай. Во время борьбы съ Хами, Эсень счелъ необходимымъ заручиться дружбою непосредственныхъ сосѣдей этого княжества, причемъ даже породнился съ Ша-чжоу'скими и Хань-дун'скими монголами, которые оказались чрезвычайно вѣрными и преданными ему слугами. Зачисливъ многихъ изъ нихъ въ ряды своей арміи, онъ началъ производить свои нападенія съ восточной части сѣверной границы Китая. Здѣсь ему, прежде всего, пришлось придти въ столкновеніе съ урянхайцами, которые составляли населеніе трехъ сѣверо-восточныхъ (Вэй) военныхъ поселеній. Походы свои въ этомъ направленіи ойратскій владыка простиралъ даже до Кореи. Судя по общему ходу событій, представляется, однако, весьма сомнительнымъ, чтобы Эсень когда нибудь задавался серьезною мыслию о покореніи всей Кореи. Онъ хотѣлъ, вѣроятно, лишь обезпечить себя съ этой стороны, для чего, конечно, достаточно было сдѣлать небольшую демонстрацію на корейской границѣ. Напугавъ урянхайцевъ своимъ грознымъ нашествіемъ Эсень показалъ имъ затѣмъ и милость свою, удостоивъ породниться съ однимъ изъ главарей ихъ, — онъ взялъ за себя дочь Тай-нин'скаго Чжо-чи (拙赤)¹⁾.

Въ то время, когда ойраты собирались съ силами для того, чтобы сдѣлать рѣшительное нападеніе на Китай, особенно жутко пришлось именно этимъ урянхайцамъ. Находясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Китаемъ и потому невольно подчиняясь его вліянію, но подвергаясь, въ то же время, опасности нападенія со стороны ойратовъ, монголы эти, сообразуясь съ обстоятельствами, подчинялись попеременно то одному, то другому изъ своихъ могущественныхъ сосѣдей, смотря потому у кого они могли найти, въ данный моментъ, наиболѣе дѣйствительную и на-

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 9—10 л.

дежную опору. Съ самаго начала правленія Чжэнъ-тун'а, урянхайцы поставили себя враждебно по отношенію къ Китаю, производя частыя нападенія на Ляо-дунъ, Да-тунъ и Янь-ань. Набѣги эти были удачно отбиваемы китайскими войсками, причѣмъ начальнику гарнизона недавно построенной крѣпости Ду-ши-коу удалось захватить въ плѣнъ одного изъ ихъ предводителей, До-луань-Тэмура (朶欒). Укрываясь отъ преслѣдованій китайскихъ военачальниковъ, урянхайцы прибѣгли къ защитѣ ойратовъ. Съ этого времени, говоритъ авторъ Минъ-ши, они стали служить глазами и ушами Эсеня, и, вѣроятно по его наставленію, порѣшили, что несравненно удобнѣе грабить китайскія пограничныя области исподволь, помощью частыхъ неожиданныхъ разбойническихъ набѣговъ, чѣмъ сражаться съ ними въ открытомъ полѣ. Урянхайцы стали отправлять китайскому двору очень частыя посольства, члены коихъ постоянно мѣняли свои имена и взаимно употребляли печати другъ друга¹⁾. Такой ненормальный порядокъ вещей, долженъ былъ обратить на себя вниманіе пекинскаго правительства. Одинъ изъ пограничныхъ начальниковъ, Цзунъ-бинъ (總兵) Ванъ-хо (王或), получилъ въ 1439 году изъ Пекина инструкцію относительно урегулированія дѣла о посольствахъ съ данью. Такія посольства должны были отнынѣ приходить лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ или же при неотложной надобности и должны были состоять изъ 3 — 5 человекъ. Для избѣжанія-же злоупотребленій относительно печатей и именъ князей и посланцевъ предписывалось составить реестръ всѣмъ главарямъ урянхайскимъ и присылку посольствъ съ данью разрѣшить лишь главнымъ изъ нихъ²⁾.

Всѣ эти распоряженія, повидимому, ни къ чему не привели, и китайцы были вынуждены прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе рѣшительнымъ. Въ 1444 году былъ снаряженъ отрядъ, которому поручено примѣрно наказать коварныхъ данниковъ. Главное на-

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 10 л.

2) У. Б. Д. Ц. 1 цз., 8—9 л.

чальство надъ этой экспедиціею было поручено тому-же самому Чжу-юв'у, который незадолго передъ тѣмъ старался обратить вниманіе императора на быстрое усиленіе ойратовъ. Все войско было раздѣлено на четыре отряда по 10 тысячъ человекъ въ каждомъ. Урянхайцы повсемѣстно потерпѣли рѣшительныя пораженія, причѣмъ ойраты, на поддержку коихъ они имѣли право рассчитывать; не только не оказали имъ никакой поддержки, а, напротивъ, сами-же напали на своихъ несчастныхъ союзниковъ¹⁾.

Очевидно, Эсень не слишкомъ довѣрялъ ихъ дружбѣ и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, дабы окончательно ослабить ихъ и устранить, такимъ образомъ, всякую возможность осложненій въ случаѣ ихъ измѣны.

Предусмотрительно обезпечивъ себѣ безопасность съ тылу и фланговъ, ойратскій предводитель началъ приводить въ исполненіе свой грандіозный планъ похода на Китай. Несмотря на свою чрезмѣрную близорукость, пекинскій дворъ не могъ не сознавать опасности, грозившей ему отъ усиленія ойратовъ, а потому, со времени достиженія Эсенемъ верховной власти, считалъ необходимымъ поддерживать, въ качествѣ противовѣса ему, То-то-бу-хуа, считавшагося, какъ мы видѣли, номинально ханомъ. Ему посылались отъ китайскаго императора подарки наравнѣ съ Эсенемъ, причѣмъ на представляемыя имъ привѣтственныя грамоты, ему каждый разъ отправлялись отдѣльные отвѣты³⁾. Расчетъ китайцевъ оказался вѣрнымъ: имъ удалось привлечь на свою сторону То-то-бу-хуа, который не стѣснялся открыто выказывать Эсеню свои симпатіи къ Пекину³⁾. У нихъ происходили по этому поводу постоянныя пререканія, о чемъ въ Пекинѣ узнали со словъ перебѣжчика А-эррѣ-гай-тай'я (阿兒該台), укрывшагося въ китайскихъ предѣлахъ отъ гнѣва Эсеня⁴⁾. Поддержка какъ нравственная, такъ и матерьяльная,

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 10 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 9 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 9 л.

4) У. Б. Д. Ц. 5 цз., 27 л.

оказанная То-то-бу-хуа, была единственно разумною мѣрою китайскаго правительства среди цѣлаго ряда самыхъ непростительныхъ ошибокъ, но она не могла уже спасти имперію отъ неминуемой бѣды. Въ головѣ Эсеня уже окончательно созрѣлъ планъ кампаніи противъ Китая и, конечно не То-то-бу-хуа могъ противиться волѣ своего могущественнаго перваго министра.

Поведеніе Эсеня по отношенію къ китайскому двору никогда не отличалось особенной обходительностью, но въ прежнее время онъ соблюдалъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя формы приличія; такъ посланцы его приходили съ данью лишь въ опредѣленные сроки и число ихъ было ограничено 80 человекъ, теперь-же они стали являться цѣлыми полчищами, и численность ихъ доходила до 2.000 и болѣе человекъ. На всѣ увѣщанія пекинскаго двора Эсень не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, и къ щедрымъ подаркамъ, жалуемымъ ему императоромъ, присоединялъ еще добычу, которую безцеремонно грабили по дорогѣ его посланцы. Правители сѣверныхъ и западныхъ областей Китая, видя побѣдоносную расправу Эсеня съ сосѣдями, не могли не предугадывать его намѣреній и часто посылали по этому предмету доклады въ Пекинъ, но императоръ, съ невозмутимою безпечностью, оставлялъ всѣ эти донесенія безъ всякаго вниманія, предписывая лишь своимъ пограничнымъ начальникамъ держать себя осторожно, выжидать и наблюдать. Дерзость и притязательность Эсеня, между тѣмъ росла быстро. Нуждаясь при своихъ постоянныхъ перекочевкахъ въ запасномъ провіантѣ, онъ посылалъ требованіе о присылкѣ его пограничнымъ китайскимъ властямъ. Не давая разрѣшенія удовлетворить эту претензію, императоръ предписалъ, однако, Сюань-фу'скому пограничному начальнику поступить съ посланцами Эсеня милостиво и даже одарить ихъ. Намѣренія Эсеня произвели серьезный набѣгъ дѣлалась все болѣе явными. Въ 1448 году къ китайскимъ пограничнымъ начальникамъ явились перебѣжчики съ пзвѣстіемъ, что ойратскій владыка уже давно собирается произвести большое вторженіе; задерживалъ Эсеня, по ихъ словамъ, То-то-бу-хуа,

но онъ его не слушаетъ и собираетъ вокругъ себя всѣ подчиненныя ему племена. Въ Пекинѣ, наконецъ, всполошились, и къ Эсеню посланъ былъ запросъ съ тѣмъ, чтобы провѣрить эти слухи. Повелитель ойратовъ не счелъ, однако, нужнымъ удостоить отвѣтомъ китайскій дворъ ¹⁾. У него все уже было готово для нападенія, и онъ ждалъ лишь предлога для того, чтобы начать военныя дѣйствія. Предлогъ этотъ не замедлилъ представиться. Въ 1448 году явилось въ Пекинъ ойратскихъ посланцевъ больше, чѣмъ приходило обыкновенно за послѣдніе годы, а именно число ихъ достигло 3.000 человекъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ представленной ими грамотѣ, они, съ цѣлю увеличить количество отпускаемаго имъ жалованья, заявляли, что пришло ихъ еще гораздо больше. Китайское министерство церемоній, завѣдывавшее приемами посольствъ, рѣшительно отказалось выдать имъ жалованье по этому произвольно заявленному числу и уплатило таковое лишь дѣйствительно пришедшимъ посланцамъ, что составляло едва пятую часть затребованнаго ими. Эсень страшно разгнѣвался и осенью 1449 года началъ свой походъ, окончившійся удачнѣе, чѣмъ онъ самъ предполагалъ.

При осуществленіи давно задуманнаго имъ плана, повелителю ойратовъ пришлось, прежде всего, имѣть дѣло съ То-то-бу-хуа, который, подкупленный китайскими милостями, выражалъ нежеланіе подняться противъ своихъ благодѣтелей. Остановившая Эсеня, онъ говорилъ: «все — наши одежда и пища даны намъ великими миц'ами, какъ-же можно выказать имъ такую черную неблагодарность?» Увѣщанія То-то-бу-хуа оказались, однако, тщетными. «Если хаганъ не хочетъ принять участія въ походѣ, то я начну его одинъ», отвѣчалъ ойратскій владыка и продолжалъ свои приготовленія. То-то-бу-хуа былъ, такимъ образомъ, насильно принужденъ принять личное участіе въ этомъ походѣ, и ему было поручено нападеніе на Ляо-дунь ²⁾, вмѣстѣ съ урянхайцами ³⁾.

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 нз., 3 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 нз., 9 л.

3) М. Ш. отд. До-янь, 328 нз., 10 л.

Противъ Сюань-хуа-фу направленъ былъ А-ла-чжи-юань (阿剌知院), и корпусъ его осадилъ городъ Чи-чэнъ. Снаряженъ былъ также особый отрядъ, которому поручено было сдѣлать диверсію на сѣверо-западной границѣ Китая, въ области Гань-чжоу-фу¹⁾. Самъ Эсень двинулся противъ Да-тунъ²⁾. Можно себѣ представить, какой переполохъ произвелъ этотъ походъ въ Пекинъ, гдѣ до самаго послѣдняго времени не хотѣли вѣрить въ серьезность намѣреній ойратскаго владыки и не обращали никакого вниманія на представленія пограничныхъ начальниковъ. Наскоро собрано было полумилліонное войско, которое и двинулось противъ быстро наступавшихъ ойратовъ. Всесильный въ то время при дворѣ евнухъ Ванъ-чжэнъ (王振) убѣдилъ императора въ необходимости для него лично двинуться въ походъ. Несмотря на увѣщанія прочихъ сановниковъ, императоръ все-таки поступилъ согласно желаніямъ своего любимца. Армія двинулась на сѣверо-западъ. По дорогѣ постоянно получались сообщенія о пораженіяхъ, понесенныхъ пограничными начальниками въ стычкахъ съ ойратами. Кромѣ того, обращенъ былъ въ бѣгство и авангардъ главныхъ силъ, выступившихъ противъ непріятеля. Одинъ изъ китайскихъ генераловъ, Ши-хэнъ (石亨)³⁾, сразился съ ойратами при Янъ-хэ (陽和)⁴⁾ и бѣжалъ въ Пекинъ⁵⁾. Главною причиною этихъ неудачъ являлось то обстоятельство, что въ китайской арміи, наряду съ главнокомандующимъ военнымъ, назначаемы были въ качествѣ наблюдателей за ходомъ военныхъ дѣлъ еще евнухи. Неизбѣжными послѣдствіями такого порядка являлись общая неурядица и отсутствіе всякой дисциплины. Кромѣ того, евнухи, неимѣвшіе, конечно, ни малѣйшаго понятія о военномъ дѣлѣ, не позаботились своевременно о заго-

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 4 л.

2) Ibid.

3) Ibid.

4) Янъ-хэ лежало въ нынѣшнемъ уѣздѣ Янъ-гао-сянь (陽高), обл. Да-тунъ-фу. Л. Д. Д. Л. Ч.

5) М. Ш. биогр. Ши-хэнъ, 173 цз., 8 л.

товкѣ провіанта, и войска начали жестоко страдать отъ голода подъ самыми стѣнами Пекина, не успѣвъ даже удалиться отъ столицы на болѣе или менѣе значительное разстояніе. Ко всѣмъ прочимъ невздамъ, постигшимъ несчастныхъ китайцевъ, присоединилась еще страшная непогода, дождь и вѣтеръ, увеличившіе безнорядокъ и неурядицу въ далеко нестройныхъ рядахъ арміи. Такимъ образомъ, императоръ, двинувшійся противъ самаго Эсена подступилъ къ Да-тунъ-фу, къ которому, съ противоположной стороны, быстро приближались ойраты. Испугавшись своей собственной неосмотрительности, евнухи Ванъ-чжэнъ и Го-цзинъ (郭敬), находившіеся во главѣ арміи, рѣшили повернуть назадъ. Это отступленіе, очень походившее на позорное бѣгство, придадо, конечно, бодрости Эсеню, который иначе врядъ-ли рѣшился бы вступить въ открытый бой съ внушительной арміею китайцевъ. Ойраты преслѣдовали императорскую армію по пятамъ, и во время этого поспѣшнаго отступленія отдѣльнымъ аррьергарднымъ отрядамъ пришлось очень плохо; такъ, между прочимъ, погибли У-кэ-чжунъ (吳克忠) и Чжу-юнь, сразившіеся съ ойратами во главѣ сорокатысячнаго отряда, который былъ совершенно истребленъ непріателемъ въ мѣстности Яо-эррѣ-линъ (鷓兒嶺). Видя что положеніе становится критическимъ, всѣ компетентные начальники арміи, дойдя до Ту-му (土木)¹⁾, требовали, чтобы войска укрылись за укрѣпленіями города Хуай-лай (懷來)²⁾. Евнухъ Ванъ-чжэнъ опасался, однако, за цѣлость обоза и, кромѣ того, ему непремѣнно хотѣлось, чтобы императоръ, по дорогѣ въ Пекинъ, заѣхалъ въ гости къ его брату.

Видимъ изъ этого мѣста, какъ далеки были Сынъ Неба и его приближенные отъ сознанія крайней опасности своего положенія. Узнавъ чрезъ развѣдчиковъ о разстроенномъ состояніи китайской арміи, Эсень рѣшилъ дать генеральное сраженіе. Измученные,

1) Ту-му находится къ ю-з. отъ Хуай-лай-сянъ, см. карту Ц. Б. Ю. Т.

2) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 4 л.

голодные китайскіе солдаты, не выдержавъ перваго натиска, тотчасъ-же побросали оружіе и бѣжали отъ нападавшаго непріятеля, почти безъ всякаго сопротивленія, чѣмъ удивили самого Эсень, котораго еще болѣе поразило извѣстіе, что среди плѣнныхъ находится самъ императоръ. Несмотря на совѣты нѣкоторыхъ приближенныхъ, онъ не рѣшился покончить со своимъ царственнымъ плѣнникомъ и передалъ его на попеченіе одного изъ своихъ военачальниковъ, Бо-янь-Тэмура (伯顏), которому приказано было обращаться съ нимъ почтительно. Историкъ Минъ-ши желаетъ, по весьма естественнымъ побужденіямъ, придать чудесную окраску разсказу о захватѣ въ плѣнъ Инъ-цзун'а и объ обращеніи съ нимъ Эсень. Онъ говоритъ, между прочимъ, что, когда ойратскій владыка, сталъ питать худые замыслы противъ Сына Неба, то громъ убилъ коня, на которомъ онъ сидѣлъ и, кромѣ того, шатеръ, гдѣ пребывалъ императоръ, былъ окруженъ какимъ-то чуднымъ сіяніемъ. Всѣ эти чудесныя знаменья заставили Эсень задуматься и оставить свое преступное намѣреніе¹⁾.

Неожиданный захватъ императора поставилъ, повидимому, самихъ ойратовъ въ самое затруднительное положеніе, — Эсень просто не зналъ, что дѣлать со своимъ высокимъ плѣнникомъ. Не ожидая одержать столь блистательную побѣду, онъ вмѣсто того чтобы идти прямо на столицу, которая совершенно не была приготовлена къ оборонѣ, тронулся на сѣверъ и подошелъ къ Датунъ-фу. Приблизившись къ городу, Эсень отправилъ къ властямъ его посланца съ требованіемъ денегъ. Засѣвшій въ Датунѣ военачальникъ Го-дэнъ (郭登) велѣлъ посланному перелѣзть чрезъ стѣну по лѣстницѣ, не рѣшаясь открыть городскія ворота. Пребывавшіе въ глубокой скорби городскіе чиновники передали ойратскому посланцу двадцать слишкомъ тысячъ ланъ серебра, которые предназначались для врученія императору. Видя своего государя въ столь печальномъ положеніи, Го-дэнъ не вы-

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 5 л.

держалъ и рѣшился даже сдѣлать бесполезную попытку освободить его изъ плѣна. Окончилась она, конечно, полною неудачею¹⁾. Отъ Да-тун'а Эсень двинулся на сѣверъ. Узнавъ между тѣмъ, что въ Пекинѣ уже успѣли поставить на царство новаго императора, брата плѣннаго Инъ-цзун'а, ойратскій предводитель встревожился, опасаясь, что, съ утвержденіемъ новаго императора, плѣнникъ его утратитъ всякую цѣну. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ теперь только замѣтилъ, что сдѣлалъ непростительную ошибку, не рѣшившись начать походъ на столицу непосредственно послѣ Ту-му'ской катастрофы. Несмотря на зимнее время, онъ немедленно-же снова повернулъ къ Пекину, заявляя повсюду, что имѣетъ намѣреніе возвратитъ плѣннаго императора. Съ чрезвычайной быстротой направились ойратскія полчища на югъ къ Датун'у и Янь-хэ и, пройдя чрезъ Цзы-цзинъ-гуань'скій проходъ, появились у стѣнъ Пекина²⁾.

Между тѣмъ въ столицѣ происходили страшныя смуты, переполненныя самыми трагическими эпизодами. Подробное описаніе этихъ безпорядковъ не можетъ входить въ предметъ настоящаго изложенія. P. de Mailla даетъ намъ очень полную картину хаотическаго положенія дѣлъ въ столицѣ³⁾. Достаточно сказать, что невообразимая паника царилъ въ Пекинѣ, — и въ государственномъ совѣтѣ, созванномъ тотчасъ-же по полученіи извѣстія о плѣненіи императора, раздавались голоса за перенесеніе столицы на югъ. Военный министръ Юй-цянъ (于謙) положилъ конецъ этимъ трусливымъ предложеніямъ. Въ энергической рѣчи, сказанной въ отвѣтъ на выраженное нѣсколькими сановниками мнѣніе о необходимости покинуть Пекинъ, онъ рельефно обрисовалъ все безуміе такого предложенія, говоря, что столица есть основа государства и что съ утратою ея предстоитъ опасность потерять и всю имперію. Возведенный на престолъ братъ плѣннаго

1) М. Ш. біогр. Го-дэн'а, 173 цз., 12 л.

2) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 5 л.

3) См. Histoire générale de la Chine т. X, стр. 213—214.

Инь-цзун'а поручил Юй-цян'ю охранение столицы, и дѣятельный министр тотчас-же принялся водворять въ войскахъ строжайшую дисциплину.

Между тѣмъ, ойраты, осадившіе сѣверную часть Пекина, сильно разочаровались, когда увидѣли, что, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, столичный гарнизонъ приготовился оказать имъ сильное сопротивление. Эсень рассчитывалъ, что ему удастся овладѣть Пекиномъ чуть-ли не въ одни сутки, и теперь не зналъ, что предпринять. Нашелся совѣтникъ въ лицѣ перебѣжавшаго къ ойратамъ китайца Си-нин'а (喜寧). Онъ подговорилъ своего патрона потребовать у столичныхъ сановниковъ сто милліоновъ ланъ въ видѣ выкупа за императора и вызвать для переговоровъ, по этому предмету, изъ города важнѣйшихъ министровъ. Въ удовлетвореніи этого требованія ойратамъ было отказано. Видя, что одни переговоры ни къ чему не поведутъ, Эсень началъ наступать на городъ, но потерпѣлъ поражение въ стычкахъ съ китайскими отрядами, произведшими удачныя вылазки. Такіе стычки повторялись неоднократно въ теченіи пяти дней, но ойраты, не имѣли никакого положительнаго успѣха и, слыша, что къ Пекину приближается большое вспомогательное войско, вызванное изъ восточныхъ и южныхъ областей, рѣшили отступить¹⁾. Китайцы преслѣдовали непріятеля до пограничныхъ карауловъ, но держались, повидимому, при этомъ на почтительномъ разстояніи, такъ что Эсень пошелъ не кратчайшей дорогой на сѣверъ, а тѣмъ-же путемъ, которымъ наступалъ, а именно на Цзы-цинъ-гуань. При этомъ онъ разгромилъ Лянъ-сянъ (良鄉)²⁾. Нужно предполагать, что неудачу свою ойратскій завоеватель хотѣлъ выместить на своемъ плѣнникѣ. Считаю это вѣроятнымъ потому, что, рассказавъ объ отступленіи Эсеня, историкъ Минъ-ши считаетъ необходимымъ повторить свое заявленіе, что ойраты обращались съ плѣннымъ императоромъ чрезвычайно предупредительно и въ

1) М. Ш. біогр. Юй-цян'я, 170 цз., 5 л.

2) Небольшой городокъ, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ къ югу отъ Пекина.

высшей степени почтительно. Наряду съ этимъ онъ замѣчаетъ, что каждый разъ какъ Эсень взглядывалъ на шатеръ Сына Неба, ему представлялось, что надъ нимъ блещетъ какое-то сіяніе, какъ будто витаетъ чудесный драконъ. Можно заключить поэтому, что владыка ойратовъ еще не разъ имѣлъ намѣреніе покончить со своимъ высокимъ плѣнникомъ. Упоминается также, что Эсень имѣлъ намѣреніе женить Сына Неба на своей сестрѣ¹⁾. Это извѣстіе даетъ поводъ думать, что сообщаемое въ Алтанъ-Тобчи²⁾ свѣдѣніе, будто императоръ дѣйствительно былъ женатъ на монголкѣ, отъ которой даже имѣлъ сына, не лишено основанія.

Глава VI.

Царствованіе императора Цзинъ-тай'я (景泰) (1450 — 1457 гг.).

Въ Пекинѣ уже начинали, повидимому, привыкать къ новому порядку вещей. Братъ Инъ-цзун'а, Чэнъ-ванъ (成王), окончательно утвердился на престолѣ и даль годамъ своего правленія названіе Цзинъ-тай, плѣннаго-же императора онъ сталъ величать Тай-шанъ-хуан'омъ (太上皇), каковой титулъ обыкновенно присвоется въ Китаѣ правителямъ, удалившимся отъ дѣлъ на покой. Эсень, между тѣмъ, положительно тяготился своимъ плѣнникомъ и сталъ зондировать почву, дабы узнать, нельзя ли придти, по предмету о выдачѣ его, къ какому-либо мирному соглашенію съ пекинскимъ дворомъ. Въ 1450 году Да-тун'скій пограничный начальникъ донесъ, что къ нему явились отъ ойратовъ трое посланцевъ, которые передали желаніе Эсеня заключить мирный договоръ и просили о присылкѣ для этой цѣли китайскихъ чиновниковъ. Противъ командированія такихъ людей

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 5 л.

2) Алтанъ-Тобчи, стр. 80 (Монг. текста).

горячо возсталъ стоявшій у кормила правленія военный министр Юй-цянъ. Выставляя на видъ все зло, причиненное имперіи ойратами, онъ говорилъ, что глава ихъ, Эсень, сдѣлался смертельнымъ врагомъ Китая, и заключеніе съ нимъ договора ничего кромѣ униженія и убытковъ принести имперіи не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, живя въ мирѣ съ Китаемъ, Эсень будетъ непремѣнно предъявлять пекинскому двору требованія, исполненіе коихъ можетъ въ конецъ разстроить финансы имперіи, неудовольствие же ихъ неизбежно повлечетъ за собою неудовольствія и новыя войны. Въ виду всего этого, Юй-цянъ называлъ трусами тѣхъ, кто осмѣливается предлагать миръ съ Эсенемъ и энергично совѣтовалъ не входить съ нимъ ни въ какія соглашенія¹⁾.

Между тѣмъ ойраты снова начали движеніе на Китай, но дошли только до Да-тун'а, гдѣ Эсень вступилъ въ переговоры съ начальникомъ этого города, Го-дэн'омъ, о возвращеніи императора. Го-дэнъ отвѣтилъ на это предложеніе повтореніемъ своей недавней попытки силою освободить Инъ-цзун'а, что ему, однако, опять не удалось. Въ виду неудачи переговоровъ, Эсень снова ушелъ на сѣверъ, не осмѣливаясь на этотъ разъ двигаться далѣе на Пекинъ, гдѣ, какъ ему было извѣстно, было сосредоточено не малое количество войска. Видя нерѣшительность ойратовъ и подъ вліяніемъ неоднократно понесенныхъ ими неудачъ, двое союзниковъ Эсеня, То-то-бу-хуа и А-ла-чжи-юань, изъ коихъ послѣдній успѣлъ, между тѣмъ, произвести самостоятельный набѣгъ на провинціи Шэнъ-си и Ганъ-су²⁾, вступили въ переговоры съ китайцами, причемъ самымъ категорическимъ образомъ заявляли о своемъ нежеланіи дѣйствовать далѣе заодно съ ойратами³⁾.

Юй-цянъ продолжалъ, между тѣмъ, распорядиться энергично. По его приказанію, пограничнымъ военачальникамъ удалось хитростью заманить и казнить предавашагося на сторону

1) М. Ш. біогр. Юй-цян'я, 170 цз., 5 л.

2) М. Ш. Бэнь-цзи, 11 цз., 4 л.

3) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 5 л.

Эсеня евнуха Си-нин'а, много помогавшаго ойратскому предводителю своими совѣтами. Онъ-же, кромѣ того, приставилъ къ Эсеню шпіона въ лицѣ бывшаго въ плѣну у китайцевъ монгола Ба-ба-тай'я. Благодаря всѣмъ этимъ цѣлесообразнымъ и разумнымъ мѣрамъ, дѣятельному министру удалось добиться того, что Эсень, которому, безъ сомнѣнія, сильно надоѣли коварство и интриги китайцевъ, самъ пожелалъ, во что бы-то ни стало, развязаться съ своимъ царственнымъ плѣнникомъ. Въ Пекинъ явился отъ владыки ойратовъ посланецъ съ предложеніемъ возвратить плѣннаго императора и заключить прочный миръ. Когда созванъ былъ совѣтъ для обсужденія вопроса о томъ, какія мѣры слѣдуетъ предпринять для возвращенія плѣннаго Инъ-цзун'а, новый императоръ упрекалъ своихъ министровъ, что они заставили его, вопреки его желанію, принять бразды правленія, а теперь хотятъ возвратить плѣннаго Тай-шанъ-хуан'а, и, слѣдовательно, лишитъ его престола. Наступило неловкое молчаніе, но Юй-цянъ, нисколько не смущаясь, замѣтилъ, что, разъ престолъ утвержденъ за однимъ лицомъ, то измѣнить ничего нельзя; если же возвращенный изъ плѣна императоръ будетъ питать какія нибудь честолюбивыя намѣренія, то съ нимъ можно будетъ и не согласиться. Успокоенный этими завѣреніями Юй-цян'я императоръ утвердилъ мнѣніе своихъ министровъ о необходимости вернуть плѣннаго Инъ-цзун'а¹⁾. Къ ойратамъ командированъ былъ Ши-лянъ (侍郎) (чиновн. званіе) Ли-ши (李室) въ сопровожденіи Ло-ци (羅綺) и Ма-чжэн'а (馬政); посольству этому поручено было разузнать обстоятельно, можно-ли дѣйствительно рассчитывать на готовность Эсеня возвратить плѣннаго императора. Въ свойственномъ китайскимъ исторіямъ высокомерномъ тонѣ Минъ-ши повѣствуетъ, что означенные посланцы были отправлены къ Эсеню, дабы сообщить ему императорскій указъ, повелѣвающій ойратскому владыкѣ отпустить плѣннаго Тай-шанъ-хуан'а, и усовѣщевать его исполнить повелѣніе Сына Неба.

1) М. Ш. біогр. Юй-цян'я, 170 цз., 6 л.

Собранные посланцами свѣдѣнія оказались удовлетворительными, и, видя, что китайцы сами дѣлаютъ авансы, Эсень воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, и еще во время пребыванія у него Ли-ши, командировалъ къ китайскому двору нѣкоего Пи-эррѣ-ма-хѣй-ма (皮兒馬黑麻), съ предложеніемъ немедленно же отправить сановниковъ постарше для встрѣчи и сопровожденія обратно въ столицу императора. Въ Пекинѣ рѣшено было обождать возвращенія Ли-ши, по пріѣздѣ коего и снаряжено было посольство къ Эсеню¹⁾.

Во всѣхъ обстоятельствахъ дѣла объ освобожденіи плѣннаго императора, братъ его выказалъ упорное нежеланіе принять какія-либо серьезныя и дѣйствительныя мѣры къ возвращенію въ столицу своего несчастнаго предшественника. Ему пришлось уступить лишь настояніямъ всѣхъ цензоровъ и многихъ другихъ весьма вліятельныхъ чиновниковъ. Всѣ эти колебанія императора живо описаны въ біографіи одного изъ ближайшихъ придворныхъ совѣтниковъ, Ванъ-чжи (王直)²⁾.

Во главѣ посольства, отправленъ былъ Ду-юй-ши (старшій цензоръ) Янь-шань (楊善), извѣстный своею преданностью Инъ-цзун'у. Въ помощь ему былъ данъ Ши-ланъ Чжао-жунъ (趙榮) и довольно значительная свита, состоявшая изъ военныхъ чиновниковъ разныхъ ранговъ.

По истинѣ, только сознаніе долга и безграничная преданность къ бывшему повелителю могла понудить Янь-шан'я взяться за столь щекотливое и неблагодарное порученіе въ той обстановкѣ, при которой ему пришлось дѣйствовать. Еще до отъѣзда его изъ столицы, нѣкоторые изъ цензоровъ, а также и другіе чиновники представляли доклады, въ которыхъ говорили о необходимости отправить Инъ-цзун'у какіе нибудь подарки въ видѣ привѣтствія; указывали также, что императоръ уже давно находится въ плѣну, успѣлъ уже, вѣроятно, пообноситься, и что ему недурно было-

бы послать одежду. На эти представленія не было, однако, обращено никакого вниманія, и Янь-шан'я не снабдили даже средствами для покупки подарковъ, поднесеніе которыхъ такъ необходимо на востокѣ; — послу пришлось пріобрѣтать таковыя на собственный счетъ. По прибытіи Янь-шан'я въ ойратскій лагерь, Эсень приставилъ къ нему особаго чиновника, съ которымъ хитрый китаецъ и постарался сблизиться. За разговоромъ, происходившимъ за чаркою вина, ойратъ выразилъ Янь-шан'ю свое удивленіе, какъ это китайскія войска оказали столь слабое сопротивленіе во время сраженія при Ту-му. Посолъ отвѣчалъ на это цѣлой тирадой: «Какъ разъ въ это время», сказалъ онъ, «отборныя войска наши находились на югѣ; кромѣ того, всѣми дѣлами заправлялъ евухъ Ванъ-чжэнъ, думавшій болѣе объ угощеніи императора, нежели о военныхъ дѣйствіяхъ, вслѣдствіе чего нарушена была дисциплина, и вамъ удалось одержать побѣду. Нынѣ-же всѣ войска, бывшія на югѣ, возвратились въ столицу и, сверхъ того, образована цѣлая армія изъ наемныхъ солдатъ, которые обучены стрѣльбѣ отравленными стрѣлами, бьющими наповаль людей и лошадей на разстояніи ста шаговъ. Войска снабжены еще особыми приспособленіями специально для умерщвленія лошадей; кромѣ того, всюду разставлены засады, откуда неожиданно выскакиваютъ люди съ обезьяньей скоростью». Слова эти произвели должное впечатлѣніе на наивнаго собесѣдника Янь-шан'я, но послѣдній воспользовался прибавить съ невозмутимой серьезностью: «жаль, однако, что все это намъ придется оставить безъ употребленія, такъ какъ теперь мы заключимъ миръ и будемъ жить какъ друзья и братья». На другой день, Янь-шанъ не преминулъ отправить своему собесѣднику подарки, которымъ тотъ чрезвычайно обрадовался и передалъ Эсеню полностью свой разговоръ съ китайскимъ посломъ. Не покупился Янь-шанъ на подарки и самому ойратскому владыкѣ. Улучивъ удобную минуту, китайскій посолъ началъ съ Эсенемъ разговоръ по поводу возложеннаго на него порученія, причемъ съ истинно китайскою хитростью завелъ бесѣду очень издавлека: «когда Тай-

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 5 л.

2) М. Ш. біогр. Ванъ-чжи, 169 цз., 6—7 лл.

шанъ-хуанъ сидѣлъ еще на престолѣ, то вы, Тай-ши, посылали по два раза въ годъ посольства съ данью; число посланцевъ вашихъ доходило до трехъ тысячъ человекъ, и всѣ они были награждаемы несмѣтнымъ количествомъ золота и шелковыхъ матерій; какимъ-же образомъ могли вы выказать столь червуню неблагодарность?!». Эсень на это отвѣтилъ: «Зачѣмъ же вы уменьшили цѣны на лошадей и зачѣмъ часто отпускали негодный порченый шелкъ. Кромѣ того, многіе изъ моихъ посланцевъ попадали безъ вѣсти и вовсе не возвращались домой и вы ежегодно уменьшали отпускаемая имъ награды». Находчивый Янь-шанъ, выслушавъ безъ смущенія всѣ эти упреки Эсеня, тотчасъ же возразилъ ему: «не мы виноваты въ томъ, что приходилось давать вамъ менѣе, чѣмъ слѣдовало за лошадей, а вы-же сами, такъ какъ, съ каждымъ годомъ вы приводили ихъ все больше и больше. Мы не желали отклонять вашихъ приношеній, но не имѣли возможности уплачивать за все полностью, а потому поневолѣ должны были уменьшить цѣну. Что-же касается того, что вамъ часто отпускали порченый шелкъ, то въ этомъ виноваты казенные поставщики, и когда злоупотребленіе это обнаруживалось, то ихъ казнили. Вѣдь нельзя-же винить васъ самихъ, Тай-ши, если, иногда, среди поставляемыхъ вами лошадей попадали никуда не годныя клячи. Относительно того, что многіе изъ посланцевъ вашихъ не возвращались домой, можно сказать, что они приходили часто въ количествѣ трехъ-четырехъ тысячъ, и среди нихъ было, конечно, не мало воровъ и разбойниковъ, которые, совершивъ въ пути какое нибудь преступленіе, естественно боялись возвращаться домой; зачѣмъ-же намъ задерживать ихъ? Что-же касается до малаго награжденія вашихъ посланцевъ, то, за послѣднее время, у васъ вошло въ обычай помѣчать въ представляемыхъ спискахъ гораздо больше людей, чѣмъ сколько приходило на самомъ дѣлѣ. Правительство наше считало необходимымъ, въ виду этого, производить повѣрку людей и выдавало жалованіе согласно дѣйствительному, а не фиктивному числу пришедшихъ. Такой образъ дѣйствій съ нашей стороны никакъ

нельзя назвать уменьшеніемъ жалованья». Этой тирадой ловкій китаецъ, очевидно, заговорилъ бѣднаго Эсеня, не привыкшаго, повидимому, выслушивать столь длинныя рѣчи. Грозный владыка ойратовъ все время сидѣлъ молча и только поддакивалъ Янь-шаню. Пользуясь этимъ, посолъ продолжалъ уже гораздо смѣлѣе: «Вы, Тай-ши, два раза вторгались въ наши предѣлы, причѣмъ погубили многія сотни тысячъ какъ нашихъ, такъ и своихъ подданныхъ. Небо даруетъ жизнь, а вы, Тай-ши, отнимаете ее; вотъ почему въ вашей странѣ часто случаются бури и непогоды. Въ настоящее время вы выражаете желаніе вернуть плѣннаго императора и заключить съ нами мирный договоръ. Тогда, подобно тому какъ было встарину, мы будемъ вамъ жаловать шелка и золото, и въ государствахъ нашихъ будутъ царить веселье и радость».

Мы уже видѣли, что императоръ Цзинъ-тай, хотя и признавалъ необходимымъ отправить къ Эсеню посольство для переговоровъ о выдачѣ своего плѣннаго брата, однако, согласіе на такой шагъ дано имъ было очень неохотно, и въ грамотѣ, которою снабдили Янь-шаня, даже вовсе не упоминалось о возвратѣ плѣннаго Инъ-пзун'а. Пропуска этого не могъ не замѣтить Эсень и сдѣлавъ, по этому предмету, запросъ китайскому послу. Послѣднему приходилось теперь вилять между двухъ огней, — не скомпрометировать своего правительства и дать, въ то-же время, удовлетворительное объясненіе на вопросъ. Китайскій дипломатъ блестящимъ образомъ вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія. «Сдѣлавъ этотъ пропускъ», отвѣтилъ Эсеню Янь-шанъ, «умышленно съ тѣмъ, чтобы больше прославить имя ваше, Тай-ши. Если-бы въ грамотѣ, присланной вамъ, упоминалось объ отпускѣ Тай-шанъ-хуан'а, то это имѣло бы видъ, будто васъ насильно заставляютъ вернуть вашего царственного плѣнника; теперь-же выходитъ, что вы дѣлаете это по собственной инициативѣ, безъ всякаго побужденія извнѣ». Такія рѣчи не могли не понравиться падкому до лести Эсеню, но онъ все-таки спросилъ: «А будетъ-ли Тай-шанъ-хуанъ, по возвращеніи въ Пекинъ, снова возведенъ

на престоль». На это пришлось отвѣтить прямо, что престоль уже утвержденъ за новымъ лицомъ, и въ этомъ отношеніи не можетъ быть сдѣлано никакихъ перемѣнъ. Тутъ вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ присутствовавшихъ приближенныхъ Эсеня. Онъ сразу поставилъ дѣло на болѣе реальную почву и спросилъ Янь-шан'я, почему онъ не захватилъ съ собою никакихъ драгоценностей для выкупа императора. Ловкій китаецъ и тутъ нашелся: — «если-бы я», возразилъ онъ, «привезъ съ собою выкупъ, то всѣ могли-бы подумать, что Тай-ши одержимъ жаждою къ наживѣ; теперь-же, когда я прибылъ сюда съ пустыми руками, для всѣхъ будутъ очевидны добродѣтель и благородныя чувства Тай-ши; фактъ этотъ запишется въ исторію и имя Тай-ши прославится на десятки тысячъ лѣтъ». Эти льстивыя рѣчи Янь-шан'я окончательно побѣдили Эсеня, и онъ рѣшилъ отпустить съ римъ плѣннаго императора, несмотря на представленія нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ, которые совѣтовали требовать отъ китайскаго двора, чтобы императоръ Инъ-цзунъ былъ вполне восстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ¹⁾.

Окончательно рѣшивъ отпустить императора съ Янь-шан'емъ, Эсень устроилъ въ честь своего плѣнника угощеніе. Самъ повелитель ойратовъ сидѣлъ на полу и игралъ на четырехъ-струнной гитарѣ, а его жены и наложницы подносили гостямъ вино. Во время пиршества, Эсень пригласилъ Янь-шан'я сѣсть, но тотъ ни за что не хотѣлъ выказать такую непочтительность по отношенію къ своему повелителю, чѣмъ возбудилъ удивленіе въ простодушномъ кочевникѣ. Послѣ этого угощенія, Бо-янь-Тэмуръ и нѣкоторые другіе изъ ойратскихъ вельможъ также устраивали въ честь Инъ-цзун'а прощальные пиры. По окончаніи этихъ празднествъ, Эсень приказалъ возвести небольшую земляную насыпь, на которую усадилъ Шанъ-хуан'а (т. е. плѣннаго императора), а самъ вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и родичами совершилъ предъ нимъ поклоненіе и сдѣлалъ приличное подношеніе, состоявшее

преимущественно изъ съѣстныхъ припасовъ. Когда Инъ-цзунъ пустился въ путь, то Эсень провожалъ его на разстояніи полудня пути. Описывая эти событія, китайскій историкъ не могъ, конечно, обойтись безъ преувеличенія: онъ увѣряетъ, между прочимъ, что провожавшіе Инъ-цзун'а ойраты съ владыкою ихъ во главѣ, распростерлись на землѣ и громко плакали причитая: «императоръ уѣхалъ, когда-то намъ снова удастся увидѣть его». Вмѣстѣ съ Инъ-цзун'омъ отправлены были въ Пекинъ на поклонъ семьдесятъ ойратскихъ главарей¹⁾.

Разговоръ Эсеня съ Янь-шан'емъ и вообще всѣ эпизоды сопровождавшія паломничество китайскаго цензора къ ойратамъ, переданные мною *in extenso* и почти въ буквальномъ переводѣ текста Минъ-ши, представляютъ, по моему мнѣнію, значительный интересъ потому, что они въ самыхъ яркихъ краскахъ обрисовываютъ тѣ отношенія, которыя существовали между китайскимъ дворомъ и кочевниками, а также и тѣ недоразумѣнія, которыя, наконецъ привели къ разрыву между ними.

Приходится при этомъ только изумляться долготерпѣнію и покладливости китайскаго правительства, которое, придерживаясь принципа, что худой миръ лучше доброй ссоры, исполняло всѣ требованія надменныхъ кочевниковъ. Въ этомъ отношеніи плѣненіе императора Инъ-цзун'а было даже благотѣльно для Средней имперіи, такъ какъ это событіе принудило, наконецъ, китайцевъ оставить свою постыдную трусливую политику и блюсти въ сношеніяхъ съ кочевниками нѣсколько строже свое національное достоинство.

Послѣ возвращенія Инъ-цзун'а, Эсень почиталъ себя совершенно примирившимся съ китайскимъ дворомъ, и началъ очень часто отправлять въ Пекинъ посланцевъ съ данью, причемъ не забывалъ присылать каждый разъ особые подарки своему бывшему плѣннику, отказавшемуся отъ престола въ пользу брата и

1) М. Ш. біогр. Янь-шан'я, 171 цз., 11—13 лл.

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 6 л.

жившему вдали от дѣлъ, въ южномъ дворцѣ¹⁾). Примѣру Эсена слѣдовали и То-то-бу-хуа, а также А-ла-чжи-юань²⁾).

Съ этого времени, между ойратами и монголами снова возникаютъ раздоры, причину возникновенія которыхъ монгольскіе и китайскіе историки объясняютъ различно. Монгольскіе источники утверждаютъ, что неудовольствіе на ойратовъ возникло среди восточныхъ монголовъ, вслѣдствіе безпричинной жестокости Эсена; — ойратскій предводитель казнилъ будто-бы вѣскога Бухэ-Сорсона за то, что онъ, несмотря на категорическое приказаніе Эсена, принеся въ станъ ойратовъ ранѣе его вѣсть о захватѣ минскаго императора; послѣ этой казни, монголы стали массами отпадать отъ ойратскаго владыки, становясь на сторону Тайсона³⁾. Мотивы неудовольствія между этими двумя монгольскими предводителями гораздо естественнѣе объясняются въ Минъ-ши; — китайскій историкъ утверждаетъ, что Эсень добивался, чтобы наслѣдникомъ То-то-бу-хуа (Тайсона) былъ объявленъ сынъ его сестры, которая была замужемъ за монгольскимъ ханомъ. То-то-бу-хуа не хотѣлъ согласиться на это. Кроме того, Эсень постоянно подозрѣвалъ послѣдняго въ тайныхъ сношеніяхъ и дружбѣ съ Китаемъ⁴⁾.

Какъ казнь Бухэ-Сорсона, такъ и недоразумѣнія между Эсениемъ и То-то-бу-хуа могли быть, однако, лишь чисто внѣшними причинами раздора между монголами и ойратами; настоящій-же поводъ къ возникшимъ между ними усобицами слѣдуетъ искать гораздо глубже. Между этими двумя народностями снова возгорѣлась племенная вражда, которая никогда собственно не прекращалась, но лишь замолкла на время, вслѣдствіе блестящихъ военныхъ успѣховъ Эсена. Естественнымъ-же послѣдствіемъ послѣдующей слабой политики ойратскаго предводителя по отношенію къ Китаю было неудовольство восточныхъ монголовъ, у ко-

1) Mailla, Hist. gén. de la Chine, т. X, стр. 229.

2) М. III. отд. Ва-ла, 328 цз., 6 л.

3) Schmidt, Gesch. der Ost-Mongolen, стр. 152—154.

4) М. III. отд. Да-дань, 327 цз., 9 л.

торыхъ возгорѣлось съ новою силою желаніе освободиться отъ ненавистнаго ига ихъ западныхъ сосѣдей.

Столкновеніе между противниками произошло зимою 1451 года въ мѣстности Туруфану-хара¹⁾. Не имѣя возможности точно опредѣлить положеніе этого пункта, рѣшаюсь, однако, утверждать, что приуроченіе его къ Турфану (какъ это дѣлаетъ Schmidt. — см. Geschichte der Ost-Mongolen стр. 406, прим. 18) слишкомъ сомнительно, такъ какъ мало вѣроятно, чтобы монголамъ и ойратамъ нужно было сходитьсь такъ далеко на западъ, когда занимали они мѣстности, лежащія гораздо восточнѣе.

Сраженіе, происшедшее въ Туруфану-хара, описано съ большими подробностями у Сананъ-сэцэна (Geschichte der Ost-Mongolen, стр. 154—158), къ которому и отсылаю любознательныхъ читателей. Попытка монголовъ освободиться отъ ненавистнаго имъ ига окончилась полною неудачею, — они потерпѣли сильное пораженіе; Тайсонъ-ханъ принужденъ былъ бѣжать и, во время этого бѣгства, былъ убитъ вѣкимъ Цабдан'омъ, своимъ тестемъ, котораго онъ ранѣе того оскорбилъ, отославъ къ нему обратно дочь. Въ китайскихъ источникахъ вовсе не упоминается объ исторіи съ Цабдан'омъ, и просто говорится, что То-то-бу-хуа палъ въ сраженіи. Поразивъ своего врага, Эсень захватилъ все его имущество и всѣхъ подданныхъ²⁾.

Въ это время могущество ойратовъ достигло своего апогея: они были господами степей, и власть ихъ простиралась отъ страны урянхайцевъ (Ляо-дун'а) до Хами.

По отношенію къ Китаю Эсень держался, въ это время, довольно кроткой и выжидательной политики; — очевидно его успѣли достаточно напугать Янъ-шанъ и подобные ему искусные дипломаты, которыхъ умѣли выбрать и пускать въ ходъ стоявшіе въ то время у кормила правленія въ Пекинѣ Юй-цянъ и Ванъ-чжи. вмѣсто прежнихъ грозныхъ требованій, ойратскій владыка униженно проситъ разрѣшенія представлять ко двору

1) Schmidt, Gesch. der Ost-Mongolen, стр. 154.

2) М. III. отд. Да-дань, 327 цз., 9 л.

дань, и императоръ, понимая, что Эсень не осмѣлится болѣе открыто выступить противъ Китая, даже иногда отказываетъ ему въ этомъ разрѣшеніи.

Ближайшіе совѣтники двора не были довольны такимъ энергичнымъ образомъ дѣйствій своего повелителя и дѣлали ему даже представленія, въ которыхъ указывали, что полное прекращеніе сношеній съ ойратами не можетъ считаться желательнымъ. Императоръ продолжалъ, однако, придерживаться своего мнѣнія, заявляя, въ отвѣтъ на доклады чиновниковъ, что онъ не видитъ никакой пользы отъ постоянной пересылки посланцевъ. Въ это время Эсеню была послана грамота слѣдующаго содержания: «Ранѣе приходили отъ васъ посланцы, бывшіе подлыми людьми, искажавшими истину и поселявшими между нами недоразумѣнія. Мы, съ своей стороны, не будемъ посылать къ тебѣ никого и не видимъ никакой пользы, чтобы и отъ тебя приходили посланцы».

Получивъ эту грамоту, Эсень смолчалъ, хотя ему, конечно, не приходилось выслушивать, до сихъ поръ, отъ китайскаго правительства столь смѣлыя внушенія. Едва онъ успѣлъ, однако, справиться съ То-то-бу-хуа, какъ успѣшилъ немедленно отправить посланца къ пекинскому двору. Сему послѣднему были, вѣроятно, вручены очень категорическія инструкціи, о содержаніи коихъ китайскій историкъ умалчиваетъ, но мы знаемъ, что, по случаю прибытія его, Ванъ-чжи сдѣлалъ весьма вѣское представленіе о необходимости возобновить прерванныя сношенія съ ойратами. Императоръ передалъ обсужденіе этого вопроса въ военное министерство, президентъ коего Юй-цянъ далъ весьма разумный отзывъ, что онъ можетъ считаться компетентнымъ въ дѣлахъ военныхъ, но никакъ не въ вопросѣ о посланцахъ. Не входя въ дальнѣйшія разсужденія, императоръ рѣшилъ не посылать никакого отвѣтнаго посольства¹⁾. Такъ дѣло тянулось до 1454 года. Между тѣмъ усобицы между ойратами и монголами

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 7 л.

не прекращались. У Сананъ-сэцэна (Schmidt op. cit. стр. 158—164) и въ Алтанъ-Тобчи (стр. 68 и сл. монг. текста) рассказывается подробно о томъ, какъ послѣ смерти Тайсона возведенъ былъ на ханскій престолъ младшій братъ его Акбарчжи или Накбарчжи, передавшійся на сторону Эсеня еще до сраженія при Туруфану-хара. Эсень хитростью сманилъ его къ себѣ и провозгласилъ ханомъ въ противовѣсъ То-то-бу-хуа. Когда-же послѣдній былъ убитъ, то ойратскій предводитель успѣшилъ отдѣлаться отъ своего новаго ставленника. О смерти Акбарчжи (Накбарчжи) и сына его Хагурцака подробно рассказывается въ обоихъ монгольскихъ источникахъ.

Послѣ смерти ихъ, у Эсеня не оставалось болѣе ни одного сколько-нибудь опаснаго соперника, и онъ рѣшилъ объявить себя ханомъ. Осуществилъ онъ эту свою давнюю мечту въ 1454 г. При этомъ онъ, по примѣру китайскихъ императоровъ, даже даль годамъ своего правленія названіе Тянь-шанъ (田盛) и сталъ величать себя великимъ Юань'скимъ Хаганомъ. О своемъ восшествіи на престолъ онъ увѣдомилъ пекинскій дворъ, который, въ отвѣтной грамотѣ, называлъ его ойратскимъ хаганомъ¹⁾.

Поступокъ этотъ былъ роковымъ для Эсеня; — подвластные ему племена не могли простить ему этого самовольнаго присвоенія ханскаго титула, на который монголы продолжали смотрѣть какъ на нѣчто священное, принадлежавшее по праву исключительно потомкамъ Чингисова дома. Образовалась партія недовольныхъ, которая и стала изыскивать средства покончить съ ненавистнымъ тираномъ. Поведеніе Эсеня, между тѣмъ, вовсе не было рассчитано на то, чтобы ослабить это неудовольствіе. Напротивъ, гордость и самонадѣянность его росли съ каждымъ днемъ. Онъ сталъ самостоятельно распоряжаться судьбою цѣлыхъ племенъ; — такъ, мы имѣемъ свѣдѣніе, что онъ переселилъ на берега Хуанъ-хэ, въ мѣстность Му-на-ди (母納地), одно изъ племенъ урянхайскихъ²⁾. Подобныя дѣйствія не могли, ко-

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 7 л.

2) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 10 л.

нечно, не вызывать неудовольствія въ подданныхъ. Какъ организовалось и оформилось вспыхнувшее противъ Эсеня возстаніе намъ неизвѣстно ни изъ китайскихъ, ни изъ монгольскихъ источниковъ. Изъ лѣтописей Сананъ-сэцэна (Schmidt, op. cit., стр. 168) и Алтанъ Тобчи (стр. 77 монг. текста) мы узнаемъ, что въ 1455 году противъ ойратскаго владыки возстали двое изъ его военачальниковъ — Алакъ-Чинсангъ (А-ла-чжи-юань) и Тамуръ-Чинсангъ, которые, судя по смыслу монгольскихъ разсказовъ, не столько были противъ воцаренія самого Эсеня, сколько противъ желанія его сдѣлать свою власть наследственной. Пораженный въ сраженіи съ бунтовщиками, ойратскій владыка бѣжалъ, бросивъ свою семью и имущество и былъ убитъ Богономъ сыномъ того Сорсона, котораго онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ безчеловѣчно казнилъ. Такъ жалко кончилъ человѣкъ, испытавшій на себѣ всѣ милости и превратности судьбы и достигшій такого могущества, что, обладай онъ бѣльшими рѣшительностью и энергіею, то могъ бы легко покончить съ мин'скою династіею и основать въ Китаѣ свою собственную. Со смертію Эсеня, кончилось и политическое могущество ойратовъ, по крайней мѣрѣ на время; отнынѣ снова выступаютъ на первый планъ восточные монголы, которымъ удалось скинуть съ себя ненавистное иго западныхъ сосѣдей.

Извѣстія о событіяхъ въ Монголіи послѣ смерти Эсеня переданы въ Минъ-ши чрезвычайно сбивчиво и неполно. Едва ли не больше сбивчивости и противорѣчій встрѣчаемъ мы, впрочемъ, за этотъ періодъ и въ монгольскихъ источникахъ.

Минъ-ши говоритъ намъ, что возставшій столь успѣшно противъ Эсеня А-ла-чжи-юань былъ убитъ нѣкимъ Бо-лай'емъ (孛來), однимъ изъ родоначальниковъ племени Да-дань. Бо-лай этотъ захватилъ ханскую яшмовую печать, и, отыскавъ сына То-то-бу-хуа, Ма-эрр-кэ-эрр'а (麻兒可兒), объявилъ его ханомъ съ титуломъ Сяо-ванъ-цзы (小王子)¹⁾. Подъ этимъ титуломъ,

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 9 л.

означающимъ въ буквальномъ переводѣ «маленькій князь», стали извѣстны въ послѣдствіи въ китайскихъ источникахъ многіе изъ монгольскихъ хановъ. Ма-эрр-кэ-эрр'а слѣдуетъ, конечно, отождествлять съ Мэргусъ-хасомъ Сананъ-сэцэна (Schmidt, op. cit., стр. 170), а никакъ не съ Молонъ-ханомъ, какъ дѣлаетъ Howorth (см. History of the Mongols, P. I, стр. 367). О Бо-лай'ѣ мы не находимъ никакого упоминанія въ монгольскихъ источникахъ; — надо полагать, что онъ былъ руководителемъ вдовы То-то-бу-хуа, Самуръ-тайго, въ то время, когда она задумала выставить кандидатуру своего сына на ханскій престолъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вновь поставленный ханъ былъ не болѣе какъ слѣпымъ орудіемъ дѣйствовавшаго за спиною его Бо-лай'я, къ которому присоединился еще и Мао-ли-хай (毛里孩); обѣ эти личности пользовались, по словамъ Минъ-ши, довольно долгое время неограниченнымъ авторитетомъ среди монголовъ¹⁾.

Глава VII.

Царствованіе императора Тянь-шун'я (天順) (1457—1465 гг.)

Утвердившись во власти, Бо-лай успѣшилъ отправить посланцевъ къ китайскому двору, заявляя, такимъ образомъ, о желаніи своемъ вступить въ сношенія съ симъ послѣднимъ. Ко времени прибытія въ Пекинъ этого посольства, императоръ Дай-цзунъ (代宗) уже скончался и на престолъ снова вступилъ Инъ-цзунъ, давшій, на этотъ разъ, годамъ своего правленія названіе Тянь-шунъ. Наученный горькимъ опытомъ той осторожности, которой слѣдовало держаться въ дѣлахъ съ монголами, онъ не рѣшился продолжать рѣзкую политику своего брата, который прекратилъ всякія дружественныя сношенія съ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 9 л.

кочевниками. Вме́стѣ съ тѣмъ, онъ не хотѣлъ начинать снова правильную пересылку посольствъ и придумалъ нѣчто среднее, а именно отправилъ посланца съ подарками къ вдовѣ Бо-янь-Тэ-мура, который, какъ мы видѣли, ласково обходился съ нимъ во время его плѣна. Бо-лай не захотѣлъ, однако, удовлетвориться такимъ компромисомъ и, задержавъ присланнаго китайца, самъ отправилъ посланца въ Пекинъ, предлагая представить ко двору захваченную имъ ханскую яшмовую печать. На это предложеніе, Инъ-цзунъ отвѣтилъ очень сухо, говоря, что печать для него никакого значенія не имѣетъ, что онъ даже сомнѣвается въ ея подлинности; вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ энергично требовалъ отпуща задержаннаго посланца. Былъ-ли отпущенъ сей послѣдній или нѣтъ, неизвѣстно; мы знаемъ только, что вскорѣ послѣ того начались враждебныя дѣйствія со стороны монголовъ¹⁾. Минъ-ши перечисляетъ здѣсь рядъ нападеній Бо-лай'я и подвѣдомственныхъ ему племенъ на различные пункты китайской границы. Подъ 1457 годомъ встрѣчается упоминаніе о набѣгѣ на Вэй-юань (威遠)²⁾ и нѣкоторые другіе пограничныя посѣлки. Нападеніе это было благополучно отбито китайскими войсками подъ начальствомъ Ши-бяо (石彪). Набѣгъ-же произведенный въ слѣдующемъ году на мѣстность, лежащую въ сѣверной части провинціи Шэнь-си, былъ болѣе удаченъ для монголовъ. Посланный противъ нихъ китайскій военачальникъ Лю-пу (柳溥) позорно бѣжалъ, отправивъ ложное донесеніе, что имъ одержана побѣда. Въ слѣдующемъ 1459 году монголы сдѣлали набѣгъ на укрѣпленіе Ань-бянь (安邊), лежавшее въ провинціи Гань-су, въ области Цинъ-янь-фу³⁾. Высланныя противъ нихъ китайскія войска потерпѣли большой уронъ. Такія легкія побѣды не могли не придавать бодрости кочевникамъ. Набѣги ихъ стали повто-

ряться все чаще и чаще, причемъ предпринимались они все въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и съ болѣе многочисленными войсками. Въ 1460 году Бо-лай произвелъ значительное нападеніе на пограничную область Юй-линь во главѣ 20-ти тысячнаго отряда, причемъ отступилъ только послѣ упорной борьбы съ китайскимъ полководцемъ Янь-син'емъ (楊信). Независимо отъ сего, монголы сдѣлали вторженіе во многіе другіе пункты провинціи Шэнь-си. Въ 1461 году они произвели нападеніе на Пинъ-ло-чэнь¹⁾. Предводитель этого монгольскаго отряда заманилъ китайскаго командира Сюй-юн'а (許顯) въ западню, гдѣ китайцы были все вырѣзаны. Эти безпрестанныя набѣги вывели, наконецъ, изъ терпѣнья пекинскій дворъ, и, для разслѣдованія пограничныхъ дѣлъ на мѣстѣ, были командированы Ши-лань Бо-гуй (白圭) и Ду-юй-ши Ванъ-хунъ (王竑). Какъ разъ въ это время, Бо-лай, по свѣдѣніямъ Минъ-ши, запросилъ о мирѣ. Слѣдуетъ думать, что помянутымъ чиновникамъ было поручено вступить съ нимъ въ переговоры. Позондировавъ почву, они нашли ее, повидимому, благопріятною, и тогда, по императорскому повелѣнію, къ монголамъ былъ отправленъ Чжань-шэнь (瞻昇), которому и приказано было приступить къ заключенію мира. Бо-лай также прислалъ своего посланца къ китайскому двору, и послѣ этого взаимнаго обмѣна любезностей и не безъ обильныхъ, вѣроятно, подарковъ съ китайской стороны, заключенъ былъ миръ, изъ условій коего намъ извѣстно лишь одно, а именно, — монголы выговорили себѣ право являться періодически ко двору съ данью, и притомъ не чрезъ Да-тунъ, какъ то было установлено раньше (когда именно, неизвѣстно), а черезъ округъ Гао-лань (皋蘭), находящійся въ провинціи Гань-су, въ области Лань-чжоу²⁾.

1) Въ Л. Д. Д. Л. Ч. упоминается о двухъ мѣстностяхъ этого имени — одна находилась въ пр. Шэнь-си, въ обл. Шо-пинъ (朔平), уѣздѣ Пинъ-лу (平魯), вторая-же въ пров. Гань-су, въ обл. Нинъ-ся въ уѣздѣ Пинъ-ло (平羅).

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 10 л.

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 9 л.

2) Вэй-юань лежало въ провинціи Шэнь-си, въ обл. Да-тунъ-фу, уѣзда Тянь-чжэнь (天鎮). Л. Д. Д. Л. Ч.

3) Ли-дай-ди-ли-чжи.

Цѣль этого постановленія, выговореннаго въ свою пользу Бо-лай'емъ, вполнѣ понятна: во-первыхъ, посланцы монгольскіе, сопровождаемые, конечно, очень многочисленной свитой, получали, такимъ образомъ, право проходить, на законномъ основаніи, на громадномъ протяженіи по китайской территоріи; это давало имъ возможность свободно грабить чуть-ли не по всей сѣверной границѣ Китая. вмѣстѣ съ тѣмъ, прося о разрѣшеніи проходить чрезъ Гань-су, Бо-лай имѣлъ въ виду отвлечь вниманіе китайскаго правительства отъ ближайшихъ областей, лежавшихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ со столицею, на которыя онъ, по-видимому, рассчитывалъ произвести нападеніе въ ближайшемъ будущемъ. Уже въ 1462 году монголы сдѣлали набѣгъ на Хэ-си (河西) (пров. Шань-си), но расчетъ ихъ застать защитниковъ врасплохъ не оправдался. Они встрѣтили сильный отпоръ въ лицѣ Бо-гуй'я и Вань-хун'а, которые оставлены были въ пограничныхъ мѣстностяхъ для надзора за войсками. Въ двухъ сраженіяхъ — при Гу-юань-чуан'и (固原川) и Яй-цзы-чуан'и (崖字川) кочевники потерпѣли пораженія и, вѣроятно, очень чувствительныя, такъ какъ въ концѣ того же 1462 года Бо-лай запросилъ о мирѣ¹⁾. Пользуясь своимъ успѣхомъ, китайцы порѣшили взять назадъ данное ими ранѣе того разрѣшеніе, — Бо-лай долженъ былъ снова посылать ко двору своихъ посланцевъ не иначе какъ черезъ Да-тунъ²⁾.

Монгольскій предводитель успѣшилъ заключить миръ съ китайцами, — главнымъ образомъ въ виду усобицъ, которыя начались въ это время среди монголовъ. Ма-эрръ-кэ-эрръ былъ убитъ во время этихъ беспорядковъ и ханомъ объявленъ Ма-гу-кэ-эрръ-цзи-сы (馬古可兒吉思)³⁾, сего послѣдняго слѣдуетъ, вѣро-

1) М. Ш. Бэнь-цзи, 12 цз., 6 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 10 л.

3) Убийство Мэргусь-хаса было совершено, по словамъ Санань-сэцэна, Доголань-Тайчжіемъ Тумэтскимъ. Не есть-ли этотъ Доголань — До-ло-кань, предводитель Урянхайскихъ монголовъ, имя котораго встрѣчается въ китайскихъ источникахъ?

ятно, отождествлять съ Махагурки-ханомъ, упоминаемымъ въ Алтань-Тобчи; Санань-сэцэнъ не говоритъ о немъ ни слова. Въ этомъ мѣстѣ замѣчается значительная разница въ хронологическихъ данныхъ между китайскими и монгольскими источниками. По Санань-сэцэну, Мэргусь-хасъ былъ убитъ въ 1453 г., тогда какъ въ Минь-ши событіе это приурочено къ 1462 году; съ другой стороны, Алтань-Тобчи сообщаетъ, что Махагурки-ханъ царствовалъ до 1453 года; изъ китайскихъ-же свѣдѣній явствуетъ, что убитъ онъ былъ не ранѣе 1466 года. Какъ мы уже имѣли случай неоднократно наблюдать раньше, монгольскіе источники вообще не балуютъ насъ точностью своихъ хронологическихъ данныхъ, въ виду чего слѣдуетъ, по моему мнѣнію, относиться съ гораздо большимъ довѣріемъ къ свѣдѣніямъ сообщаемымъ китайскимъ историкомъ, тѣмъ болѣе, что какъ Алтань-Тобчи, такъ и Санань-сэцэнъ страдаютъ, въ этомъ мѣстѣ особенною неполнотою и сбивчивостью.

Доведа рассказъ до 1462 года, историкъ Минь-Ши спѣшитъ оговориться, что, послѣ этого времени, монгольскіе ханы, носившіе титулъ Сяо-ванъ-цзы, стали смѣняться очень часто, а потому не представляется возможности точно услѣдить за ними¹⁾. Изъ послѣдующаго изложенія мы убѣдимся, однако, что китайскій лѣтописецъ все таки слѣдитъ довольно внимательно за событіями въ Монголіи и повѣствуетъ о нихъ съ большею обстоятельностью, чѣмъ даже сами монгольскіе историки.

Характеризуя этотъ періодъ, авторъ Минь-ши говоритъ, что, съ этого времени, монгольскіе предводители стали проявлять большую независимость другъ отъ друга²⁾. Замѣчаніе это безспорно совершенно вѣрно и началась эта децентрализація немедленно послѣ смерти властвовавшаго единолично надъ всѣми кочевниками, ойратскаго Эсена. Въ-часто цитируемомъ мною трудѣ В. М. Успенскаго о Кукэ-норѣ (стр. 98—99) находятся под-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 337 цз., 10 л.

2) Ibid.

робныя свѣдѣнія о разселеніи монгольскихъ племенъ того времени. Въ общихъ-же чертахъ картина разселенія монгольскихъ племенъ, въ этотъ періодъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ: самую восточную часть Монголіи занимали племена урянхайскія, раздѣленныя, какъ мы видѣли выше, на три военныхъ поселенія—До-янь, Фу-юй и Тай-нинь. Племена эти, при первыхъ императорахъ мин'ской династіи, были въ полномъ почти подчиненіи у Китая, но затѣмъ стали понемногу добиваться самостоятельности, признавая надъ собою попеременно главенство тѣхъ изъ монгольскихъ предводителей, которые играли въ данное время наиболѣе выдающуюся роль. Такъ, послѣ смерти Эсеня, они завязали дружбу съ Бо-лай'емъ и, вмѣстѣ съ его посланцами, посылали и своихъ, причемъ требовали себѣ такихъ-же подарковъ, какіе отпускались самому Бо-лай'ю. Они причиняли въ то-же время не мало хлопотъ китайскому двору, являясь съ данью чаще, чѣмъ то полагалось по закону и притомъ не указными путями. Въ прежнее время, посланцы урянхайцевъ, какъ наиболѣе преданныхъ Китаю изъ всѣхъ монголовъ, допускались ко двору съ данью по три раза въ годъ, но имъ было дозволено проходить лишь черезъ укрѣпленіе Си-фынъ-коу (喜峰口) и, въ крайнемъ только случаѣ, черезъ область Юнъ-пинъ-фу. Ободренные своимъ союзомъ съ Бо-лай'емъ они стали являться также черезъ Ду-ши-коу и Вань-цюань-вэй (萬全衛)¹⁾, причемъ грабили, конечно, все, что плохо лежало, причиняя вообще не мало безпокойства китайскимъ пограничнымъ начальникамъ.

Непосредственно къ западу отъ урянхайцевъ кочевали племена, признававшія надъ собою власть хановъ, носившихъ титулъ «Сяо-ванъ-цзы»; они раздѣлялись на множество большихъ и малыхъ родовъ, каждый изъ коихъ пользовался долею самостоятельности. Кочевья этихъ монголовъ тянулись узкою полосой вдоль тогдашней сѣверной границы Китая, а именно у областей Сюань-хуа-фу, Да-гунъ-фу, по сѣверному побережью Жел-

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 10—11 лл.

той рѣки и вдоль почти всей границы провинціи Гань-су. Какъ мы увидимъ ниже, не далѣе какъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XV-го вѣка племена, принадлежавшія къ этому отдѣлу, перешли на южный берегъ Хуанъ-хэ и заняли Хэ-тао или Ордосъ.

Крайній западный флангъ монгольскихъ племенъ составляли ойраты. Послѣ смерти Эсеня, могущество ихъ пало также быстро, какъ и создалось. Остатки этого народа не хотѣли, однако, подчиниться вліянію Китая и рѣшили отстоять свою самостоятельность. Минъ-ши сообщаетъ, что прямые потомки Эсеня, съ сыномъ его Хо-эрръ-ху-да (火兒忽答) во главѣ, ушли на сѣверъ и осѣли на рѣкѣ Гань-гань (千趕)¹⁾; рѣку эту, судя по картѣ Ша-мо, помѣщенной въ Цзю-бянь-юй-ту, слѣдуетъ отождествлять съ Орхономъ, а потому я сомнѣваюсь, чтобы опредѣленіе В. М. Успенскаго, утверждающаго, что здѣсь подразумеваются верховья Енисея, было правильно. Опредѣленіе это кажется мнѣ тѣмъ болѣе сомнительнымъ, что впоследствии встрѣчаются упоминанія о довольно частыхъ набѣгахъ ойратовъ на китайскія пограничныя области, что имъ было-бы трудно дѣлать, если-бы они дѣйствительно поселились такъ далеко на сѣверо-западѣ. Непосредственно вслѣдъ за смертью Эсеня, ойраты продолжали еще сношенія съ Китаемъ, и пекинскій дворъ, памятуя ихъ прежнее могущество, довольно щедро одарялъ ихъ посланцевъ. Съ возрастаніемъ-же могущества Бо-лай'я они были отрѣзаны отъ Срединной имперіи сплошною стѣною восточныхъ монголовъ, съ которыми у нихъ происходили неоднократныя столкновения, причемъ во главѣ ойратовъ стоялъ нѣкто Чэ-ли-кэ (扯力克)²⁾. Другая-же часть этого племени, подъ предводительствомъ Эсенева брата Бо-ду-ван'а (伯都) и племянника У-ху-на (兀忽納), ушла въ Хами. Какъ извѣстно, между хамійскимъ и ойратскимъ владѣтельными домами существовали узлы родства: Бо-ду-ванъ приходился младшимъ братомъ матери хамійскаго князя³⁾.

1) М. Ш. отд. Ва-ла, 328 цз., 7 л.

2) Ibid.

3) Ibid.

Исторію этого оазиса я прервалъ на времени княженія Дао-ва-да-ши-ли. Какъ мы видѣли выше, князь этотъ, до похода Эсеня на Китай, окончательно подпалъ подъ вліяніе ойратскаго владыки. Съ такимъ подчиненнымъ положеніемъ онъ мирился, однако, не долго. Послѣ возвращенія изъ плѣна мин'скаго императора и униженного мира заключеннаго ойратами съ Китаемъ, Дао-ва-да-ши-ли рѣшилъ, что Эсеня уже нечего болѣе опасаться, тѣмъ болѣе, что, какъ разъ въ это время, ойраты были заняты внутренними раздорами. Въ 1452 году хамійскій князь отправилъ къ китайскому двору чиновника своего Нѣ-лѣ-ша (捏列沙), которому поручено было просить для князя чиновнаго званія. При обсужденіи этого вопроса счелъ своимъ долгомъ вставить слово президентъ военнаго министерства, Юй-цянъ, который хотя и говорилъ ранѣе, что онъ не можетъ быть признанъ компетентнымъ въ дѣлахъ о посольствахъ, почелъ, въ настоящемъ случаѣ, возможнымъ отступить отъ этого правила. Въ энергической рѣчи онъ ярко обрисовалъ коварство хамійскаго князя и убѣждалъ императора не жаловать ему никакихъ наградъ изъ опасенія, чтобы милости, раздаваемые пекинскимъ дворомъ, не утратили, вообще, своей цѣны. Юй-цян'я послушались, и хамійскій посланецъ, вернулся во свояси ни съ чѣмъ. Не болѣе успѣшно было и другое посольство Дао-ва-да-ши-ли, приходившее въ Пекинъ во время правленія Цзинъ-тай'я. Въ 1547 году этотъ князь умеръ и ему наследовалъ братъ его Бу-лѣ-гэ (卜列革), который немедленно отправилъ посланца къ китайскому двору съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи въ управленіе. Вновь восшедшій на престолъ императоръ Инъ-цзунъ оказался уступчивѣе своего брата, — онъ немедленно возвелъ Бу-лѣ-гэ въ званіе Чжунъ-шунъ-ван'а. Въ 1460 году князь этотъ умеръ не оставивъ наследниковъ, и дѣлами правленія стала завѣдывать мать его Ну-вэнь-да-ши-ли (努温答失里). Какъ разъ около этого времени явились въ Хами ея младшій братъ Бо-ду-ванъ и племянникъ У-ху-на. Ханша выхлопотала у китайскаго правительства первому изъ нихъ званіе Ду-ду (都督), а второму — Чжи-хуй'я (指揮).

По смерти Бу-лѣ-гэ, возникъ въ княжествѣ вопросъ о престолонаслѣдіи; образовалось двѣ партіи: одна — національная требовала, чтобы ван'омъ объявленъ былъ внукъ То-хуань-Тэмура съ женской стороны, нѣкто Ба-та-му-эррѣ (把塔木兒); кандидатурѣ его противилась, главнымъ образомъ, мать умершаго князя, приводившая тотъ доводъ, что Ба-та-му-эррѣ, какъ бывший подданный князя, не можетъ наследовать ему¹⁾. Съ своей стороны, она предлагала избрать въ князя одного изъ Ань-дин'скихъ вановъ. Мы уже встрѣчали ранѣе²⁾ упоминаніе объ одномъ изъ главарей этой общины, Санъ-гэ; въ 1438 году онъ умеръ, и ему наследовалъ сынъ его На-нанъ-бэнь (那南本), отличавшійся очень самостоятельнымъ и даже дерзкимъ характеромъ, — такъ, онъ не постѣснялся ограбить присланное къ нему однажды китайское посольство. Ни Санъ-гэ, ни На-нанъ-бэнь, игравшіе дѣятельную и видную роль въ исторіи Ань-дин'скаго княжества, не были, однако, главами его. Настоящимъ правителемъ былъ, въ то время, нѣкто И-панъ-данъ (亦攀丹), внукъ перваго подавшагося мин'цамъ Ань-дин'скаго князя Бу-инъ-Тэмура (卜烟). И-панъ-данъ умеръ въ 1446 году и ему наследовалъ сынъ его Линъ-чжанъ-ханъ-сѣ-эррѣ (領占翰些兒), правившій до 1490 года³⁾. За время его княженія и возникъ въ Хами вопросъ о престолонаслѣдіи.

Въ 1463 году правительница оазиса Ну-вэнь-да-ши-ли отправила подробное донесеніе въ Пекинъ, перечисляя всѣ бѣды, грозившія Хами отъ безначалія, причемъ выставила на видъ, что монголы, видя въ какомъ безпомощномъ положеніи находится княжество, начинаютъ зариться на него. Пекинскій дворъ принималъ къ свѣдѣнію донесенія ханши и прилагалъ старанія возстановить въ Хами порядокъ, поддерживая при этомъ кандидата, предложеннаго Ну-вэнь-да-ши-ли, Ань-дин'скаго князя А-эррѣ-ча (阿兒察). Посылались даже два раза отряды на границу,

1) М. III. отд. Ха-ми, 329 цз., 5 л.

2) См. выше стр. 56.

3) М. III. отд. Ань-динъ, 330 цз., 15 л.

но они были настолько незначительны, что не осмѣливались показываться за предѣлы собственнаго Китая. Самъ А-эррѣ-ча, въ виду столь плачевнаго положенія дѣлъ, всѣми силами отнѣкивался отъ навязываемой ему кандидатуры. Вслѣдствіе безначалія, въ Хами не замедлили возникнуть серьезные безпорядки. Княжество это слабѣло не по днямъ, а по часамъ, и не могло противустоять нападеніямъ монголовъ подъ начальствомъ Цзя-цзя-сы-лан'я (亂加思蘭), который сталъ производить здѣсь страшныя опустошенія. Положеніе дѣлъ ухудшилось вскорѣ на столько, что ханша Ну-вэнь-да-ши-ли бѣжала со всею своею роднею въ недавно отстроенную крѣпость Ку-юй (苦峪). Оттуда она неоднократно взывала къ пекинскому правительству, умоляя его помочь ея несчастной родинѣ. Послѣ неудачи своихъ первыхъ попытокъ, китайцы выказали, однако, полное нежеланіе принимать активное участіе въ междоусобіяхъ, происходившихъ въ Хами, и ограничивались лишь преподаніемъ благихъ, но мало дѣйствительныхъ совѣтовъ главарямъ этого княжества, убѣждая ихъ покончить ссоры и несогласія и выбрать себѣ главу. Наконецъ, въ Пекинѣ поняли, что неудобно долѣе оставлять дѣла въ такомъ положеніи, и, несмотря на оппозицію ханши Ну-вэнь-да-ши-ли, Ба-та-му-эррѣ былъ утвержденъ въ княжескомъ званіи. Въ Минь-ши упоминается лишь одинъ фактъ изъ времени его правленія, — это прибытіе отъ него посольства, совмѣстно съ посланцами ойратовъ и турфанцевъ. Послѣ весьма длинныхъ переговоровъ на границѣ, посольство это было допущено (въ ограниченномъ, впрочемъ, числѣ, — по одному изъ десяти человекъ) въ Пекинъ. Въ 1472 году Ба-та-му-эррѣ умеръ и сынъ его Хань-шэнь (罕慎) отправилъ въ Пекинъ посланца съ просьбою дозволить ему вступить въ управленіе княжествомъ. Ему было разрѣшено наследовать званіе отца, но заниматься дѣлами правленія ему не позволили. Чѣмъ объяснить такое распоряженіе китайскаго правительства, объяснить не берусь. Можно, во всякомъ случаѣ, утверждать, что оно не могло клониться къ упроченію порядка въ Хами, и положеніе дѣлъ въ этомъ княжествѣ

продолжало оставаться неудовлетворительнымъ. Самъ историкъ Минь-ши находить, что, къ тому времени, въ Хами не было рѣшительно никого, кто бы держалъ власть въ своихъ рукахъ¹⁾.

Не болѣе заботливости выказывало пекинское правительство о сохраненіи порядка и въ другихъ княжествахъ, образовавшихся на сѣверо-западной границѣ Гань-су. Хань-дун'скій правитель Чо-эррѣ-цзя (綽兒加) продолжалъ совмѣстно съ своимъ единоплеменникомъ Бань-ма-сы-цзѣ нападенія на Хами, причемъ держалъ себя по отношенію къ Китаю чрезвычайно самостоятельно, ничуть не смущаясь внушеніями, дѣлаемыми ему изъ Пекина касательно непристойности его поведенія и необходимости возратить награбленное. Сдѣлавъ эту характеристику Хань-дун'цевъ, авторъ Минь-ши пускается въ разсужденіе о томъ, что духъ грабежа настолько внѣдрился въ натуру этихъ племенъ, что даже увѣщанія самого императора не могли искоренить ихъ грабительскихъ наклонностей²⁾. Это сѣтованіе китайскаго историка даетъ намъ возможность составить себѣ представленіе о томъ, какого сорта были эти увѣщанія, дѣлаемые Сыномъ Неба; немудрено поэтому, что они не пользовались особеннымъ вѣсомъ среди кочевыхъ полуразбойничьихъ племенъ. Въ 1444 году Чо-эррѣ-цзя умеръ, и ему наследовалъ сынъ его Шань-бу-эррѣ-цзя (賞卜兒加), умѣвшій ладить съ пекинскимъ дворомъ и часто выпрашивавшій себѣ подачки въ видѣ хлѣба, холста и чая, которые довольно охотно отпускались ему³⁾.

Единственными вѣрными и постоянными приверженцами Китая были главари Чи-цзинь'скихъ монголовъ. Въ 1444 году Цѣ-вань-ши-цзя³⁾, вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ, удалился на покой и предоставилъ управленіе народомъ сыну своему А-су (阿速). Этотъ послѣдній оказался особенно вѣрнымъ другомъ Китая. Онъ не согласился на заманчивыя предложенія Эсея заключить съ нимъ союзъ и даже породниться. Въ 1451 году ойратскій

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 6 л.

2) М. Ш. отд. Хань-дунъ, 330 цз., 26 л.

3) Упомянутое о немъ см. выше стр. 58.

предводитель повторил свою попытку сблизиться съ А-су, но письмо его вѣрный Чи-цзинъ'ецъ прислалъ китайцамъ, и президентъ военнаго министерства, Юй-цянъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы яркими красками росписать все коварство Эсена и выставить на видъ необходимость оказать помощь А-су. Пограничнымъ начальникамъ предписано было держать войска наготовѣ, дабы имѣть возможность во время выступить для поддержки Чи-цзинъ'цевъ. Эсень, однако, не успокоился и еще разъ засылалъ пословъ къ А-су, но также безуспѣшно. По видимому, среди Чи-цзинъ'скихъ монголовъ было въ то время нѣсколько самостоятельныхъ главарей. Въ У-бянь-дянь-цзэ, подъ 1453 годомъ, находимъ извѣстіе, что Тайши Эсень отправилъ къ Чи-цзинъ'скому начальнику И-лу-бо (亦魯伯) письмо съ извѣщеніемъ, что онъ поразилъ Кэ-хан'я (Хагана), раззорилъ его домъ и хочетъ заключить мирный договоръ съ нимъ для покоренія Си-фан'ей (西番). И-лу-бо не прельстился, однако, предложеніями Эсена и письмо послѣдняго тайно переслалъ китайскимъ властямъ¹⁾. Вскорѣ ойратскій предводитель умеръ, и только съ его смертью прекратились его происки. Въ 1466 г. умеръ и А-су и ему наследовалъ малолѣтній сынъ Ва-сань-та-эрръ (瓦撒塔兒). Тотчасъ-же у Чи-цзинъ'цевъ начались смуты и неурядицы. Одинъ изъ подчиненныхъ князю родовыхъ начальниковъ, Гань-банъ (敢班), сталъ производить грабежи на китайской границѣ, но былъ захваченъ. Вмѣсто того, чтобы пригрозно наказать его и поддержать, такимъ образомъ, авторитетъ князя, помимо воли коего было сдѣлано это нападеніе, пограничные начальники китайскіе обошлись съ нимъ мягко и, наградивъ, отправили обратно. Такой образъ дѣйствій не могъ, конечно, способствовать упроченію уже нарушеннаго порядка въ княжествѣ.

Въ 1470 году Чи-цзинъ'цы просили о назначеніи завѣдующими дѣлами правленія дядю Ва-сань-та-эрръ'а, Ци-ба (乞巴), и еще другого родственника правителя. Къ этой просьбѣ, Ва-сань-

1) У. В. Д. Ц. 11 цз., 26 л.

та-эрръ, несомнѣнно находившійся подъ вліяніемъ этихъ лицъ, присоединилъ и свою. Китайское правительство не замедлило выразить свое согласіе на такую мѣру, и оба означенные родственника князя получили почетныя званья¹⁾. Видимъ, такимъ образомъ, что къ началу 70-хъ годовъ XV вѣка въ княжествѣ этомъ установилось двоевластіе, которое не могло, конечно, способствовать водворенію въ немъ спокойствія и благоустройства.

И такъ вотъ каково, въ общихъ чертахъ, было положеніе дѣлъ на западной границѣ Китая ко второй половинѣ XV вѣка. Въ это время стало усиливаться политическое могущество Турфана.

Первое упоминаніе о Турфанѣ и турфандахъ мы встрѣчаемъ въ китайскихъ источникахъ лишь въ 1377 году. Подъ этимъ годомъ мы находимъ извѣстіе о походѣ, предпринятомъ китайскими войсками противъ жителей этой страны въ наказаніе за ихъ постоянные грабежи. Правильныя сношенія съ китайскимъ дворомъ турфанскіе владѣтели начали лишь съ XV вѣка. Въ это время отъ нихъ стали приходять въ Пекинъ посланцы съ денью, состоявшею ббльшею частью изъ необдѣланной яшмы. Въ 1408 году въ качествѣ такого посланца явился ко двору буддійскій монахъ Цинъ-лай (清來) съ учениками Фа-цюан'емъ и другими. Съ тѣхъ поръ посольства турфанскія проходили въ Пекинъ часто, доставляя въ качествѣ дани между прочимъ отборныхъ лошадей и кречетовъ. Участились сношенія и упрочились дружественныя связи между Турфаномъ и пекинскимъ дворомъ, главнымъ образомъ, благодаря усиленію Бѣ-ши-па-ли'скаго (別失八里) (Могулистанскаго) князя Вай-сы (歪思)²⁾, который производилъ бурные набѣги на сосѣдей и не пощадилъ Турфана. Тогдашній владѣлецъ этого оазиса, Инъ-цзи-эрръ-ча (尹吉兒察), искалъ защиты у китайцевъ и, при содѣйствіи по-

1) М. Ш. отд. Чи-цзинъ, 330 цз., 21 л.

2) Объ этомъ Вай-сы (Вэйсь-ханъ) см. подробно у д-ра Бретшнейдера, op. cit. т. II, стр. 233, въ примѣчаніи.

слѣднихъ, ему удалось вернуть всѣ утраченныя имъ раньше земли. Въ 1427 году Инъ-цзи-эррѣ-ча умеръ и ему наслѣдовалъ сынъ его Мань-гэ-Тэмуръ (滿哥), который въ началѣ своего правленія довольно аккуратно присылалъ дань въ Пекинъ. Впослѣдствіи, однако, когда, со смертью Вай-сы, нападенія со стороны Бѣ-ши-па-ля'спевъ прекратились, турфанскій владѣтель началъ манкировать своими обязанностями по отношенію къ Китаю. Уже подъ 1441 годомъ мы находимъ извѣстіе въ Минъ-ши, что въ Пекинѣ начали замѣчать продолжительное отсутствіе изъ столицы турфанскихъ посланцевъ, и китайское правительство само первое отправило къ тамошнему владѣльцу Ба-ла-ма-эрр'у (巴刺麻兒) подарки, состоявшіе изъ шелковыхъ матерій. Правда, подарки эти были завезены только по пути посольствомъ, возвращавшимся изъ страны Ми-си-эррѣ (米昔兒) (Египта), но во всякомъ случаѣ, самый фактъ прибытія китайскаго посольства является замѣчательнымъ, свидѣтельствуя о несомнѣнномъ усиленіи политическаго значенія Турфана. Причину этого усиленія указываетъ самъ историкъ Минъ-ши: «въ началѣ мин'ской династіи, говоритъ онъ, «Турфанъ, находясь между двумя сильными государствами, Хотаномъ и Могулистаномъ, былъ слабъ. Впослѣдствіе же, съ паденіемъ могущества этихъ двухъ сосѣдей, Турфанъ сталъ понемногу усиливаться и даже подчинилъ себѣ два небольшихъ сосѣднихъ княжества, Хо-чжоу и Лю-чэнъ». Съ этого времени главный владѣлецъ оазиса, Ё-мили-хо-чжэ (也密力火者), сталъ величать себя ван'омъ¹⁾; вмѣстѣ съ усиленіемъ его, начинается новая эра въ сношеніяхъ Турфана съ пекинскимъ дворомъ, — они дѣлаются болѣе частыми, но носятъ уже на себѣ тотъ отпечатокъ требовательности и вымогательства, которыя характеризуютъ всѣ сношенія сильныхъ сосѣдей Срединной имперіи съ ея повелителями. Въ 1452 году были отправлены въ Пекинъ посланцы съ подарками не только отъ самого владѣльца Турфана, но даже и отъ женъ его, а также

1) М. Ш. отд. Ту-лу-фань, 329 цз., 20 л.

отъ другихъ родовыхъ начальниковъ. Въ 1459 году такихъ посланцевъ явилось въ Пекинъ уже 24 человекъ. Китайцы, съ своей стороны, также не разъ отправляли отвѣтныя посольства, но уже въ 1465 году возбужденъ былъ вопросъ объ урегулированіи этого дѣла, а именно, нѣкоторые изъ придворныхъ сановниковъ предложили, чтобы турфанскимъ посольствамъ разрѣшено было являться лишь разъ въ три года или даже въ пять лѣтъ и притомъ въ составѣ не болѣе десяти человекъ. Во всякомъ случаѣ, до 1469 года турфанскіе владѣльцы, въ своихъ отношеніяхъ къ Китаю, оказывались достаточно покорными и смиренными. Со вступленіемъ же въ 1469 году въ управленіе А-ли (阿功) все это рѣзко перемѣнилось¹⁾.

Глава VIII.

Царствованіе императора Чэнъ-хуа (成化) (1465—1488 гг.)²⁾.

Желая представить въ сколько-нибудь полномъ видѣ событія, совершавшіяся за послѣдній періодъ времени на сѣверо-западной границѣ Китая, я позволилъ себѣ нѣсколько захватить въ предъидущей главѣ время царствованія императора Чэнъ-хуа, а именно, довелъ рассказъ до 70-хъ годовъ XV столѣтія. Возвращаюсь теперь къ исторіи монголовъ.

Послѣ своей послѣдней неудачи³⁾, Бо-лай рѣшилъ дѣйствовать болѣе осторожно; не рискуя начинать снова открытыя враждебныя дѣйствія противъ китайцевъ, а пользуясь лишь своимъ правомъ представлять дань, часто отправлялъ въ Пекинъ посланцевъ, которые производили по дорогѣ многочисленныя грабежи. Выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія Сынъ Неба приказалъ за-

1) М. Ш. отд. Турфанъ, 329 цз., 21 л.

2) Къ этой-же главѣ приурочены два послѣдніе года правленія императора Тянь-шун'я 1463—1464 гг.

3) См. стр. 88.

держатъ на границѣ одного изъ такихъ посланцевъ, явившагося съ многочисленною свитою въ 1463 году. Отмѣнилъ свое рѣшеніе императоръ только благодаря представлѣніямъ одного изъ министровъ Ли-сян'я (李賢), который, въ виду неподготовленности китайскихъ войскъ и укрѣпленій, совѣтовалъ не доводить дѣла до открытаго разрыва съ монголами. Печальное положеніе китайскихъ вооруженныхъ силъ того времени весьма ярко обрисовано въ докладѣ, представленномъ въ 1464 году цензоромъ Чэнь-сюан'емъ (陳選): «среди Да-дан'ей», говорится въ этомъ документѣ, «есть нѣкій Бо-лай, пользующійся большимъ влияніемъ; онъ склоняетъ на свою сторону всѣхъ монголовъ, между прочимъ, также и тѣхъ, кои населяютъ три военныя поселенія (урянхайцевъ) и заводитъ съ ними дружественныя сношенія. Прошлою осенью отъ него явились ко двору посланцы, которыхъ мы принуждены были кормить и одарять, а они, между тѣмъ, высматривали положеніе нашихъ дѣлъ. Всѣмъ извѣстна склонность монголовъ производить грабежи, а наши пограничные чиновники слѣдуютъ рутиннымъ обычаямъ и совершенно излѣнились. Города и укрѣпленія не ремонтируются, аммуниція и оружіе находятся въ жалкомъ состояніи. Практикуются волюція злоупотребленія: богатые солдаты ежемѣсячно даютъ взятки своимъ начальникамъ, откупаясь такимъ образомъ отъ службы, бѣдные-же терпятъ холодъ и голодъ и разбѣгаются. Вслѣдствіе того, что дѣло охраненія границъ находится въ столь печальномъ положеніи, кто будетъ заботиться о защитѣ въ случаѣ нужды?! Въ виду всего вышеизложеннаго, прошу Ваше Величество издать указъ о перемѣнѣ, по возможности, всего состава пограничныхъ чиновниковъ; вновь назначенныхъ-же слѣдуетъ наказывать и повышать по заслугамъ. Только такимъ образомъ можно выработать способныхъ чиновниковъ и устрашить лѣнивыхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовало-бы болѣе цѣлесообразно распредѣлить какъ укрѣпленія, такъ и гарнизоны ихъ; слѣдуетъ также позаботиться объ увеличеніи численности сторожевыхъ башенъ. Ежегодно должно отправлять изъ столицы инспекторовъ для осмотра гра-

ницы. Если дѣло защиты будетъ поставлено на такую ногу, то можно рассчитывать, что постоянно повторяющіяся на границѣ смуты приостановятся»¹⁾.

Докладъ этотъ, не смотря на свою практичность, не обратилъ, повидимому на себя вниманія императора, который, впрочемъ, страдалъ въ то время уже болѣзнью, сведшемъ его въ могилу, и уже сыну его, Сянь-цзун'у (憲宗), давшему годамъ своего правленія названіе Чэнь-хуа, довелось испытать новыя набѣги кочевниковъ.

Очевидно недовольный милостями, которыми одаряли его въ Пекинѣ, Бо-лай задумалъ произвести большое нападеніе на китайскую границу, но, не чувствуя себя достаточно сильнымъ для такого предпріятія, заключилъ союзъ съ урянхайскимъ главаремъ То-ло-ган'емъ (脫羅干)²⁾, который выставилъ отъ себя 90 тысячъ конницы. Собравъ, такимъ образомъ, довольно значительное войско, Бо-лай предпринялъ набѣгъ на Ляо-хэ (遼河)³⁾.

Можно думать, что походъ этотъ былъ удаченъ, такъ какъ ни о какомъ значительномъ сраженіи, Минь-ши въ это время не упоминаетъ; въ китайской исторіи говорится только кратко, что одинъ изъ китайскихъ военачальниковъ, Чжэнь-хунъ (鄭宏), остановилъ нападавшихъ (вѣроятно тогда, когда и грабить было уже нечего). Осенью того-же года полчища кочевниковъ сдѣлали нападеніе на Янь и Суй (т. е. область Янь-ань-фу и округъ Суй-дэ-чжоу пров. Шэнь-си) также не безуспѣшно и зимою возобновили свой набѣгъ. Высланныя противъ нихъ войска двухъ провинцій дѣйствовали крайне неудачно. Въ рассказѣ объ этомъ набѣгѣ китайскій историкъ говоритъ, что монголы отступили «немного»; фразу эту, очевидно, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что китайскія войска потерпѣли полное пораженіе. Въ томъ-же

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 10—11 л.

2) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 11 л.

3) Если подъ этимъ именемъ слѣдуетъ понимать область, орошаемую р. Ляо-хэ, то здѣсь, вѣроятно, подразумѣвается Ляо-дунь.

1465 году или, можетъ быть, весной 1466 года Бо-лай переправился чрезъ Хуань-хэ и осадилъ крѣпость Хуань-фу-чуань (黃甫川)¹⁾. Къ дѣлу осады монголы оказались, однако, недостаточно подготовленными, и были отбиты китайскимъ гарнизономъ²⁾.

По поводу этого нападенія Бо-лай'я, являющагося первымъ большимъ набѣгомъ послѣ похода, предпринятаго Эсен'емъ, авторъ Минь-ши даетъ общій обзоръ наступательнаго движенія монголовъ на Китай за послѣдніе годы.

Въ началѣ, кочевники ограничивались нападеніями исключительно на пограничныя мѣстности, причемъ набѣги ихъ отличались неправильностью и отсутствіемъ какой либо общей системы. Съ начала-же годовъ правленія Цзинь-тай'я (1450 г.) движеніе монголовъ на югъ становится болѣе упорнымъ, и бывали даже случаи нападенія ихъ на Янь-цинъ, лежавшій въ теперешней области Цинь-ян-фу, провинціи Гань-су, верстъ на триста къ югу отъ г. Нинь-ся. Всѣ эти набѣги всетаки не имѣли серьезнаго значенія, такъ какъ дѣлались они малочисленными легучими отрядами. Явленіе гораздо болѣе серьезное началось со времени правленія Тянь-шун'я (1457 г.), когда монголы, подъ предводительствомъ А-ло-чу (阿羅出), потихоньку, не торопясь стали пробираться въ Хэ-тао (Ордосъ) и начали прочно осѣдать тамъ³⁾. Какъ ни тяжело было китайцамъ покидать плодородныя и привольныя степи Ордоса, доставлявшія пограничнымъ войскамъ провіантъ и фуражъ, а также изобиловавшія солеными озерами, представлявшими большую цѣнность, но пришлось уступить предъ силою обстоятельствъ. Уже со второй половины XV-го вѣка китайскіе аванпосты и поселенія постепенно переводятся на югъ, и Хэ-тао заселяется постоянно надвигавшимися монголами.

1) По картѣ Цзю-бянь-юй-ту Хуань-фу-чуань лежитъ къ сѣверо-западу отъ Хэ-цюй, на правомъ берегу Хуань-хэ.

2) М. III. отд. Да-дань, 327 цз., 11 л.

3) Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Цзю-бянь-юй-ту, явствуетъ, что это заселеніе монголами Хэ-тао началось уже при императорѣ Чжэн-тун'ѣ, и въ то время уже многіе чиновники представляли проекты о болѣе тщательной оборонѣ этой мѣстности.

Между тѣмъ, Бо-лай продолжалъ свои нападенія съ неослабною энергіею; наряду съ нимъ, въ числѣ нападавшихъ упоминаются Мао-ли-хай и самъ Сяо-ванъ-цзы. Набѣги ихъ сосредоточивались преимущественно на области Янь-суй. Вторженія свои въ эту пограничную мѣстность они повторяли неоднократно, что заставило китайское правительство сосредоточить здѣсь до 20 тысячъ человекъ. Кочевники всегда тщательно избѣгали прямой встрѣчи съ регулярными войсками въ открытомъ полѣ, и въ этомъ случаѣ они успѣшили разсыпаться мелкими шайками по всей границѣ провинціи Гань-су, вторглись въ Пинь-лянь (平涼), Линь-чжоу (靈州), Гу-юань и производили опустошительныя грабежи въ Нинь-цин'ѣ (寧靜)¹⁾, Лунь-дэ (隆德) и другихъ мѣстностяхъ. Во время этихъ нападеній, китайцы понесли весьма значительныя потери. Отъ дальнѣйшихъ разгромовъ спасли ихъ усобицы, начавшіяся скорѣ среди монголовъ. Бо-лай убилъ Сяо-ванъ-цзы Ма-кэ-гу-эррѣ-цзи-сы, а, немного спустя, самъ палъ отъ руки Мао-ли-хай'я, который, отдѣлавшись отъ опаснаго соперника, возвелъ на престолъ другого хана²⁾. Этотъ новый Сяо-ванъ-цзы и есть тотъ Молонъ-ханъ, который, по свѣдѣніямъ Сананъ-сэцэна, былъ возведенъ на престолъ въ 1453 году. Такимъ образомъ, разница между китайскими и монгольскими хронологіями получается въ 13 лѣтъ; принимая во вниманіе, что китайцы, по дальности разстоянія и медленности сообщеній, могли весьма легко занести извѣстіе о возведеніи на престолъ Молонъ-хана, на годъ позже, чѣмъ это событіе совершилось на самомъ дѣлѣ, мы получимъ разницу въ 12 лѣтъ, а такая ошибка со стороны монгольскаго лѣтописца весьма легко объясняется, такъ какъ оба года какъ 1453, такъ и 1465, суть годы «курицы». Что Мао-ли-хай'емъ былъ возведенъ на престолъ именно Молонъ-ханъ, а никто другой — явствуетъ уже изъ того, что, по свѣдѣніямъ Минь-ши, Мао-ли-хай въ томъ-же 1466 году убилъ сво-

1) Нинь-цинъ лежитъ въ пров. Гань-су, обл. Цинь-ян-фу.

2) М. III. отд. Да-дань, 327 цз., 11 л.

его ставленника¹⁾; фактъ этотъ совершенно согласуется съ известіемъ, сообщаемымъ Сананъ-сэцэномъ²⁾. Упомянувъ о смерти Молонъ-хана, случившейся, по китайскимъ свѣдѣніямъ, въ 1466 году, историкъ Минъ-ши сообщаетъ, что послѣ него произошло междупарствіе, во время коего верховную власть захватилъ въ свои руки Мао-ли-хай. Для утвержденія своей власти, Мао-ли-хай не брезгалъ никакими средствами. Такъ, во время похода, предпринятаго на Китай однимъ изъ монгольскихъ главарей, А-ло-чу въ У-бянь-дянь-цзэ его имя пишется А-лао-чу (阿老出), онъ напалъ на его ставку и разгромилъ ее, захвативъ множество плѣнныхъ и скота³⁾. По крайней мѣрѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ объ этомъ монгольскомъ предводителѣ упоминается какъ объ единственномъ сильномъ вершителѣ судебъ Монголіи. Ближайшимъ его союзникомъ былъ предводитель урянхайцевъ, Тологанъ, съ которымъ онъ и совершалъ свои частые набѣги на Китай. Тотчасъ послѣ захвата имъ власти, а именно весною 1467 года, Мао-ли-хай произвелъ опустошительный набѣгъ на Датунь. Будучи отвлеченъ внутренними дѣлами, онъ вскорѣ, однако, заключилъ миръ. Положеніе монголовъ въ этотъ моментъ и отношенія ихъ къ Китаю довольно ярко рисуются въ докладѣ, представленномъ цензоромъ Чэнь-вань-ли (程萬里). Документъ этотъ не лишнимъ считаю привести здѣсь цѣлкомъ: «Мао-ли-хай уже давно не приходилъ съ данью. Онъ высматриваетъ положеніе дѣлъ на нашей границѣ. Я полагаю, что слѣдуетъ, не теряя времени, двинуться противъ него, причемъ надѣюсь, что намъ удастся разбить его по тремъ причинамъ: 1) Мао-ли-хай находится отъ нашей границы въ разстояніи всего двухъ, трехъ дней пути, являясь тамъ гостемъ (т. е. человѣкомъ не знакомымъ съ мѣстностью); мы-же тамъ хозяева⁴⁾. 2) Для покоренія всѣхъ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 11—12 лл.

2) Schmidt, Gesch. der Ost-Mongolen, стр. 172.

3) У. Б. Д. Ц., 11 цз., 64—65 лл.

4) Это мѣсто въ докладѣ цензора доказываетъ, что монголы только въ самое недавнее время направились къ югу и поселились недалеко отъ тогдаш-

племенъ монгольскихъ, онъ разсыпаетъ всюду свои войска, не давая имъ времени отдыхать и, по причинѣ этой его гордости, силы его слабѣютъ¹⁾. 3) Всѣ племена монгольскія разсѣяны въ поискахъ за водою и хорошими пастбищами, и войска ихъ не соединены. Въ виду всего этого, я предлагаю набрать отборнаго войска до 20 тысячъ человѣкъ и раздѣлить его на отряды, приблизительно по три тысячи человѣкъ въ каждомъ, назначать надъ ними искусныхъ начальниковъ и ввести въ войскахъ строгую дисциплину. Слѣдуетъ отправить соглядатаевъ разузнать, въ какомъ именно мѣстѣ расположенъ Мао-ли-хай и произвести на него тамъ внезапное нападеніе. Успѣхъ будетъ обезпеченъ».

Въ 1469 году Мао-ли-хай дважды дѣлалъ набѣги на Яньсуй, Юй-линь и другія мѣстности, причемъ главнымъ сподвижникомъ его являлся все тотъ-же Тологанъ урянхайскій. Оба они не встрѣчали никакого серьезнаго сопротивленія со стороны китайцевъ. Базою при своихъ нападеніяхъ на пограничныя китайскія мѣстности Мао-ли-хай избралъ Хэ-тао, гдѣ онъ распоряжался полнымъ хозяиномъ. Вскорѣ къ нему сюда прикочевали еще Бо-лу-най (孛魯乃), А-ло-чу, Цзя-цзя-сы-лань и Бо-ло-ху (孛羅忽)²⁾. Всѣ они здѣсь осыли и устроились для продолжительнаго пребыванія. Такое скопленіе монгольскихъ племенъ въ Хэ-тао произвело на китайскій дворъ удручающее впечатлѣніе; въ Пекинѣ никакъ не могли помириться съ мыслью, что область эта

ней границы Китая. Правители Средняго имперіи никакъ не могли еще свыкнуться съ мыслью, что монголы вовсе не собираются быть тамъ на положеніи «гостей», а поселились прочно на этихъ облюбованныхъ ими мѣстахъ.

1) Эти слова не лишены интереса, ибо обрисовываютъ ясно тотъ духъ разобщенности, который царилъ, въ то время, среди монголовъ. Всѣ попытки Мао-ли-хай'я соединить во-едино племена кочевниковъ не приводили ни къ какимъ прочнымъ результатамъ.

2) Изъ всѣхъ этихъ именъ только послѣднее можно приурочить къ Болхожигонгу С. Сэцэна (см. Schmidt, op. cit стр. 174), всѣ же прочія упоминаемыя здѣсь лица или вовсе не встрѣчаются у монгольскихъ лѣтописцевъ, или-же известны у нихъ подъ другими именами.

окончательно утеряна¹⁾. Собранные на совѣтъ высшіе столичные чиновники пришли къ заключенію, что, до очищенія Хэ-тао отъ враговъ, не можетъ быть достигнуто спокойствія на границѣ. Рѣшено было назначить одного общаго главнокомандующаго и снабдить его обширными полномочіями. Таковымъ былъ избранъ Чжао-фу (趙輔); ему поручено было вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе тремя пограничными областями Шэнъ-си, Нинъ-ся и Янь-суй. Ближайшимъ помощникомъ его состоялъ Ванъ-юэ, который и является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой кампаніи. Скоро китайцамъ пришлось убѣдиться, однако, что не такъ-то легко заставить монголовъ очистить разъ занятые ими мѣста. Осѣвшія въ Хэ-тао кочевники были слишкомъ сильны для того, чтобы уступить безъ упорной борьбы, и не далѣе какъ черезъ мѣсяць китайскіе военачальники представили докладъ, въ которомъ высказывали мнѣніе, что трудно достигнуть сколько нибудь утѣшительныхъ результатовъ, имѣя въ своемъ распоряженіи менѣе 150 тысячъ войска. Постоянное содержаніе столь значительной арміи представлялось затруднительнымъ въ финансовомъ отношеніи; временно-же распускать войска признавалось невозможнымъ въ виду своеобразнаго способа веденія войны кочевниками, которые дѣлаютъ внезапныя нападенія и, затѣмъ, поспѣшно ретируются, а, между тѣмъ, войска не успѣваютъ своевременно собраться для отраженія ихъ. Въ виду всего этого, Ванъ-юэ просилъ не задаваться непременно цѣлью очистить Хэ-тао отъ непріятели и удовлетвориться однимъ охраненіемъ пограничныхъ мѣстностей. Этотъ докладъ начальниковъ дѣйствующей арміи не могъ конечно быть принятъ благосклонно при дворѣ, но поневолѣ пришлось покориться необходимости. Какъ бы то ни было, главнокомандующій Чжао-фу былъ отозванъ, и на мѣсто его назначенъ Лю-цзюй (劉聚), который дѣйствовалъ не болѣе удачно, чѣмъ его предмѣстникъ. Монголы, убѣдившись, что китайцы намѣрены ограничиваться оборонительнымъ обра-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 12 л.

зомъ дѣйствій, стали держать себя еще смѣлѣе прежняго и производили очень частые набѣги почти исключительно на мѣстности, лежащія къ югу и западу отъ Хэ-тао¹⁾.

Въ Минъ-ши подробно перечисляются всѣ стычки, происшедшія за это время между китайскими войсками и монголами. Въ виду крайняго однообразія этихъ разсказовъ, я не стану передавать ихъ здѣсь подробно. Важенъ лишь фактъ, что 1470 и 1471 гг. прошли цѣликомъ именно въ такихъ непрестанныхъ нападеніяхъ монголовъ на разные пункты границы, причѣмъ главное вниманіе свое кочевники продолжали сосредоточивать на Хэ-тао.

Въ началѣ, какъ мы видѣли, тамъ кочевалъ одинъ Мао-ли-хай. Потомъ понемногу къ нему присоединились и многіе другіе начальники родовъ. Единство интересовъ сблизило и сплотило осѣвшихъ здѣсь монголовъ, вслѣдствіе чего у нихъ, весьма естественно, могла явиться мысль объ избраніи общаго руководителя. Такимъ поставленъ былъ Мань-ду-лу (滿都魯) (Маньдагуль-ханъ Сананъ-Сэцэна, который называетъ его дядей Молона, см. Schmidt, op. cit., стр. 174). Избраніемъ своимъ онъ былъ, главнымъ образомъ, обязанъ содѣйствію своего тестя Цзя-цзя-сы-лан'я²⁾. Случилось это, по свѣдѣніямъ Минъ-ши, въ 1473 году³⁾.

Власть не могла, конечно, даромъ достаться Мань-ду-лу; — послѣ своего избранія, ему пришлось помѣряться силами съ Мао-ли-хай'емъ, который, какъ извѣстно, ранѣе того самъ питалъ честолюбивые замыслы и помышлялъ о верховномъ владычествѣ среди всѣхъ монголовъ. Другимъ серьезнымъ соперникомъ его являлся То-ло-гань, предводитель урянхайцевъ (Доголанъ-тайчжи Сананъ-сэцэна, см. Schmidt, op. cit., стр. 170 и

1) М. Ш. биогр. Ванъ-юэ (王越) 171 цз., 17 л.

2) Эти свѣдѣнія даютъ намъ возможность отождествлять Цзя-цзя-сы-лан'я съ однимъ изъ тестей Маньдагуль-хана, у котораго по Сананъ-сэцэну, ихъ было два — ойратскій Бэкэрисунъ-тайчжи и Энгутскій — Цоракбай-Тэмуръ-чисангъ (Schmidt, op. cit. стр. 174)

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 13 л.

174), который, как мы видѣли выше, былъ ревностнымъ союзникомъ Мао-ли-хай'я и производилъ съ нимъ частыя нападенія на китайскія пограничныя области. Противъ него-то и двинулся прежде всего Мань-ду-лу. Спасаясь отъ его нападеній, урянхайцы откочевали на югъ, къ самой границѣ Китая, и стали заискивать въ пекинскомъ дворѣ, умоляя Сына Неба сжалиться надъ ихъ беспомощнымъ положеніемъ и дозволить, въ видѣ вспомошествованія, снова открыть существовавшіе прежде конные рынки, закрытые вслѣдствіе враждебныхъ отношеній урянхайцевъ къ Китаю¹⁾.

Уже ранѣе, то есть въ началѣ XV вѣка были устроены въ предѣлахъ военныхъ поселеній рынки, на которые мѣстные монголы могли приводить своихъ лошадей и получать отъ китайцевъ необходимые для нихъ предметы, какъ-то хлѣбъ, одежды и разную утварь. Торгъ этотъ былъ не вольный, а носилъ униженный для китайцевъ характеръ, такъ какъ они обязывались принимать лошадей по известной, заранѣе опредѣленной цѣнѣ, причемъ оцѣнка дѣлалась чрезвычайно высокая, двойная и даже тройная противъ того, чего лошади дѣйствительно стоили. Трудно себѣ представить, чѣмъ руководствовалось китайское правительство, соглашаясь на учрежденіе такихъ рынковъ. Какъ мы увидимъ изъ послѣдующей исторіи сношеній Китая съ монголами, рынки эти открывались правителями Срединной имперіи каждый разъ по принужденію, причемъ открытіе ихъ ставилось монголами въ видѣ необходимаго условія мира. При сношеніяхъ-же съ урянхайцами, пекинское правительство, какъ видимъ, выражало, по собственной инициативѣ, временами желаніе устроить конные рынки, уничтожая ихъ немедленно по возникновеніи какихъ-либо недоразумѣній съ этими сосѣдями.

Въ одномъ изъ предписаній своихъ, отправленныхъ пограничнымъ начальникамъ, императоръ Сюань-цзунъ высказывалъ въ 1429 г. мнѣніе, что учрежденіе рынковъ въ восточной Монголіи

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 11 л.

дѣлалось исключительно съ благотворительною цѣлью, дабы кочевники не нуждались въ предметахъ первой необходимости¹⁾.

Несомнѣнно, однако, что пекинское правительство руководствовалось при этомъ соображеніями и болѣе практическаго характера; а именно — китайцы вѣроятно желали скупать у урянхайцевъ какъ можно больше лошадей и уменьшать, такимъ образомъ, численность монгольской кавалеріи, которая являлась болѣе всего опасною для китайскихъ войскъ. Другое вѣроятное объясненіе этой готовности китайцевъ открывать конные рынки можно видѣть въ ихъ желаніи ограничить, по возможности, приходъ въ столицу монгольскихъ посольствъ, которыя нерѣдко занимались по дорогѣ грабежомъ. Учреждая рынки, китайское правительство имѣло въ виду одарять монголовъ на мѣстѣ, не заставляя ихъ являться за подарками въ Пекинъ.

Въ борьбѣ съ Мань-ду-лу То-ло-ганъ потерпѣлъ полное пораженіе. Покончивъ съ нимъ, вновь поставленный монгольскій ханъ напалъ на Мао-ли-хай'я, который и былъ убитъ въ сраженіи²⁾. Сдѣлавшись, послѣ пораженія своихъ соперниковъ, полнымъ властелиномъ восточныхъ монголовъ, Мань-ду-лу тотчасъ-же предпринялъ набѣгъ на Китай. Особенно много такихъ набѣговъ въ сообществѣ съ Бо-ло-ху и Цзя-цзя-сы-лан'емъ было сдѣлано въ 1473 году³⁾, причемъ одинъ изъ нихъ окончился крайне плачевно для монголовъ, благодаря коварству китайскаго полководца Ванъ-юэ. Послѣдній, узвавъ о движеніи Мань-ду-лу, отправилъ соглядатаевъ, которые донесли, что всѣ старики, жены и дѣти монголовъ покинуты ими на берегу озера Хунъ-янь-чи (紅鹽池). Ванъ-юэ поспѣшилъ воспользоваться этими свѣдѣніями и направился къ этой ставкѣ кочевниковъ⁴⁾. Отрядъ вышелъ изъ Юй-лин'я и, пройдя въ двое сутокъ разстояніе въ 400 верстъ, былъ

1) У. Б. Д. Ц., 1 цз., 5 л.

2) См. Schmidt, op. cit., стр. 174; Минъ-ши ничего не говоритъ о смерти Мао-ли-хай'я. Алтанъ-тобчи говоритъ, что онъ умеръ естественною смертью (стр. 84 монг. текста).

3) У. Б. Д. Ц. 5 цз. 70 л.

4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 13 л.

уже близокъ къ цѣли; вдругъ поднялся сильный вѣтеръ, залѣпившій глаза пылью; уже смятеніе успѣло обуять Китайцевъ, какъ одинъ старшій солдатъ сказалъ: «эта погода благопріятна намъ, ибо поможетъ намъ приблизиться незамѣтно къ непріятельской ставкѣ; на обратномъ-же пути мы встрѣтимъ враговъ и несомнѣнно побѣдимъ». Ванъ-юэ слѣзъ съ коня и поклонился въ ноги этому старику, который за свою рѣчь былъ произведенъ въ тысячника. Войско было раздѣлено на десять малыхъ отрядовъ, по 1000 всадниковъ въ каждомъ, и нападеніе было произведено съ двухъ сторонъ, причѣмъ одержана была блестящая побѣда, — убито и захвачено въ плѣнъ 350 человекъ, сожжены монгольскія юрты и отбито неисчислимое количество скота и другой добычи. На обратномъ пути отрядъ Ванъ-юэ пошелъ противъ Мань-ду-лу, возвращавшагося съ своего набѣга на Вэй-чжоу (韋州), и разбилъ его. Узнавъ объ избіеніи своихъ женъ и дѣтей, несчастные монголы бѣжали со слезами на глазахъ и послѣ того долго не показывались въ Хэ-тао⁴⁾.

Разсказъ этотъ представляющій собою несомнѣнно сплошную цитату изъ донесенія Ванъ-юэ, можетъ служить яркою иллюстраціею того страха, который испытывали китайцы предъ монголами. — Уже далеки были времена Юнь-ло, когда войска Сына Неба нерѣдко встрѣчались съ кочевниками лицомъ къ лицу, въ ихъ родныхъ степяхъ. Теперь-же маленькій походъ за предѣлы пограничныхъ карауловъ считается какимъ-то необыкновеннымъ геройскимъ подвигомъ. Конечно, къ красивымъ фразамъ о слезахъ, пролитыхъ монголами, а также объ оставленіи ими на долгое время Хэ-тао слѣдуетъ относиться съ должною осторожностью. Какъ-бы то ни было, избіеніе женъ, дѣтей и стариковъ должно было удручающимъ образомъ повліять на кочевниковъ, которые, послѣ этого набѣга нѣсколько затихли. Объясняется это спокойствіе отчасти и домашними усобицами, возникшими какъ разъ въ то время въ Монголіи.

1) М. Ш. біогр. Ванъ-юэ, 171 цз., 17 л.

Въ повѣствованіяхъ объ этихъ распряхъ замѣчается большая разница между монгольскими и китайскими источниками. Не вдаваясь въ критику отечественныхъ лѣтописей монголовъ, считаю не лишнимъ сказать, однако, что факты, сообщаемые въ Минъ-ши, значительно дополняютъ разсказы Сананъ-сэцэна и Алтанъ-тобчи. Существеннымъ отличіемъ китайскаго историка отъ Монгольскихъ лѣтописцевъ является введеніе у перваго новаго дѣйствующаго лица, а именно Цзя-цзя-сы-лан'я, котораго я не могу отождествить съ точностью ни съ однимъ изъ лицъ, упоминаемыхъ у Сананъ-сэцэна и Алтанъ-тобчи¹⁾.

О фиктивности этого Цзя-цзя-сы-лан'я не можетъ быть и рѣчи, ибо онъ совершенно опредѣленно и ясно упоминается въ Минъ-ши и въ У-бянь-дянь-цзэ наряду съ Мань-ду-лу, Бо-ло-ху и другими лицами съ именами коихъ мы встрѣчаемся и у монгольскихъ лѣтописцевъ. Въ У-бянь-дянь-цзэ упоминается между прочимъ о Цзя-цзя-сы-лан'ѣ, какъ о выходящѣ изъ Турфана²⁾.

Разсказъ свой объ усобицахъ, происшедшихъ среди монголовъ, Минъ-ши начинаетъ съ повѣствованія о томъ, что Цзя-цзя-сы-ланъ ранѣе отдалъ дочь свою въ замужество Мань-ду-лу и, заинтересовавшись въ его судьбѣ благодаря такимъ родственнымъ связямъ, поставилъ его хаганомъ³⁾. Это извѣстіе совершенно опущено какъ у Сананъ-сэцэна, такъ и въ Алтанъ-тобчи. Положеніе Цзя-цзя-сы-лан'я, какъ тестя Мань-ду-лу, должно было сразу поставить его во враждебныя отношенія къ пріютившемуся у новаго хана внуку Эсеня и сыну Харгоцокъ-тайчжя, Баянъ-мункэ, которому ханъ далъ новое прозваніе Болху и титулъ чжинонга⁴⁾. Въ виду бездѣтности Маньдугула, можно было предполагать, что, послѣ его смерти, ему наследуетъ Баянъ-мункэ, что далеко не улыбалось Цзя-цзя-сы-лан'ю, а потому есть полное основаніе предполагать, что послѣдній и является инициа-

1) См., впрочемъ, выше (стр. 107) сдѣланное мною предположеніе.

2) У. Б. Д. Ц., 1 цз., 34 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 13 л.

4) Schmidt, op. cit., стр. 174.

торомъ тѣхъ недоразумѣній, которыя дважды возникали между ханомъ и чжингонгомъ. Упоминаемые-же монгольскими историками Хонхолай и Исама-тайши были, вѣроятно, лишь орудіями, при помощи коихъ дѣйствовалъ этотъ главный интриганъ. Въ Минъ-ши тутъ-же сообщается, что Цзя-цзя-сы-лань вскорѣ убилъ Бо-ло-ху¹⁾. Здѣсь мы встрѣчаемся съ весьма существеннымъ разногласіемъ между китайскими и монгольскими источниками. Причиною его является, по моему мнѣнію, путаница, создавшаяся благодаря тому, что одно и то-же лицо было извѣстно въ Монголіи подъ двумя именами (Болху-чжинонгъ и Баянъ-мункэ). Китайскій историкъ, повидимому, не усвоиваетъ себѣ этого дѣйствительно страннаго, на первый взглядъ, явленія и почитаетъ Баянъ-мункэ и Болху-чжинонга за двухъ различныхъ личностей. По Минъ-ши выходитъ, что Бо-ло-ху былъ убитъ Цзя-цзя-сы-лан'емъ еще до смерти Мань-ду-лу, а о Баянъ-мэнъ-кэ мы встрѣчаемъ еще упоминанія до самаго конца XV вѣка. Не задаваясь пока цѣлью ориентироваться въ этой путаницѣ, считаю, однако, несомнѣннымъ фактомъ, что, благодаря проискаму Цзя-цзя-сы-лан'я, вліяніе Бо-ло-ху на дѣла было, на время по крайней мѣрѣ, устранено.

По свѣдѣніямъ Минъ-ши, послѣ смерти Бо-ло-ху, Цзя-цзя-сы-лань началъ быстро усиливаться, причѣмъ сталъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, не обращая вниманія на хана, порѣшивъ, вѣроятно, рано или поздно свергнуть своего непокорнаго ставленника. Въ это время То-ло-гань и И-сы-ма-инь (亦思馬因) (несомн. Исама-тайши Сананъ-сэцэна и Исмаиль Алтанъ-тобчи), будучи недовольны Цзя-цзя-сы-лан'емъ, составили противъ него заговоръ, который увѣнчался успѣхомъ, и имъ удалось убить его²⁾. Съ этого времени начинается возвышеніе И-сы-ма-ин'я, съ которымъ, какъ съ могущественнымъ монгольскимъ полководцемъ, мы будемъ встрѣчаться неоднократно впослед-

1) М. III. отд. Да-дань, 327 цз., 13 л.

2) Ibid.

ствіи. Весьма вѣроятно, что въ дѣлѣ убійства Цзя-цзя-сы-лан'я не обошлось и безъ косвеннаго участія самаго хана, имѣвшаго несомнѣнно основаніе опасаться усиленія своего тестя. Вскорѣ умеръ и Мань-ду-лу и, по поводу его смерти, китайскій историкъ съ облегченіемъ восклицаетъ, что съ его кончиною сошелъ со сцены одинъ изъ сильнѣйшихъ монгольскихъ военачальниковъ, и смуты въ пограничныхъ областяхъ нѣсколько поутихли. На основаніи данныхъ, сообщаемыхъ Сананъ-сэцэномъ, который говоритъ, что Маньдагуль-ханъ правилъ всего пять лѣтъ, можно приурочить годъ его смерти къ 1479 году.

О послѣдующихъ событіяхъ Минъ-ши даетъ весьма отрывочныя свѣдѣнія, которыя, не смотря на свою неполноту, являются, впрочемъ, единственными за этотъ періодъ времени, такъ какъ ни Сананъ-сэцэнъ, ни Алтанъ-тобчи не сообщаютъ почти ничего объ исторіи Монголіи за время малолѣтства Даянъ-хана. Разказы монгольскихъ историковъ блещутъ въ этомъ мѣстѣ полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо хронологическихъ данныхъ, а потому тутъ является возможность примирить китайскую хронологію съ монгольской. — Годомъ рожденія Даянъ-хана является по монгольскимъ источникамъ 1466 годъ¹⁾. Съ этою датою можно согласить всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя въ Минъ-ши. Только, въ такомъ случаѣ, придется отказаться отъ передаваемой Сананъ-сэцэномъ поэтической легенды о раннемъ бракѣ Даянъ-хана съ Мандугай-сэцэнъ-хатунь²⁾.

Послѣ смерти Маньдагуль-хана, признаннаго большею частью кочевниковъ, Монголія снова представляется намъ раздѣленною на два враждебныхъ лагеря. Во главѣ одного изъ нихъ стоялъ Даянъ-ханъ (Бату-мункэ), сынъ Баянъ-мункэ, а предводителемъ другаго былъ Исама-тайши (по китайской транскрипціи И-сы-ма-инь). Сей послѣдній успѣлъ приобрести себѣ извѣстный авторитетъ, благодаря своей побѣдѣ надъ Цзя-цзя-сы-лан'емъ и коче-

1) См. Schmidt, op. cit., стр. 180.

2) Ibid.

валъ на востокѣ въ мѣстности, лежащей непосредственно къ сѣверо-западу отъ Ляо-дун'а. Монголы-же, признавшіе надъ собою власть хана, заняли мѣста къ западу отъ него, а именно степи, тянущіяся къ сѣверу отъ Хэ-тао и провинціи Гань-су. Между ханомъ и Исама-тайши весьма естественно возгорѣлась вражда; — каждый изъ соперниковъ старался, по возможности, расширить свое вліяніе. Надежнѣйшимъ путемъ для достиженія популярности являлись, конечно, успѣшные походы на Китай. Вотъ чѣмъ объясняются, слѣдовательно, тѣ непрерывныя набѣги на пограничныя области Срединной имперіи, которыя начинаются именно съ этого времени. По свидѣтельству Минъ-ши, съ 1480 года и до конца годовъ правленія Чанъ-хуа на сѣверной границѣ не было ни одного спокойнаго года. Особеннымъ успѣхомъ въ своихъ нападеніяхъ пользовался И-сы-ма-инь. Въ 1480 году онъ произвелъ набѣгъ на Ляо-дунъ, а также съ значительнымъ войскомъ вторгся въ Да-тунъ. Послѣдній отрядъ монголовъ былъ настолько значителенъ, что лагерь его занималъ дѣльныхъ 50 ли. Здѣсь, съ китайской стороны, кочевникамъ не было оказано никакого серьезнаго сопротивленія. Цзунъ-бинъ Сюй-нинъ (許寧) сразился съ монголами и потерпѣлъ поражение, но, боясь за свою голову, донесъ въ Пекинъ, что одержалъ побѣду. Монголы-же бурнымъ потокомъ разлились по Шань-си и появились даже въ Чжи-ли, а именно въ Шунь-шэнъ-чуань (順聖川)¹⁾; страшныя опустошенія произвели они также въ Хунь-юанъ (渾源) и Шо-пинъ (朔平). Наконецъ губернатору области Сюань-хуа-фу удалось, послѣ упорнаго сраженія, остановить побѣдоносное шествіе монголовъ. Губернаторъ провинціи Шань-си, Бянь-юнь (邊鏞), также только послѣ неимоверныхъ усилій удержалъ непріятеля²⁾.

Производя набѣги на сѣверо-восточныя области Китая, И-сы-ма-инь не могъ, конечно, оставить въ покоѣ и монголовъ-урян-

хайцевъ; — въ теченіи многихъ лѣтъ у него происходили съ ними постоянныя столкновения. Въ 1486 году нападенія этого монгольского начальника смѣнились набѣгами другого предводителя того-же племени, На-хай'я (那孩), который во главѣ 30-ти тысячнаго войска перешелъ чрезъ рѣку Ляо-хэ и сильно разгромилъ урянхайцевъ, убивъ ихъ главаря Бо-ян'я (伯顏) и угнавъ слишкомъ десять тысячъ головъ скота. Какъ мы уже неоднократно видѣли выше, урянхайцы умѣли всегда весьма ловко пользоваться своимъ положеніемъ между сѣверными монголами и Китаемъ. Въ данномъ случаѣ, страдая отъ нападеній своихъ сѣверныхъ сосѣдей, они послѣдили прибѣгнуть къ помощи Китая; они стали укрываться въ пограничныхъ областяхъ, умоляя Сына Неба оказать имъ поддержку. Пограничный чиновникъ Лю-цзанъ (劉濬) донесъ объ этомъ печальномъ положеніи урянхайцевъ, съумѣвшихъ при этомъ удобномъ случаѣ притвориться смиренными подданными Китая, и пекинское правительство вняло ихъ мольбамъ, распорядившись отпускать имъ даровой хлѣбъ и фуражъ для скота¹⁾. Возможно энергичная поддержка урянхайцевъ была, конечно, прямо въ интересахъ пекинскаго двора; — хотя сосѣди эти иногда и беспокоили пограничныя китайскія области, но они могли служить, въ то-же время, опорой для Срединной имперіи противъ нападенія сильныхъ сѣверныхъ кочевниковъ.

Западная часть монголовъ также не бездѣйствовала за это время. Они производили немаловажныя набѣги на провинціи Гань-су и западную часть Шань-си. Здѣсь нападенія кочевниковъ не были, однако, столь-же успѣшны, какъ на востокѣ. — Когда въ 1480 году они вздумали переправиться чрезъ Хуанъ-хэ, то были разбиты китайскими войсками при Вэй-нинъ-хай-цзы (威寧海子)²⁾. Довольно успѣшно отражены были монголы и въ Да-тунъ³⁾. Сомнительно, однако, чтобы всѣ эти поражения, на-

1) Шунь-шэнъ-чуань находится въ пров. Чжи-ли, въ области Сюань-хуа-фу, на 30 в. къ востоку отъ уѣзднаго города Су-нинъ (肅甯). Л. Д. Д. Л. Ч.

2) М. Ш. отд. Да-данъ, 327 цз., 11 л.

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 11 л.

2) Ли-дай-ди-ли-чжи. Гань-су, Цинъ-янъ-фу, Авь-хуа-сянь.

3) М. Ш. отд. Да-данъ, 327 цз., 13 л.

несенныя китайцами кочевникамъ имѣли рѣшительный характеръ; вѣроятноже предположить, что монгольскія полчища возвращались въ свои родныя степи, лишь вдоволь награбивъ.

Послѣ этого непрерывнаго ряда набѣговъ на Китай, обѣ монгольскія партіи почувствовали себя достаточно сильными для того, чтобы начать между собою борьбу изъ за гегемоніи.

Изъ внимательнаго разсмотрѣнія данныхъ, сообщаемыхъ какъ Сананъ-сэцэномъ и Алтанъ-тобчи, такъ и Минъ-ши, весьма легко придти къ заключенію, что столкновение Даянь-хана съ Исама-тайши есть ничто иное, какъ борьба западной половины монголовъ съ восточною. Изъ монгольскихъ лѣтописей узнаемъ, что побѣда осталась на сторонѣ хана¹⁾. Это превосходство западныхъ монголовъ надъ восточными легко объясняется тѣмъ, что послѣдніе находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ Китая, и, кочуя у самыхъ границъ его, успѣли нѣсколько деморализоваться и утратить свою природную отвагу. Разслабленію восточныхъ монголовъ способствовали также несомнѣнно значительный успѣхъ ихъ послѣднихъ нападений на китайскую границу. Упоенные своими побѣдами и нагруженные богатой добычей, они перестали думать о военныхъ подвигахъ. Историкъ Минъ-ши ни слова не говоритъ о борьбѣ между западными и восточными монголами, но за то даетъ намъ возможность опредѣлить хотя-бы приблизительно время ея окончанія. Изъ Минъ-ши мы узнаемъ, что И-сы-ма-инь (т. е. Исама-тайши), который, по свѣдѣніямъ Сананъ-сэцэна, палъ сражаясь противъ Даянь-хана²⁾, былъ убитъ до вступленія на престолъ императора Хунъ-чжи (弘治), т. е. до 1488 года.

Въ У-бянь-дянь-дзэ еще точнѣе опредѣляется годъ окончанія борьбы между Сяо-ванъ-цзы (Даянь-ханомъ) и И-сы-ма-инь-емъ; — случилось это въ 1483 году³⁾.

1) См. Schmidt, op. cit, стр. 182.

2) Ibid.

3) У. Б. Д. Ц., 1 цз., 69 л.

Со смертью И-сы-ма-инь-я, вѣроятно, окончилась междоусобная война, а потому къ этому именно времени слѣдуетъ, по моему мнѣнію, приурочить объединеніе Монголіи подъ властью Даянь-хана. Между тѣмъ, свѣдѣнія, сообщаемыя Сананъ-сэцэномъ и Алтанъ-тобчи, даютъ поводъ заключать, что важное событіе это слѣдуетъ относить къ эпохѣ гораздо позднѣйшей, такъ какъ о походѣ Даянь-хана противъ Исама-тайши упоминается у монгольскихъ лѣтописцевъ лишь послѣ перечисленія всѣхъ родившихся у хана сыновей.

Глава IX.

Царствованіе императора Хунъ-чжи (弘治) (1488—1506 гг.) и событія на сѣверо-западной границѣ Китая за время 1470—1506 гг.

Справившись со своими внутренними врагами, побѣдоносная часть монголовъ успѣшила начать правильныя сношенія съ китайскимъ дворомъ. Подъ первымъ годомъ правленія Хунъ-чжи (1488 г.) Минъ-ши отмѣчаетъ фактъ прибытія посольства отъ монголовъ съ данью и грамотою, въ которой монгольскій владыка титуловалъ себя Великимъ Юань-скимъ Хаганомъ. Хотя ранѣе того китайское правительство и не имѣло обыкновенія разрѣшать монголамъ такое злоупотребленіе громко звучащими титулами, однако, на этотъ разъ, въ Пекинѣ посмотрѣли на это снисходительно и дали разрѣшеніе представлять дань¹⁾. Между тѣмъ, сами пограничные начальники обратили вниманіе на то, что докладъ написанный на монгольскомъ языкѣ, былъ составленъ въ грубой формѣ²⁾. Это обстоятельство невольно наводитъ на мысль, что непосредственно предшествовавшія тому нападения кочевни-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 14 л.

2) У. Б. Д. Ц., 5 цз., 36 л.

ковъ на пограничныя области показались китайцамъ довольно тяжелыми и заставили пекинское правительство предпочесть худой миръ доброй ссорѣ. Съ тѣхъ поръ, говоритъ Минъ-ши, Сяо-ванъ-цзы вмѣстѣ съ Бо-янь-мэнь-кэ-ван'омъ (въ этомъ мѣстѣ встрѣчается послѣднее упоминаніе о Бо-янь-мэнь-кэ) неоднократно являлись съ данью¹⁾. Эти дружественныя отношенія не мѣшали, однако, монголамъ, при случаѣ, производить мелкіе набѣги на китайскія пограничныя области. Такъ въ 1488 году они одновременно напали на округъ Шань-дань (пров. Гань-су), и на проходъ Ду-ши-коу. Въ обоихъ случаяхъ нападенія эти были успѣшны²⁾. Кромѣ этихъ мелкихъ грабительскихъ набѣговъ, монголы пользовались своимъ правомъ періодически являться ко двору въ Пекинъ еще и для того, чтобы приемотрѣться къ новымъ мѣстамъ въ Хэ-тао, которыя они облюбовали уже давно, но вынуждены были покинуть на нѣкоторое время.

Восточный отдѣлъ монголовъ также проявлялъ въ это время недюжинную дѣятельность. Нѣсколько оправившись отъ разгромовъ И-сы-ма-ин'я и На-хай'я, урянхайцы производили частыя нападенія на Кай-юань и Гу-бэй-коу (古北). Пограничныя чиновники не рѣшались выступить открыто противъ этихъ грабительскихъ шаекъ, предпочитая дѣйствовать хитростью. Они коварно заманили въ западню 300 человекъ урянхайцевъ, явившихся съ совершенно мирными торговыми цѣлями, и варварски умертвили ихъ. Раздраженные этимъ предательскимъ поступкомъ, урянхайцы обратились къ предводителю восточнаго отдѣла монголовъ То-ло-ган'ю, бывшему, какъ мы видѣли, сподвижникомъ И-сы-ма-ин'я въ его заговорѣ противъ Цзя-цзя-сы-лан'я. То-логанъ весьма обрадовался этому приглашенію и поспѣшилъ вступить за обиженныхъ. Онъ сталъ производить набѣги на Гуанъ-нинъ и Нинъ-юань (寧遠)³⁾. Этотъ союзъ съ урянхайцами, по-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 14 л.

2) М. Ш. Бэнь-цзи, 15 цз., 2 л.

3) М. Ш. отд. Дс-янь, 328 цз., 11 л.

видимому, очень усилилъ То-ло-ган'я и онъ, вѣроятно, сталъ держать себя независимо отъ Сяо-ванъ-цзы (Даянь-хана); заключаю я объ этомъ изъ того, что подъ 1495 годомъ Минъ-ши сообщаетъ о союзѣ, заключенномъ между Сяо-ванъ-цзы, т. е. Даянь-ханомъ, съ одной стороны, и Хо-шай'емъ (火篩), сыномъ То-логан'я, съ другой¹⁾. Разъ дѣло дошло до заключенія союзовъ, то, очевидно, о подчиненности То-логан'я Сяо-ванъ-цзы не можетъ быть и рѣчи. Объ этомъ Хо-шай'ѣ, имя котораго очень часто встрѣчается на страницахъ Минъ-ши, упоминается также и у монгольскихъ историковъ, какъ о зятѣ Маньдагуль-хана, женившася на его дочери Ишигэ²⁾. Союзъ былъ, очевидно, заключенъ съ наступательными цѣлями. Усилившись помощью такого добровольнаго соглашенія, кочевники начали дѣлать вторженія вдоль всей сѣверной границы Китая. Въ томъ же 1495 году въ Минъ-ши упоминается о нападеніяхъ, сдѣланныхъ одновременно на Ляо-дунъ³⁾ и въ Гань-су⁴⁾. Въ слѣдующемъ 1496 году были совершенно разгромлены области Да-тунъ, Сюань-хуа и Янь-суй. Всѣ эти набѣги производились кочевниками совершенно безнаказанно. По крайней мѣрѣ, Минъ-ши не упоминаетъ, чтобы китайцы организовали сколько-нибудь серьезную оборону. Въ 1498 году завѣдующимъ всѣми пограничными дѣлами былъ назначенъ генералъ Ванъ-юэ, съ именемъ котораго намъ приходилось уже не разъ встрѣчаться. Онъ организовалъ небольшой, легко вооруженный, отборный отрядъ и, раздѣливъ его на три части, зашелъ кочевникамъ въ тылъ и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе въ мѣстности, лежащей къ сѣверу отъ горъ Хэ-лань-шань⁵⁾. Насколько, однако, должно было быть дѣйствительнымъ это пораженіе, о которомъ авторъ Минъ-ши считаетъ необходимымъ повѣствовать

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 14 л.

2) Schmidt, op. cit., стр. 176.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 14 л.

4) М. Ш. Бэнь-цзи, 15 цз., 6 л.

5) Горы Хэ-лань-шань, по картѣ Цзю-бянь-юй-ту, лежали къ западу отъ города Нинъ-ся.

съ большими подробностями, можно заключить изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ тѣмъ-же китайскимъ источникомъ, который говоритъ, что во время этой знаменательной побѣды китайцамъ удалось положить на мѣстѣ 43 монголовъ (!). Этимъ доблестнымъ подвигомъ и кончилась карьера Ванъ-юэ; — въ томъ-же 1498 году, зямяо, онъ умеръ въ городѣ Гань-чжоу¹⁾. Побѣды, одержанныя имъ, выходящія столь громкими на бумагѣ, не могли, конечно, внушить должный страхъ кочевникамъ. Вторженія ихъ въ китайскіе предѣлы продолжались все съ тою-же непрерывностью и настойчивостью. Они произвели значительные грабежи и опустошенія въ Да-туи²⁾ и Нянъ-ся, причемъ смѣнилось много китайскихъ военачальниковъ, перечислять коихъ я считаю излишнимъ; всѣ они показали себя совершенно неспособными къ дѣлу обороны границы. Наконецъ въ 1500 году во главѣ китайскихъ войскъ были поставлены Бао-го-гунъ (保國公) (чин. зв. Чжу-хуй (朱揮), Шиланъ Ши-линъ (史琳) и евиухъ Мяо-куй (苗達)³⁾. Дѣятельность этого триумвирата въ дѣлѣ борьбы съ монголами была поистинѣ замѣчательною по отрицательности своихъ результатовъ. Приобрѣсти славу великаго полководца Чжу-хуйю, вѣроятно, помогло слѣдующее обстоятельство. Когда его назначили главнокомандующимъ на мѣсто столькихъ неудачныхъ предпріятій, то, не успѣвъ онъ доѣхать до театра военныхъ дѣйствій, какъ пришла вѣсть объ удаленіи враговъ³⁾. Этотъ случай заставилъ китайцевъ подумать, что монголы отступили, когда до нихъ дошелъ лишь слухъ о назначеніи новаго главнокомандующаго. Между тѣмъ, кочевники стали прибѣгать къ новой тактикѣ: не довольствуясь одними набѣгами, они начали понемногу укрѣплять за собою цѣлыя области. Прежде всего, взоры ихъ обратились на Хэ-тао, гдѣ передовые отряды монголовъ уже неоднократно появлялись со второй половины пятнадцатаго столѣтія. Въ 1500 году Сяо-ванъ-цзы поселяется въ Хэ-тао. Выбѣтъ съ этимъ дви-

1) М. Ш. биогр. Ванъ-юэ, 171 цз., 22 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 14 л.

3) М. Ш. биогр. Чжу-хуй'я.

женіемъ на сѣверо-западной границѣ кочевники сдѣлали такой-же шагъ и на востокъ; въ количествѣ 8 тысячъ человекъ они осѣли въ мѣстности Ляо-дунъ, откуда и производили многочисленныя набѣги на окрестныя мѣстности, между прочимъ, на Гань-шэнь-пу¹⁾, гдѣ совершили страшныя опустошенія. Это движеніе монголовъ съ цѣлью обосноваться прочно на самой границѣ Китая не замедлило произвести должное впечатлѣніе на пекинскій дворъ. Немедленно по полученіи извѣстія объ этихъ двухъ захватахъ одинъ изъ столичныхъ чиновниковъ, Ши-ланъ Ванъ-ао (王熬), представилъ императору докладъ, ярко обрисовывавшій отчаянное положеніе китайскихъ пограничныхъ дѣлъ того времени²⁾. «Имперія», говорится въ этомъ докладѣ, «не можетъ быть спокойна ни утромъ, ни вечеромъ. Пограничные чиновники сидятъ по городамъ, ожидая прихода враговъ, и нѣтъ никого, кто бы осмѣлился открыто сразиться съ ними, это даже непонятно. Въ настоящее время Хо-шай и Сяо-ванъ-цзы не такъ страшны, какъ любимцы царскіе, которые производятъ путаницу въ дѣлахъ государственныхъ, не дѣлая никакой разницы между заслугами и преступленіями. Нѣтъ полномочныхъ полководцевъ, никто не слушаетъ повелѣній царскихъ. Въ пограничныхъ мѣстностяхъ нѣтъ защитниковъ. Такого положенія дѣлъ должно опасаться болѣе всего. Вслѣдствіе чрезмѣрной снисходительности столичныхъ властей, пограничные чиновники совершенно излѣнились и храбрость войскъ съ каждымъ днемъ уменьшается. Въ виду этого, прошу Ваше Величество, сообразно съ обстоятельствами и по возможности часто созывать старыхъ сановниковъ и совѣщаться съ ними о пограничныхъ дѣлахъ. При этомъ слѣдуетъ разбирать, кто храбръ и кто трусъ. Преступленія необходимо непременно наказывать, а заслуги награждать. Должно назначить главнокомандующаго съ самыми широкими полномочіями и раздѣлять

1) По картѣ Цзю-бянь-юй-ту крѣпость эта лежала къ юго-западу отъ Кай-юан'я.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 14 л.

таковыя нельзя. Слѣдуетъ щедро награждать семьи лицъ, павшихъ въ сраженіяхъ. Въ войска должно набирать солдатъ изъ пограничнаго населенія и притомъ изъ храбрѣйшихъ людей. Слѣдуетъ пускать въ ходъ шпионовъ и употреблять агентовъ для поселенія раздора между отдѣльными племенами монголовъ. Войска должно направлять разными путями, устраивать засады и внезапныя нападенія. Только при этихъ условіяхъ непріятель не осмѣлится вторгаться глубоко въ предѣлы государства¹⁾».

Докладъ этотъ былъ одобренъ императоромъ, но практическаго примѣненія ему не дали. Судить объ этомъ мы можемъ изъ того, что никакихъ важныхъ распоряженій относительно пограничныхъ дѣлъ не послѣдовало, и все оставлено было по старому.

Проникнувшій въ Хэ-тао Сяо-ванъ-цзы сдѣлалъ изъ этой плодородной мѣстности базу для своихъ нападеній на китайскіе предѣлы. Въ 1501 году онъ совершилъ опустошительный набѣгъ на Нинъ-ся. Тамъ его встрѣтилъ Чжу-хуй съ Ши-ли'омъ и Мяо-куй'емъ. Когда китайцы приблизились къ Нинъ-ся, то монголы, успѣвшіе тѣмъ временемъ досыта награть, поспѣшили удалиться нагруженные добычей²⁾. Гонясь за военной славою, Чжу-хуй рѣшилъ, однако, сдѣлать нападеніе на самое гнѣздо кочевниковъ въ Хэ-тао. Прослышавъ объ этомъ движеніи, монголы стали отступать весьма быстро, и китайскій историкъ съ горестью сообщаетъ, что за всю эту компанію было убито всего трое кочевниковъ³⁾. Объ этомъ походѣ на Хэ-тао и о быстромъ отступленіи монголовъ мы находимъ извѣстіе и въ Алтанъ-тобчи (стр. 95 монг. текста). Отступленіе это было, конечно, притворнымъ. Весьма скоро кочевники вернулись обратно и произвели нападенія на Пинъ-лянъ и Цинъ-янъ. Все пограничное населеніе было въ ужасѣ; военачальники заперлись въ городахъ; самъ главнокомандующій Чжу-хуй оказался не храбрѣе своихъ сподвижниковъ, и не торопился идти на выручку опустошаемыхъ мѣст-

1) М. Ш. біогр. Ванъ-ао, 181 цз., 21 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 14 л.

3) М. Ш. біогр. Чжу-хуй'я.

ностей. Впрочемъ, онъ имѣлъ маленькую стычку съ монголами, и въ ней убито было всего 12 человекъ непріятелей, причѣмъ этого было, конечно, достаточно для составленія напыщенной реляціи о блестящей побѣдѣ. По этому поводу историкъ Минъ-ши, не сдерживая своего негодованія, откровенно порицаетъ поведеніе Чжу-хуй'я и ярко обрисовываетъ всю тяжесть поборовъ, которые были налагаемы на народъ, а также описываетъ страданія населенія отъ страшнаго буйства плохо дисциплинированныхъ солдатъ. «Все это», восклицаетъ китайскій историкъ, «было сдѣлано для того, чтобы убить пятнадцать человекъ непріятелей! Не смотря на представленія столичныхъ чиновниковъ о необходимости строго отнестись къ поведенію Чжу-хуй'я и его сподвижниковъ, императоръ продолжалъ вѣрить симъ послѣднимъ, и на представленія ихъ о блестящихъ побѣдахъ надъ врагами отвѣчалъ щедрыми наградами. Не менѣе 210 офицеровъ получило при этомъ повышеніе, а самому Чжу-хуй'ю, при возвращеніи его въ столицу, была устроена торжественная встрѣча¹⁾. Несомнѣнно, что при такомъ отношеніи къ дѣлу китайское правительство не могло рассчитывать на удачу въ отраженіи монгольскихъ набѣговъ. Характеристичною чертою нападеній кочевниковъ того времени является ихъ строгая систематичность, съ которою намъ не приходилось встрѣчаться раньше. Ихъ нельзя уже считать случайными разбойничьими набѣгами, а скорѣе строго рассчитанными и правильно организованными военными предпріятіями. Именно такой правильнѣйшій характеръ является отличительной чертой нападенія, совершеннаго монголами въ 1502 году. — Изъ Ляо-дун'а они вторглись въ Цинъ-хэ-пу (清河堡)²⁾ и достигли Ми-юн'я; оттуда прошли черезъ сѣверную часть Чжи-ли и Шань-си и разграбили Пянь-тоу-гуань (偏頭關)³⁾. Осенью того же года кочевники вознамѣрились повторить нападеніе и

1) М. Ш. біогр. Чжу-хуй'я.

2) Цинъ-хэ-пу лежало въ пр. Чжи-ли, обл. Гуанъ-пинъ-фу. Л. Д. Д. Л. Ч.

3) По картѣ Ц. Б. Ю. Т. укрѣпленіе Пянь-тоу-гуань находилось къ юго-зап. отъ Гуй-хуа-чэн'а.

вторглись снова въ Ляо-дунъ съ 5.000 конницы, но, на этотъ разъ, набѣгъ ихъ окончился неудачно; — цзунъ-бин'у Лю-сян'у (劉祥) удалось отразить непріятеля¹⁾. Слѣдующій годъ былъ сравнительно спокойнымъ, и въ Минъ-ши нѣтъ упоминанія о какихъ-либо значительныхъ набѣгахъ со стороны монголовъ.

Столь рѣзкіе переходы отъ воинственности къ почти полному миролюбію свидѣтельствуютъ, по моему мнѣнію, о существованіи среди монголовъ двухъ партій, находившихся въ прямой оппозиціи другъ къ другу. Одна изъ нихъ стояла за войну, другая за миръ. Если придерживаться мнѣнію китайцевъ по этому предмету, то надо думать, что сторонниками мирныхъ сношеній были князья монгольскіе; за войну-же стояли ихъ подданные, которые получали свою долю награбленной добычи и не видѣли для себя никакой пользы отъ подарковъ, жалуемыхъ пекинскимъ дворомъ ихъ предводителямъ²⁾. Въ 1503 г. и началъ 1504 г. партія мира успѣла, повидимому, одержать верхъ. — Было даже отправлено къ китайскому двору посольство съ просьбою о разрѣшеніи являться съ данью. Позволеніе было дано, но оказалось напраснымъ, такъ какъ ко времени полученія его, народная партія уже успѣла взять перевѣсъ, и снова предпринять былъ походъ, во время коего разграблена была область Да-тунъ³⁾. Въ 1505 г., весною, кочевники совершили набѣгъ на провинцію Гань-су, захватили Хуа-ма-чи, разграбили цѣлый рядъ пограничныхъ поселеній и широкимъ потокомъ разлились по всей окрестной странѣ⁴⁾. Всѣ попытки китайскихъ военачальниковъ остановить непріятеля окончились полною неудачею. Монголы распространили свои нападены на востокъ до Сюань-хуа-фу⁵⁾. Во время такого критическаго положенія дѣлъ, умеръ императоръ Сяо-цзунъ (孝宗) (Хунъ-чжи) и вступилъ на престолъ сынъ его У-цзунъ (武宗).

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 13—14 л.

2) У. Б. Д. Ц. 8 цз., 46 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 15 л.

4) М. Ш. Бэнь-цзи, 12 цз., 12 л.

5) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 15 л.

Въ VII-ой главѣ я закончилъ рассказъ о событіяхъ на сѣверо-западной границѣ Китая упоминаніемъ объ усиленіи Турфана. Въ 1469 году вступилъ въ управленіе этимъ княжествомъ А-ли (阿力). Онъ первый началъ величать себя султаномъ и въ обращеніяхъ своихъ къ китайскому двору выказывалъ крайнюю требовательность и дерзость. Посланцы его прямо заявляли пекинскимъ чиновникамъ, что собственно имъ желательно было-бы получить въ даръ, причемъ просили такихъ предметовъ, которые являются въ Китаѣ атрибутами императорскаго достоинства, а именно — кречетовъ, шитыхъ драконами платьевъ и т. п. Уже одного предъявленія такихъ требованій было достаточно для того, чтобы поссорить турфанскаго владѣльца съ пекинскимъ дворомъ и поселить въ послѣднемъ подозрѣніе относительно благонадежности дружбы этого княжества. Между тѣмъ, близорукая политика Сына Неба способствовала развитію честолюбивыхъ замысловъ А-ли. Мы уже видѣли¹⁾, что къ началу 70-хъ годовъ XV-го столѣтія всѣ сосѣднія съ Турфаномъ небольшія княжества были въ такомъ беспомощномъ положеніи, что не могли, конечно, оказывать своему сосѣду сколько нибудь серьезное сопротивленіе. Задавшись честолюбивыми цѣлями, А-ли долженъ былъ естественно обратить прежде всего вниманіе на Хами. Тамъ, по смерти Бата-му-эрр'а, княжеское достоинство наследовалъ сынъ его Хань-шэнь, который, какъ мы видѣли выше, былъ утвержденъ китайцами въ этомъ званіи лишь условно, безъ разрѣшенія ему занимать дѣлами правленія. Естественнымъ послѣдствіемъ этого распоряженія явилась неурядица, которою и воспользоваться А-ли. Онъ началъ на Хами, гдѣ не встрѣтилъ почти никакого сопротивленія, и захватилъ бывшую регентшу Ну-вэнь-да-ши-ли, а также княжескую золотую печать²⁾. Одолѣвъ Хами, А-ли немедленно-же сталъ помышлять о подчиненіи другихъ мелкихъ сосѣднихъ княжествъ. Онъ отправилъ, между прочимъ,

1) См. выше стр. 98.

2) М. Ш. отд. Ту-лу-фань, 329 цз., 21 л.

посланца къ одному изъ Чи-цзинь'скихъ правителей, Кунь-цзан'у, (昆藏), гдѣ встрѣтилъ, однако, неожиданный отпоръ. Кунь-цзанъ не только не поддался на приглашеніе А-ли, но даже убилъ его посланца и представилъ въ Пекинъ письмо турфанскаго владѣльца. Императоръ остался, конечно, чрезвычайно доволенъ этимъ проявленіемъ вѣрности и счелъ своимъ долгомъ выразить Чи-цзинь'скому владѣльцу свое удовольствіе, причемъ убѣждалъ его прямо перейти въ наступленіе и начать противъ Турфана враждебныя дѣйствія. На это Кунь-цзанъ, однако, не согласился и выразилъ лишь готовность присоединиться къ китайской экспедиціи, когда таковая будетъ снаряжена¹⁾. Вскорѣ пограничному начальнику Ли-вэн'ю (李文) было поручено ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Думая, что вліяніе и престижъ Сына Неба еще достаточно велики здѣсь, Ли-вэнъ отправилъ изъ Су-чжоу чиновника Ма-цзюнь'я (馬俊) съ порученіемъ убѣдить А-ли возвратитъ все незаконно захваченное имъ. Взявъ съ собою составленный въ этомъ дидактическомъ духѣ императорскій указъ, Ма-цзюнь отправился въ Хами. Тамъ онъ уже не засталъ А-ли; — послѣдній вернулся въ Турфанъ, оставивъ охранителемъ Хами своего зятя Я-лан'я (牙蘭) съ большимъ гарнизономъ. Я-ланъ встрѣтилъ китайскаго посланца далеко недружелюбно и продержалъ его взаперти мѣсяцъ слишкомъ. Худшей участи Ма-цзюнь избѣгъ лишь благодаря внезапно распространившейся вѣсти о приближеніи 30.000-го китайскаго корпуса. Услышавъ объ этомъ, А-ли поспѣшилъ въ Хами, выпустилъ китайскаго посланца изъ тюрьмы, угостилъ его и разрѣшилъ повидаться съ матерью хана. Послѣдняя въ присутствіи турфанскаго князя не осмѣлилась, конечно, ничего сказать, но затѣмъ ночью нашла случай снестись съ Ма-цзюнь'емъ, причемъ умоляла его передать императору о необходимости сдѣлать рѣшительный шагъ для освобожденія Хами. Мольба энергичной ханши возымѣла, повидимому, должное дѣйствіе на китайское правительство. — Ли-вэн'ю

1) М. Ш. отд. Чи-цзинь, 330 цз., 21 л.

было предписано организовать походъ противъ турфанцевъ, вступивъ предварительно въ соглашеніе съ Чи-цзинь'цами, Хань-дун'цами и уцѣлѣвшими отъ погрома Хамійцами. Набравъ не безъ труда такую смѣшанную армію, китайцы начали въ концѣ 1474 года движеніе на Турфанъ, но, дойдя до мѣстности Бу-лунь-цзи-эррѣ-чуань (卜隆吉兒川), остановились. Здѣсь было получено извѣстіе, что А-ли, нисколько не страшась дѣлаемыхъ противъ него приготовленій, самъ собираетъ войско и намѣренъ, между прочимъ, сдѣлать нападеніе на земли Хань-дун'цевъ и Чи-цзинь'цевъ. Вѣсть эта не замедлила произвести панику въ сбродномъ отрядѣ, и солдаты, принадлежавшіе къ двумъ этимъ племенамъ, поспѣшили возвратиться во свояси для защиты своихъ домовъ. Оставшееся-же войско было недостаточно сильно, чтобы противустоять врагамъ, и китайскій военачальникъ рѣшилъ возвратиться въ пограничныя укрѣпленія Су-чжоу и Ку-юй. Въ послѣднемъ имѣлъ свое временное мѣстопробываніе хамійскій владѣлецъ Хань-шэнъ¹⁾. Такъ печально окончилась эта демонстрація китайцевъ противъ возраставшаго не по днямъ, а по часамъ могущества Турфана. Послѣ того, пекинское правительство ограничивалось лишь пассивною дѣятельностью по отношенію къ этому беспокойному сосѣду, оказывая подъ рукою поддержку притѣсняемымъ имъ небольшимъ княжествамъ. Такъ матеріальная поддержка была оказана главарю племени Мъ-кэ-ли (乜克力), То-то-бу-хуа (脫脫卜花), Хань-дун'скому начальнику Чи-бу (聘卜), а также изгнанному хамійскому владѣльцу Хань-шэн'ю, который, хотя и пострадалъ болѣе другихъ, однако, не терялъ бодрости и продолжалъ надѣяться на возвращеніе своего княжества²⁾. Видя, что въ Пекинѣ отказались, повидимому, отъ мысли серьезно противиться ему, А-ли продолжалъ свои сношенія съ императоромъ, отправляя въ столицу его по прежнему посольства, но уже не стѣсняясь при этомъ, конечно, ни временемъ посылки таковыхъ,

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 6 л.

2) У. Б. Д. Ц. 13 цз., 38 л.

ни количествомъ отправляемыхъ посланцевъ. Въ Пекинѣ турфанцевъ принимали очень милостиво, не задавали имъ лишнихъ вопросовъ и удовлетворяли, по возможности, всѣмъ ихъ требованіямъ, которыя росли пропорціонально уступчивости китайцевъ. Историкъ Минь-ши съ негодованіемъ сообщаетъ при этомъ, что, наконецъ, дошло до того, что турфанцы потребовали себѣ въ даръ слоновъ, но имъ на это отвѣтили, что слоны составляютъ принадлежность императорскаго кортежа и могутъ быть приносимы въ даръ Сыну Неба, но раздавать ихъ послѣдній никакъ не можетъ. Не удовольствовавшись такимъ категорическимъ отказомъ, турфанскіе посланцы продолжали настаивать на своихъ требованіяхъ, причемъ нашли возможнымъ даже поставить на видъ китайскому правительству, что ему слѣдовало-бы стараться жить въ мирѣ съ султаномъ турфанскимъ, который усилился настолько, что могъ захватить Хами и 10,000 ойратовъ¹⁾. Изъ этого отрывка рѣчи турфанскаго посланца мы узнаемъ, что и значительное число ойратовъ подпало подъ власть этого вновь усилившагося княжества. То были, несомнѣнно, тѣ изъ ойратовъ, которые находились въ союзѣ съ хамйцами и, вмѣстѣ съ ними, являлись съ данью въ Пекинъ. О сношеніяхъ, происходившихъ въ это время между ойратами и хамйцами, мы узнаемъ, между прочимъ, изъ донесенія цзунь-бин'а Цзянь-юан'я (蔣琬). Этотъ пограничный начальникъ сообщаетъ въ 1469 году своему правительству, что ойратскій главарь Бай-и-са-ха (拜亦撒哈) явился съ 400 вооруженными людьми въ Хами, и сталъ уговаривать мѣстныхъ жителей избрать изъ своей среды посольство для представленія дани²⁾. Эта дружба хамйцевъ съ ойратами не могла очевидно нравиться турфанскому султану, который, покоривъ Хами, постарался подчинить себѣ и нѣкоторыя изъ ойратскихъ племенъ. Хотя турфанскіе посланцы и позволяли себѣ въ сношеніяхъ съ пекинскимъ дворомъ такой высокомерный тонъ,

1) М. Ш. отд. Ту-лу-фань, 329 цз., 21 л.

2) У. Б. Д. Ц. 129 цз., 9 л.

однако, А-ли не считалъ себя еще достаточно сильнымъ для того, чтобы выступить открытымъ противникомъ китайцевъ, полагая не безъ основанія, что поддерживать, при такихъ обстоятельствахъ, дружественныя отношенія выгодноѣ и желательнѣе полнаго разрыва. Руководствуясь этими соображеніями, турфанскій князь продолжалъ отправлять въ столицу Богдохана своихъ посланцевъ и не отказывался отъ подачекъ китайцевъ. Такое неопредѣленное положеніе дѣлъ тянулось довольно долго, но, наконецъ, это надоѣло китайцамъ, и они рѣшили обставить болѣе правильно свои отношенія къ Турфану. Случай для этого не замедлил представиться, а именно: А-ли обратился къ пекинскому правительству съ просьбою признать его султаномъ. Условіями такого признанія императоръ поставилъ освобожденіе хамйской ханши-регентши и возвращеніе золотой ханской печати. Въ 1476 году въ Пекинъ пришло извѣстіе, что ханша Ну-вэнь-даши-ли скончалась въ плѣну, а А-ли не выказываетъ желанія возвращать золотую печать. Въ виду этого императоръ приказалъ прекратить на будущее время пріемъ турфанскихъ посланцевъ. Между тѣмъ, въ 1478 году А-ли умеръ и наследовалъ ему сынъ его А-хѣй-ма, который не замедлил послать въ Пекинъ увѣдомленіе о своемъ вступленіи въ управленіе¹⁾.

Хамйскій князь Хань-шэнь, повидимому, не даромъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ отведенномъ ему китайцами пріютѣ, Ку-юй'ѣ. Здѣсь подъ крылышкомъ и непосредственною защитою Китая, онъ успѣлъ окрѣпнуть и даже сталъ питать смѣлые замыслы о возвращеніи своего княжества. Онъ успѣлъ условиться съ Хань-дун'цами и Чи-цзинь'цами, собралъ около 12.000 войска и произвелъ неожиданное ночное нападеніе на Хами²⁾. Въ осуществленіи этого смѣлаго предпріятія ему помогли также Гань-су'скіе пограничные начальники³⁾. Я-лань, сидѣвшій тамъ турфанскимъ намѣстникомъ, не выдержалъ этого внезапнаго нападенія и бѣ-

1) М. Ш. отд. Ту-лу-фань, 329 цз., 21 л.

2) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 7 л.

3) У. Б. Д. Ц. 13 цз., 42 л.

жалъ. Пользуясь происшедшимъ смятеніемъ, Хань-шэнъ захватилъ и еще 8 городовъ, занявъ такимъ образомъ всѣ принадлежавшія ему прежде земли. Пограничный губернаторъ Вань-чаоюань (王朝遠) не замедлилъ сдѣлать представленіе объ этомъ въ Пекинъ, гдѣ, конечно, чрезвычайно обрадовались такому обороту дѣла и поспѣшили пожаловать Хань-шэн'ю награду. Губернаторъ желалъ, между тѣмъ, воспользоваться успѣхомъ хамійцевъ, дабы водворить прочный порядокъ въ пограничныхъ областяхъ. Съ этою цѣлью, онъ предложилъ пекинскому правительству взять на себя роль посредника между Турфаномъ и Хами, воспользоваться неудачею турфанцевъ и побудить ихъ возвратить Хань-шэн'ю захваченную имъ ханскую золотую печать. вмѣстѣ съ тѣмъ, губернаторъ просилъ о возведеніи Хань-шэн'я въ ханское достоинство, дабы онъ могъ, такимъ образомъ, сдѣлаться полновластнымъ и вполне законнымъ владѣльцемъ своего удѣла. Къ просьбѣ губернатора присоединили свое ходатайство и сами хамійцы, но какъ разъ когда слѣдовало дѣйствовать быстро и энергично, въ Пекинѣ почему-то медлили; ханское достоинство не сочли возможнымъ даровать Хань-шэн'ю, а ограничились лишь пожалованіемъ ему ничтожнаго денежнаго подарка въ размѣрѣ 100 ланъ и 10 шелковыхъ одеждъ¹⁾. Всѣ эти событія имѣли мѣсто въ 1482 году, и такое неопредѣленное положеніе продолжалось до 1488 года. Наконецъ, чрезъ шесть лѣтъ только, китайцы надумались и возвели Хань-шэн'я въ званіе Чжунь-шунь-ван'а, узаконивъ, такимъ образомъ, его власть въ княжествѣ. Но было уже слишкомъ поздно. Турфанцы окончательно оправившись отъ пораженія, нанесеннаго имъ хамійскимъ княземъ; наследникъ А-ли, А-хѣй-ма (阿黑麻), успѣлъ утвердиться во власти, и взоры его снова обратились на Хами. При этомъ онъ дѣйствовалъ, повидимому, въ союзѣ съ ойратами. Мы имѣемъ извѣстіе, что Хань-шэнъ въ 1487 году донесъ пограничному начальнику Чжоу-юй'ю (周玉), что ойратскій главарь Янь-хань

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 7 л.

(養罕) угрожаетъ ему во главѣ 7.000 отряда, расположеннаго въ мѣстности Ба-сы-ко (把思闊)(?) ; съ другой стороны, въ мѣстности Ча-хань-а-ла-тѣ-эррѣ (察罕阿刺帖兒)(?) собрались еще полчища ойратовъ подъ предводительствомъ Тайши А-шао (阿沙) съ подчиненными ему Ба-ту-са (把秃撒) и У-ма-шэ (兀麻捨)¹⁾. Не вполне надѣясь на силы свои въ открытой борьбѣ, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости. Собравъ небольшое войско, онъ явился подъ стѣны Хами и, подъ предлогомъ сватовства, выманилъ Хань-шэн'я изъ города и убилъ. Съ извѣстіемъ объ этомъ явился въ Пекинъ одинъ изъ хамійскихъ главарей, А-му-лань (阿木郎)²⁾.

Китайское правительство и въ этомъ случаѣ не рѣшилось лично принять какое либо участіе въ этомъ дѣлѣ и предпочло, оставаясь въ сторонѣ, дѣйствовать лишь своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Находившемуся въ то время въ Гань-чжоу турфанскому посланцу было приказано вернуться во свояси и передать князю повелѣніе императора, чтобы захваченныя области были возвращены. А-хѣй-ма отлично зналъ, однако, цѣну китайскимъ угрозамъ, и относился къ нимъ довольно равнодушно. Турфанцы вскорѣ снова появились съ данью, и у пекинскаго правительства не хватило достаточно послѣдовательности и настойчивости, чтобы придерживаться по отношенію къ этимъ заносчивымъ сосѣдямъ сколько-нибудь твердаго и достойнаго образа дѣйствій. Какъ-бы то ни было, китайцы всетаки рѣшились на полумѣру, и, по предложенію чиновниковъ, завѣдующихъ перемональными дѣлами, турфанскимъ посланцамъ были уменьшены нѣсколько награды и ихъ даже задержали не на долго въ столицѣ³⁾. Такая, повидимому, невинная репрессалія со стороны пекинскаго двора, возымѣла, однако, свое дѣйствіе и заставила турфанцевъ, какъ увидимъ ниже, значительно спустить тонъ.

1) У. Б. Д. Ц. 14 цз., 12 л.

2) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 7 л.

3) М. Ш. отд. Ту-лу-фань, 329 цз., 12 л.

Этому способствовало, впрочем, главнымъ образомъ, движеніе, начавшееся въ Хами и имѣвшее неблагоприятный для турфана оборотъ. Несмотря на постоянныя и жестокія неудачи, понесенныя хамійцами, въ нихъ продолжало жить стремленіе къ самостоятельности. Мы уже видѣли, что въ Хами постоянно появлялись энергичныя личности, дѣйствовавшія умѣло и удачно. Выше я упоминалъ объ А-му-лан'ѣ, бѣжавшемъ въ Пекинъ съ извѣстіемъ о гибели Хань-шэн'я. Пока онъ поддерживалъ дѣло своихъ соотечественниковъ въ китайской столицѣ, соплеменники его на мѣстѣ тоже не сидѣли сложа руки. Не далѣе какъ въ 1489 году нѣкто Чжо-бу-ду поднялъ знамя возстанія противъ ненавистнаго ига турфанцевъ. Собравъ горсть храбрецовъ онъ двинулся на Хами, разбилъ Я-лан'я, который былъ снова поставленъ здѣсь турфанскимъ намѣстникомъ, убилъ его младшаго брата и нѣсколько передавшихся турфанцамъ хамійскихъ главарей и возвратилъ многихъ плѣнныхъ и угнанный скотъ. Узнавъ объ этомъ, пекинское правительство роздало побѣдителямъ чиновныя званья и пожаловало имъ награды. Болѣе существенной поддержки оказано не было, и хамійцы были опять-таки предоставлены собственнымъ силамъ. Дѣятельнымъ лицомъ во время этого возстанія явился также А-му-лань. Узнавъ объ успѣхѣ Чжо-бу-ду, онъ поспѣшилъ изъ Пекина на границу. Здѣсь онъ узналъ, что весь гарнизонъ, оставленный въ Хами турфанцами, состоитъ лишь изъ 60 человекъ и что, слѣдовательно, съ нимъ не трудно справиться. Ему удалось уговорить пограничныхъ чиновниковъ сдѣлать распоряженіе, чтобы Чи-цзинь'цы и Хань-дун'цы оказали ему помощь, и, при ихъ содѣйствіи, ночью напалъ на Хами. Атака его увѣнчалась успѣхомъ: Я-лань былъ разбитъ и городъ захваченъ. Какъ разъ въ это время произошла вышепомянутая задержка турфанскихъ посланцевъ въ Пекинѣ. Успѣхъ хамійцевъ заставилъ А-хѣй-ма сдѣлаться болѣе уступчивымъ и покорнымъ въ своихъ сношеніяхъ съ Сыномъ Неба. Тотчасъ-же онъ снарядилъ въ Пекинъ новое посольство, которое представило, между прочимъ, въ дань львовъ. Подарокъ этотъ такъ попра-

вился императору, что онъ готовъ былъ за него простить турфанцамъ все ихъ прежнія провинности. Къ счастью, однако, этотъ великодушный порывъ былъ во время остановленъ ближайшими совѣтниками Сына Неба, которые поставили на видъ своему повелителю необходимость обращаться съ меньшею предупредительностью съ инородческими посланцами вообще, а съ заносчивыми турфанцами въ особенности. Въ виду постоянныхъ успѣховъ хамійцевъ, которые, понемногу отбивали у турфанцевъ все свои города, послѣдніе продолжали заискивать у Китая. Въ 1491 году А-хѣй-ма снова прислалъ въ даръ императору львовъ и предложилъ возвратить золотую хамійскую печать, а также все захваченные ранѣе одиннадцать городовъ ихъ¹⁾. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что, къ тому времени, когда предложеніе это было сдѣлано, города эти находились фактически въ рукахъ хамійцевъ. На этотъ разъ пекинское правительство постаралось, по возможности, быстро уладить хамійское дѣло. Главнымъ дѣятельнымъ лицомъ въ столицѣ явился при этомъ нѣкто Ма-вэнъ-шэнъ (馬文升). Интересна та рѣчь, которую онъ держалъ въ совѣтѣ государственныхъ чиновъ, при обсужденіи этого вопроса: «Въ Хами», говорилъ онъ, «съиздавна живутъ совмѣстно самые разнородные элементы; здѣсь есть мусульмане, уйгуры, въ горахъ къ сѣверу отъ Хами живутъ еще Сяо-лѣ-ту (小列秃) и Мѣ-кэ-ли. Все эти народности постоянно притѣсняють другъ друга и никто изъ нихъ не имѣетъ достаточно силы, чтобы окончательно одержать верхъ надъ другими. *Одни монголы пользуются въ этихъ мѣстахъ несомненнымъ авторитетомъ, и безъ ихъ помощи добиться тамъ порядка невозможно.* Вотъ почему нужно избрать какого-нибудь потомка монгольскихъ хановъ, котораго и слѣдуетъ поставить управителемъ Хами. Самымъ подходящимъ кандидатомъ для этого мѣста слѣдуетъ признать ввучатнаго племянника покойнаго Чжунъ-и-ван'а То-то, по имени Шань-ба (陝巴)²⁾».

1) М. III. отд. Ха-ми, 329 из., 8 л.

2) Ibid.

Интересъ этой рѣчи заключается въ категорическомъ утверженіи Ма-вэнь-шэн'а, что монголы пользовались въ Притяньшаньнѣ большимъ авторитетомъ. Не вдаваясь въ дальнія разсужденія о цѣлесообразности предлагаемаго Ма-вэнь-шэн'омъ образа дѣйствій, императоръ одобрилъ его планъ, тѣмъ болѣе, что и сами заинтересованныя въ дѣлѣ выбора князя хамійцы просили, чтобы ханомъ имъ былъ назначенъ именно Шань-ба, а никто другой. Въ 1492 году это и было исполнено. Шань-ба былъ возведенъ въ званіе Чжунъ-шунъ-ван'а, и императоръ пожаловалъ ему шапку, форменное платье, а также орудія для укрѣпленія города. Ближайшими помощниками новаго князя явились А-му-лань и Янь-кэ-бо-ла (奄克字刺), коимъ также пожалованы были чиновныя званья. Оказалось, однако, что китайцы слишкомъ поздно взялись за умъ и позволили анархіи пустить въ Хами слишкомъ глубокіе корни. Различныя племена, составлявшія населеніе оазиса, рассчитывали, повидимому, поживиться отъ своего новаго владѣльца и стали требовать отъ Шань-ба подарковъ и милостей для своихъ главарей. Шань-ба не имѣлъ, конечно, возможности удовлетворить всѣхъ, и они стали питать къ своему новому князю далеко не дружелюбныя чувства. Весьма естественно поэтому, что, вмѣсто того, чтобы заботиться объ утвержденіи порядка, Шань-ба долженъ былъ снисходительно относиться къ грабительскимъ наклонностямъ своихъ новыхъ подданныхъ. Въ томъ-же 1492 году одинъ изъ главныхъ его помощниковъ А-му-лань, съ шайкою Мѣ-кэ-ли-сцевъ, напалъ на турфанскіе табуны и угналъ отъ нихъ изрядное количество лошадей и коровъ. Вражда между двумя княжествами возгорѣлась немедленно съ новою силою. По той быстротѣ, съ которою турфанцы появились подъ стѣнами Хами, можно думать, что они только ожидали предлога, для того, чтобы начать военныя дѣйствія. Весною 1493 года А-хѣй-ма ночью напалъ на Хами и взялъ городъ, убивъ слишкомъ сотню его защитниковъ; половина хамійскаго населенія покорилась, а остальные бѣжали. Шань-ба съ А-му-ланемъ укрѣпились въ мѣстечкѣ Да-ту-ла (大土刺) и засѣли тамъ по-

видимому, довольно прочно, такъ какъ А-хѣй-ма въ теченіи трехъ дней не могъ захватить занятую ими позицію. А-му-лань даже успѣлъ призвать на помощь войско Мѣ-кэ-ли-сцевъ и ойратовъ, но ихъ вспомогательные отряды были отбиты турфанцами. Наконецъ, укрѣпленіе Да-ту-ла было взято и Шань-ба захваченъ въ плѣнъ. Власть Турфана была снова восстановлена въ полной силѣ въ хамійской области и Я-лань былъ опять назначенъ дѣйствующимъ намѣстникомъ. Немедленно-же полетѣли донесенія въ Пекинъ, причемъ наиболѣе энергичные изъ пограничныхъ чиновниковъ предлагали принять рѣшительныя мѣры противъ Турфана, — набрать значительное войско и разбить Я-лан'я, а затѣмъ начать движеніе и противъ самаго А-хѣй-ма. Менѣе рѣшительные предлагали ограничиться однимъ лишь нравственнымъ давленіемъ на турфанцевъ и заставить ихъ выдать плѣннаго хамійскаго князя. Какъ и нужно было предполагать, пекинское правительство предпочло дѣйствовать согласно послѣднему, болѣе безопасному плану. Послѣдовало распоряженіе о задержаніи пришедшихъ изъ турфана посланцевъ съ данью, причемъ приказано было отпустить изъ нихъ лишь нѣсколько человекъ, которые должны были возвратиться во свояси и объявить о повелѣніи императора. Для выясненія всего этого дѣла, со стороны китайцевъ, были командированы Ши-лань военного министерства Чжанъ-хай (張海) и еще нѣкто Хоу-цянъ (侯謙). Оба эти чиновника не имѣли, повидимому, никакого понятія о пограничныхъ дѣлахъ и не рѣшились ни въ чемъ преступить букву своихъ инструкцій. Прибывъ въ Гань-чжоу, они распорядились лишь отправкою обратно въ Турфанъ нѣкоторыхъ изъ пришедшихъ въ этотъ пограничный городъ посланцевъ А-хѣй-ма. Въ слѣдующемъ 1494 году турфанскій князь снова прислалъ людей съ данью; они подошли къ пограничному сторожевому посту, увѣряли, что повелитель ихъ намѣренъ освободить плѣннаго хамійскаго князя и просили объ отпускѣ задержанныхъ ранѣе посланцевъ. По полученіи объ этомъ донесенія отъ Чжанъ-хай'я, въ Пекинѣ собранъ былъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было придерживаться въ турфано-хамій-

скомъ вопросѣ прежней выжидательной и пассивной политики. Отказываясь отъ прямаго участія въ этомъ дѣлѣ, пекинское правительство не прочь было, однако, загребать жаръ чужими руками, и пограничнымъ чиновникамъ было предписано подговаривать Чи-цзинь-скихъ монголовъ и Хань-дун-цевъ, собрать войско, напасть на Хами и постараться убить тамошняго турфанскаго вѣстника Я-лап'я. Въ тоже время рѣшено было запереть проходъ Цзя-юй-гуань и укрѣпить городъ Ку-юй, гдѣ, между прочимъ, предположено было поселить разношерстное инородческое населеніе, жившее, до тѣхъ поръ, въ разныхъ округахъ Гань-чжоу и Лань-чжоу. Для прочнаго насажденія здѣсь колонизаціи, проектировалось даже выдать этимъ будущимъ поселенцамъ скотъ и полевья орудія. Что-же касается до вновь поставленнаго хамійскаго князя Шань-ба, то въ Пекинѣ не затруднились отступить отъ него. Было послано предписаніе лишить его только что дарованнаго ему ханскаго титула и поселить его въ Гань-чжоу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и вся система подчиненія разнородныхъ хамійскихъ племенъ одному главѣ признана была несостоятельною. Вмѣсто того, предполагалось вѣрить управленіе Хами Янь-кэ-бо-ла совместно съ мусульманскимъ начальникомъ Сѣ-и-ху-сян'емъ (寫亦虎仙) и Ха-ла-хуй'скимъ (哈刺灰) главаремъ Бай-дѣ-ли-ми-ши (拜迭力迷失). Узнавъ изъ составленнаго именно въ такомъ духѣ предписанія, что въ Пекинѣ отказались отъ всякаго активнаго участія въ пограничныхъ дѣлахъ, Чжань-хай и Хоу-цянъ чрезвычайно обрадовались, закрыли Цзя-юй-гуань'скій проходъ, укрѣпили городъ Ку-юй, озаботились кое-какъ основаніемъ въ окрестностяхъ его колоній инородцевъ и поспѣшили пуститься въ обратный путь. Въ Пекинѣ они прибыли осенью 1495 года. Здѣсь на нихъ обрушились всѣ столичные цензоры, обвиняя ихъ въ бездѣятельности, лѣности, глупости и прося о примѣрномъ ихъ наказаніи; Чжань-хай'я и Хоу-цян'я лишили чиновнаго званья¹⁾.

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 9 л.

Въ это время выступилъ съ новымъ предложеніемъ Ма-вэнь-шэнь, который, какъ мы видѣли выше, уже игралъ ранѣе видную роль при обсужденіи хамійскаго вопроса. Не довольствуясь безцѣльнымъ столичнымъ разглагольствованіемъ, онъ вошелъ въ сношенія съ однимъ изъ пограничныхъ чиновниковъ, по имени Янь-чжу (楊翥), прося его высказать свое мнѣніе по этому вопросу. Знакомый съ мѣстными условіями Янь-чжу заявилъ, что нападеніе на Хами не представляетъ особенныхъ затрудненій тѣмъ болѣе, что существуетъ хорошо знакомая ему дорога чрезъ Хань-дунъ, по которой до Хами можно добраться не болѣе какъ въ 10 дней. Успѣхъ въ этомъ случаѣ представлялся несомнѣннымъ, такъ какъ движеніе въ этомъ направленіи можно было предпринять безъ вѣдома непріятели. Составленъ былъ планъ, условились въ подробностяхъ и посланы были инструкціи пограничному губернатору Сюй-цзин'ю (許進). Благодаря нѣкоторому промедленію, случившемуся при отдачѣ распоряженій помянутымъ губернаторомъ, планъ прохода окольною дорогою не удался, и турфанцы, прослышавъ заблаговременно о приближеніи китайскаго войска, успѣли бѣжать. Цѣль похода была, во всякомъ случаѣ, достигнута, и Хами взяты¹⁾. Этотъ смѣлый шагъ китайцевъ несомнѣнно произвелъ должное впечатлѣніе на турфанскаго князя А-хѣй-ма, но держать въ Хами постоянный гарнизонъ китайцы не могли и не хотѣли, а, съ удаленіемъ ихъ, снова начались нападенія турфанцевъ. Скоро жизнь въ злополучномъ оазисѣ стала совершенно невыносимою, и населеніе его массами приходило въ пограничный городъ Су-чжоу съ просьбою о помощи. Правительство распорядилось выдавать этимъ несчастнымъ скотъ и сѣмена. Заселивъ этими пришлецами изъ Хами окрестности Су-чжоу, китайцы приложили также старанія къ колонизаціи округовъ Гуа-чжоу (瓜) и Ша-чжоу (沙) и съ этою цѣлью они пытались привлечь туда всѣ полукочевья племена, населявшія въ то время страну, лежащую къ западу отъ провинціи

1) М. Ш. отд. Хань-хунъ, 330 цз., 27 л.

Гань-су. Сдѣлано это было, какъ говоритъ самъ историкъ Минь-ши, съ цѣлью образовать прочный базисъ, съ котораго можно было-бы впослѣдствіи, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, начать рѣшительныя дѣйствія для возвращенія Хами. Между тѣмъ, городъ этотъ продолжалъ оставаться безъ князя, и дѣлами заправлялъ уже давно знакомый намъ Ань-кэ-бо-ла. Въ 1497 году его товарищъ по управленію, Сѣ-и-ху-сянь, съ толпою спутниковъ явился для представленія дани въ Пекинъ, гдѣ ихъ отдарили очень щедро, а именно 5.000 кусками шелковыхъ матерій. Въмѣсто того, чтобы возвратиться во свояси, посольство это затянуло свой отъѣздъ и продолжало пребывать въ столицѣ, гдѣ учиняло не мало безобразій. На это, наконецъ, обратило вниманіе министерство церемоній, и назойливые посланцы были съ позоромъ изгнаны¹⁾. Между тѣмъ на западной границѣ началось сильное движеніе противъ Турфана. Всѣ инородческія племена, населявшія мѣстности къ сѣверо-западу отъ провинціи Гань-су, явно стали выказывать неудовольствіе на А-хѣй-ма, благодаря враждебнымъ дѣйствіямъ коего китайское правительство распорядилось закрыть Цзя-юй-гуань'скій проходъ, лишивъ, такимъ образомъ, всѣхъ инородцевъ возможности являться съ данью въ Пекинъ и пользоваться щедрыми отдариваніями китайцевъ. Прежде и больше всѣхъ другихъ ощутилъ неудобство такого положенія дѣлъ самъ А-хѣй-ма и, предпочитая дурной миръ доброй ссорѣ, онъ выразилъ готовность возвратитъ плѣннаго Шань-ба и другихъ захваченныхъ имъ хамійцевъ, прося о восстановленіи прежнихъ дружественныхъ отношеній²⁾. При этомъ произошелъ интересный инцидентъ, ярко характеризующій отношенія пекинскаго двора къ инородческимъ племенамъ, съ которыми онъ имѣлъ сношенія. Просьба А-хѣй-ма о возобновленіи дружеской пересылки посольствъ не была сразу уважена въ Пекинѣ, такъ какъ грамота, присланная турфанскимъ владѣльцемъ,

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 10 л.

2) М. Ш. отд. Ту-лу-фань, 329 цз., 23 л.

была написана лишь по китайски, безъ приложенія туземнаго текста, что, по заведенному обычаю, считалось обязательнымъ, такъ какъ, вѣроятно, безъ соблюденія этого условія, возникали многія недоразумѣнія и злоупотребленія, а именно — не рѣдко являлись самозванцы, выдававшія себя за посланцевъ; — они изготовляли себѣ грамоты при помощи китайскихъ писарей, забирали императорскіе подарки и удалялись во-свояси. При первыхъ императорахъ мин'ской династіи частый приходъ иностранныхъ посольствъ съ данью льстилъ китайскому самолюбію, давая возможность придворнымъ историкамъ заносить въ свои лѣтописи лишній разъ о случаѣ выраженія преданности со стороны отдаленныхъ и мало извѣстныхъ вассаловъ, но впослѣдствіи китайцы стали разборчивѣе и начали предъявлять къ являвшимся въ столицу многочисленнымъ посольствамъ различныя требованія въ родѣ, на примѣръ, представленія подлинныхъ грамотъ, написанныхъ на ихъ родномъ языкѣ. Намъ извѣстно, однако, что и эти правила часто обходились, и приходившіе въ Пекинъ разнообразныя болѣе или менѣе сомнительнаго свойства посольства всетаки нерѣдко прибѣгали къ уловкамъ, отыскивая искусныхъ писарей, которые за приличное вознагражденіе брались составлять грамоты на какомъ угодно языкѣ. Образецъ такой грамоты, написанной по монгольски, съ приложеніемъ китайскаго перевода, мнѣ пришлось имѣть въ рукахъ. Составитель ея имѣлъ, очевидно, весьма поверхностное понятіе о монгольскомъ языкѣ, и вся она является почти сплошною транскрипціею китайскихъ іероглифовъ монгольскими буквами.

Съ возвращеннымъ изъ плѣна Шань-ба китайцы, должно быть, сами не знали хорошенько что дѣлать и рѣшили поселить его пока въ Гань-чжоу, рассчитывая, что онъ съумѣетъ склонить на свою сторону всѣхъ хамійскихъ главарей и, только при этомъ условіи, намѣревались дозволить ему принять активное участіе въ тамошнихъ дѣлахъ. Такой выжидательной политикѣ китайское правительство измѣнило только благодаря настоянію вновь назначеннаго главвозвѣдующимъ тремя сѣверо-западными

пограничными областями, Вань-юэ (王越), который настоялъ на томъ, что оставлять Хами и бывшего владѣльца этого княжества безъ вниманія рѣшительно невозможно. Въ докладѣ, представленномъ имъ по этому предмету, Вань-юэ высказывалъ мнѣніе, что Шань-ба долженъ быть возстановленъ въ его прежнее княжескомъ званіи и что, кромѣ того, ему слѣдуетъ помочь материально, а именно снабдить деньгами, необходимыми для исправленія городскихъ стѣнъ, а также для постройки домовъ. Помимо того, онъ находилъ нужнымъ заручиться дружбою сосѣднихъ съ Хами племенъ, а именно — Чи-дзинь'скихъ монголовъ, Хань-дун'цевъ, Сяо-лѣ-ту, Мѣ-кэ-ли и прочихъ. Императоръ одобрилъ планъ, изложенный въ донесеніяхъ Вань-юэ; мысль его была приведена въ исполненіе, и для Хами настала небольшой періодъ снокоиствія, которое продолжалось, однако, не долго. Скоро въ княжествѣ снова начались внутренніе нелады. Янь-кэ-бо-ла, который, какъ мы видѣли выше, пользовался въ отсутствіи князя полною самостоятельностью, не могъ, конечно, быть доволенъ возвращеніемъ Шань-ба и вмѣлъ съ нимъ постоянныя пререканія. Всѣ старанья пограничныхъ чиновниковъ, пытавшихся разыгрывать въ этомъ дѣлѣ роль посредниковъ, оказались тщетными. Примиренія устроить не удалось, и Янь-кэ-бо-ла съ Сѣ-и-ху-сян'емъ должны были удалиться въ Су-чжоу. Между тѣмъ, оставшись, по удаленіи соперниковъ, хозяиномъ Хами, Шань-ба не замедлилъ выказать свою полную неспособность къ дѣламъ правленія. Онъ любилъ вино и обращался крайне заносчиво съ подчиненными, такъ что вскорѣ отъ него отвратились почти всѣ. Между прочимъ, одинъ изъ подвѣдомственныхъ ему главарей, А-бо-ла (阿孛剌), вошелъ въ сношенія съ турфанскимъ княземъ и привезъ въ Хами молодого сына А-хѣй-ма Чжэнь-Тэмура (眞), котораго надѣялся, при поддержкѣ со стороны своихъ единомышленниковъ, объявить княземъ. Шань-ба испугался и вмѣстѣ съ семействомъ бѣжалъ въ пограничный городъ Ку-юй. Въ виду такого критическаго положенія дѣлъ, пограничные чиновники порѣшили прибѣгнуть къ помощи Ань-кэ-бо-ла и Сѣ-и-ху-сян'я, которымъ и

приказано было возвратиться и помогать князю въ дѣлахъ правленія. А-бо-ла, не желая подчиняться такому порядку вещей, порѣшилъ со своими приспѣшниками умертвить Ань-кэ-бо-ла и Сѣ-и-ху-сян'я. Послѣдніе, однако, предупредили заговорщиковъ, пригласили ихъ какъ-бы для совѣщанья и всѣхъ перерѣзали. Такимъ образомъ, власть, Шань-ба была возстановлена; Чжэнь-Тэмуръ долженъ былъ вернуться обратно въ Турфанъ. Между тѣмъ, отецъ его А-хѣй-ма умеръ. Узнавъ объ его кончинѣ, а также о звѣрствахъ чинимыхъ сыномъ покойнаго, Мань-су-эрр'омъ (滿速兒), который, овладѣвъ престоломъ, пытался истребить свою родню, Чжэнь-Тэмуръ возвратился опять въ Хами и остался у Ань-кэ-бо-ла, котораго онъ называлъ своимъ дѣдомъ по матери (Ань-кэ-бо-ла былъ младшимъ братомъ Хань-шэн'я, дочь котораго была матерью Чжэнь-Тэмура). По распоряженію китайскихъ пограничныхъ властей, Чжэнь-Тэмуръ былъ, впрочемъ, вскорѣ переведенъ на поселеніе въ Гань-чжоу. Въ 1505 году зимою Шань-ба умеръ; ему наследовалъ сынъ его Бай-я-цзи (拜牙卽), которому пекинское правительство даровало титулъ Чжунъ-шунь-ван'а; самъ онъ величалъ себя султаномъ. Это былъ послѣдній самостоятельный владѣтель Хами. — Вліяніе Китая падало здѣсь съ каждымъ годомъ и, наконецъ, въ 1513 году оазисъ этотъ былъ окончательно покоренъ Турфаномъ¹⁾.

Глава X.

Царствованіе императора Чжэнь-дэ (正德) (1506—1522 гг.)

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, при какихъ критическихъ обстоятельствахъ заключилось царствованіе императора Хунъ-чжи. Вся сѣверная граница отъ Гань-су до ближайшихъ окре-

1) М. Ш. отд. Ха-ми, 329 цз., 11—11 лл.

ствостей Пекина подвергалась упорнымъ и непрерывнымъ нападениемъ монголовъ подъ предводительствомъ Сяо-ванъ-цзы. Попытки китайскихъ полководцевъ отражать эти набѣги были безуспѣшны; нападенія кочевниковъ продолжались и зимою 1505 г., причемъ сосредоточивались, главнымъ образомъ, на западѣ, на провинціи Гань-су, гдѣ взято было укрѣпленіе Чжэнь-и-со (鎮夷所)¹⁾ и разграблены уѣзды Лунъ-дэ (隆德), Цзинь-нинь (靜寧), Хуй-нинь (會寧) и другія мѣстности. Въ началѣ 1506 года вновь вступившій на престолъ императоръ Чжэнь-дэ назначилъ главнозавѣдующимъ дѣлами на границѣ Янь-и-цинъ'а (楊一清)²⁾.

Онъ успѣлъ уже ранѣе заявить себя въ качествѣ искуснаго администратора, занимая должность губернатора провинціи Шэнь-си, а именно—ему удалось урегулировать существовавшую тамъ еще съ конца XIV вѣка оживленную торговлю чаемъ, который доставлялся въ Шэнь-си изъ провинціи Сы-чуань и сбывался охотно покупавшимъ его кочевникамъ. Всѣ выгоды, приобретаемыя отъ этой торговли частными лицами, онъ привлекъ къ казнѣ, причемъ монголы платили за чай лошадьми, въ которыхъ сильно нуждалась китайская армія. Немедленно по назначеніи своемъ на важный пограничный постъ, Янь-и-цинъ представилъ императору обширный докладъ, въ которомъ предлагалъ, между прочимъ, заняться сооруженіемъ цѣлаго ряда солидныхъ укрѣпленій для обороны сѣверо-западной границы имперіи, причемъ ставилъ на видъ предпочтительность такой мѣры предъ необходимостью постоянно содержать на границѣ большое войско, которому, кстати сказать, никогда не удавалось угоняться за летучими отрядами монголовъ. Императоръ сочувственно отнесся къ этому проекту, были даже отпущены значительныя суммы на приведеніе въ исполненіе предложенныхъ имъ мѣръ, но все это

1) Чжэнь-и-со находилось въ пров. Гань-су въ 100 ли къ с.-з. отъ нынѣшняго города Гао-тай-сянь (高臺). Л. Д. Д. Л. Ч.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 15 л.

окончилось ничѣмъ, такъ какъ Янь-и-цинъ не ладилъ съ однимъ изъ стоявшихъ тогда у кормила правленія евнуховъ. Последній сталъ интриговать противъ него, и вновь назначенный главнокомандующій долженъ былъ очень скоро оставить свой постъ, ничего не исполнивъ¹⁾. Положеніе дѣлъ на границѣ продолжало оставаться крайне неутѣшительнымъ, и въ 1507 году монголы производили опустошительные набѣги, какъ на границѣ провинціи Гань-су, такъ и на востокѣ, гдѣ они нападали на мѣстность Динь-ляо (定遼)²⁾; всѣ начальники гарнизоновъ въ этой области были лишены чиновъ и отправлены на допросъ въ Пекинъ. Наконецъ, цзунъ-бинъ-у Ма-анъ-у (馬昂) удалось нанести поражение у горы Му-гуа (木瓜) (?) монголамъ, находившимся подъ начальствомъ И-бу-ла (亦卜剌). Этотъ успѣхъ китайскаго оружія слѣдуетъ объяснять усобицами, начавшимися среди кочевниковъ. Минъ-ши сообщаетъ, что въ это время среди предводителей сѣверныхъ монгольскихъ племенъ произошли раздоры, причемъ И-бу-ла, не поладивъ съ Сяо-ванъ-цзы, бѣжалъ въ Си-хай (西海) (Кукэ-норъ)³⁾. Затѣмъ онъ заключилъ союзъ съ племенемъ А-эррѣ-ту-сы (阿爾禿斯) и, вмѣстѣ съ нимъ, покорилъ «Фан'ей» (инородцевъ)⁴⁾, жившихъ въ тѣхъ мѣстахъ, а также производилъ частыя набѣги на китайскіе предѣлы. Губернаторъ Чжанъ-и (張翼) не могъ противустоять имъ, и всѣ пограничные жители жестоко страдали отъ ихъ нападений⁵⁾. Свѣдѣнія эти во всѣхъ отношеніяхъ совпадаютъ съ рассказомъ Саланъ-сэпэна⁶⁾. И-бу-ла китайскаго историка есть несомнѣнно Ибири-тайши мон-

1) М. Ш. біогр. Янь-и-цинъ'а, 198 цз., 1—4 л.

2) Динь-ляо лежало въ нынѣшней Мукденской провинціи въ округѣ Ляоянь-чжоу. Л. Д. Д. Л. Ч.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 15 л.

4) Впрочемъ въ Л. Д. Д. Л. Ч. находимъ прямое указаніе, что существовала особая мѣстность, именовавшаяся Си-хай, лежавшая въ предѣлахъ нынѣшней области Гань-чжоу-фу.

5) Подробности о нихъ смотри «страна Кукэ-норъ или Цинь-хай» В. М. Успенскаго, стр. 67—68.

6) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 15 л.

7) См. Schmidt, op. cit., стр. 184—186; Алтанъ-тобчи, стр. 101.

гольского летописца, а племя А-эрр-ту-сы—Ордось, къ которому, по монгольскому разсказу, принадлежалъ союзникъ Ибири-тайши, Маньдулай-агулху. Оба эти главара, недовольные назначеніемъ къ нимъ Даянъ-ханомъ намѣстника въ лицѣ одного изъ его сыновей Улусъ-болода, рѣшили возмутиться. Подъ благовиднымъ предлогомъ затѣяна была ссора, окончившаяся общей свалкой, во время коей Улусъ-болодъ былъ убитъ. Точной хронологіи этого періода не даютъ намъ ни монгольскіе, ни китайскіе источники; во всякомъ случаѣ, изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Минъ-ши, можно заключить, что событія эти происходили между 1507 и 1512 гг. Не смотря на видимый успѣхъ, которымъ сопровождалось возмущеніе Ибири и Маньдулая и на смерть ненавистнаго имъ намѣстника Улусъ-болода, непокорные главари должны были отдѣлаться отъ своихъ соплеменниковъ и бѣжали на юго-западъ къ Кукэ-нору, гдѣ представлялось больше простора ихъ предприимчивости и удали. Здѣсь они дѣйствительно дали себѣ полную волю и навели ужасъ на туземныя поселенія (Си-фан'ей). В. М. Успенскій въ своемъ не разъ уже цитированномъ мною трудѣ «Кукэ-норъ» даетъ яркую картину бѣдствій, постигшихъ въ то время жителей этихъ странъ¹⁾. Не довольствуясь покореніемъ Си-фан'ей, монголы произвели въ 1513 году рядъ набѣговъ на пограничныя области провинціи Шанъ-си и Сы-чуань. Губернаторъ Чжанъ-и, чувствуя себя недостаточно сильнымъ для отраженія этихъ разбойническихъ набѣговъ, предпочелъ откупиться и послалъ монголамъ богатые дары, состоявшіе изъ золота и шелковыхъ матерій. И-бу-ла удовлетворился этими подарками и, двинувшись со своими полчищами на западъ, вторгся въ Тибетъ. Вскорѣ, впрочемъ, онъ снова вернулся къ китайской границѣ и сталъ производить опустошительные грабежи въ мѣстностяхъ Тао (洮), Минь (岷) и Сунъ-пань (松潘)²⁾, жители ко-

1) См. страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай, стр. 101—102.

2) Всѣ эти мѣстности находятся въ южной части пров. Гань-су и въ сѣв.-западной части Сы-чуань.

ихъ не имѣли съ тѣхъ поръ ни одного спокойнаго года¹⁾. Благодаря чинимымъ ими неистовствамъ, эти племена монголовъ получили прозваніе Хай-коу (海寇) (морскіе разбойники); въ этомъ имени, очевидно, пропущено слово «си» «западный», т. е. монголы эти должны были-бы именоваться Си-хай-коу, «Кукэ-норскіе разбойники». Сѣверо-восточная граница Китая также не оставалась въ это время спокойною отъ нападеній со стороны главныхъ монгольскихъ племенъ, находившихся подъ начальствомъ Сяо-ванъ-цзы. Нападенія послѣдняго были направлены на провинцію Шанъ-си; въ 1514 г. разгромлены были области, Да-тунъ, Шо-чжоу²⁾ и Нинъ-у³⁾. По повелѣнію императора, главнокомандующимъ былъ назначенъ Чоу-юэ (仇鉞), дѣятельность коего не была успѣшнѣе его предшественниковъ; онъ сразился съ монголами у Ванъ-цюанъ-вэй (萬全衛), причемъ непріятеля было убито лишь три человека, что не помѣшало ему донести о блестящей побѣдѣ. Успѣшность операций противъ китайской границы очевидно ободрила кочевниковъ, и въ слѣдующемъ 1515 году Сяо-ванъ-цзы прибѣгъ къ совершенно новой системѣ нападенія, до тѣхъ поръ еще не практиковавшейся монголами: а именно вдоль границы областей Сюань-хуа и Да-тунъ были выстроены въ рядъ нѣсколько десятковъ укрѣпленныхъ лагерей, откуда кочевники производили набѣги на пограничныя мѣстности. Кромѣ того, былъ образованъ еще летучій отрядъ въ количествѣ 15 тысячъ коннаго войска, специально назначенный для нападенія на Сюань-хуа-фу. При столь критическихъ обстоятельствахъ пекинское правительство не нашло ничего лучшаго, какъ назначить главнымъ руководителемъ обороны евнуха Чжанъ-юн'а (張永) коему въ качествѣ помощниковъ были назначены военные люди Бо-юй (白玉) и другіе. Подъ руководствомъ евнуха положеніе

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 15 л.

2) Ibid.

3) М. Ш. Бэнь-цзи, 16 цз., 8 л.

4) Ванъ-цюанъ-вэй — нынѣшній Калганъ (Чжанъ-цзя-коу). Л. Д. Д. Л.

дѣлъ не могло, конечно, улучшиться, и непріятель все ближе и ближе подходилъ къ Пекину, окружая столицу со всѣхъ сторонъ какъ бы желѣзнымъ кольцомъ. Черезъ Хуай-ань (懷安) монголы понемногу проникли въ Вэй-чжоу (尉) и дошли до Пинь-ло-чэн'а¹⁾. Такое обходное движеніе непріятели произвело не малое смятеніе въ столицѣ, гдѣ приняты были строгія мѣры предосторожности. Съ другой стороны, и начальники арміи сочли возможнымъ прибѣгнуть къ героическимъ мѣрамъ для отраженія врага. Они распорядились приготовить большое количество отравленной пищи, которая и была поставлена на поляхъ яко-бы въ видѣ угощенія отъ земледѣльцевъ. Со свойственной имъ жадностью, монголы набросились на ѣду, а этимъ удобнымъ моментомъ воспользовались китайскія войска, предательски напавъ и истребивъ отравленныхъ ими непріятелей. Пораженіе это не прозвело, повидимому, сильнаго впечатлѣнія на монголовъ; — не далѣе какъ въ слѣдующемъ году, осенью, Сяо-ванъ-цзы напалъ на границу съ 70 тысячами конницы, раздѣленными на нѣсколько отрядовъ²⁾. На этотъ разъ, были разгромлены области, лежавшія къ востоку отъ столицы, а именно Цзи-чжоу и Бо-янь-коу³⁾. Высланные противъ кочевниковъ китайскіе военачальники терпѣли сильныя пораженія, и монголы широкимъ потокомъ разлились по всей сѣверной половинѣ провинціи Чжи-ли, причемъ въ одной области Сюань-фу было раззорено ими до 20 городовъ и крѣпостей. Въ 1517 году Сяо-ванъ-цзы снова сдѣлалъ нападеніе съ 50 тысячами конницы, вторгся изъ Юй-лин'я и осадилъ цзунь-бин'а Вавъ-сюн'я (王勳) въ Инъ-чжоу (應)⁴⁾. Не довѣряя своимъ полководцамъ, императоръ самъ пошелъ на помощь къ осажденнымъ и, остановившись въ Янь-хэ⁴⁾, руководилъ движе-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 16 л.

2) М. Ш. Бэнь-цзи, 16 цз., 8 л.; Бо-янь-коу лежало къ С.-З. отъ города Юнь-пин'а. См. карту Цзю-бянь-юй-ту.

3) Въ области Да-тунъ — см. карту Матусовскаго.

4) Янь-хэ находилось въ области Да-тунъ, въ уѣздѣ Янь-гао-сянь. Л. Д. Д. Л. Ч.

ніемъ войскъ. Произошло кровопролитное сраженіе, длившееся двое сутокъ. Монголы принуждены были отступить, и императоръ преслѣдовалъ ихъ до Пинь-лу и Шо-чжоу. «Съ тѣхъ поръ,» говоритъ историкъ Минъ-ши, «хотя и происходили вражескія нападенія на границу, но, во всякомъ случаѣ, непріятель не осмѣливался наступать съ большимъ войскомъ»¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ до самаго конца царствованія императора Чжэнъ-дэ, т. е. до 1522 г., мы встрѣчаемъ упоминаніе лишь о двухъ незначительныхъ набѣгахъ Сяо-ванъ-цзы на Да-тунъ-фу и Сюань-хуа-фу²⁾. Затѣмъ это, наступившее непосредственно послѣ блестящихъ побѣдъ Сяо-ванъ-цзы, вынудившихъ даже самаго Сына Неба лично двинуться противъ безпокойнаго сосѣда, является послѣдствіемъ внутреннихъ раздоровъ, начавшихся въ то время среди монголовъ. Подробности объ этихъ усобицахъ намъ сообщаютъ лѣтописи Сананъ-сэцэн'а и Алтанъ-тобчи. Преступленіе Ибири и Маньдулай, убившихъ назначеннаго Даянь-ханомъ въ качествѣ намѣстника Улусъ-болода, не могло оставаться ненаказаннымъ. Обѣ монгольскія лѣтописи упоминаютъ о походахъ Даянь-хана противъ непокорныхъ ему главарей. Сананъ-сэцэнъ рассказываетъ о двухъ такихъ походахъ: первый изъ нихъ былъ предпринятъ тотчасъ-же послѣ убіенія Улусъ-болода и окончился неудачно для хана. Въ мѣстности Онгону-субэ войско его встрѣчалось съ Багатуръ-нэгуресхейемъ племени Далатовъ, гнавшимъ передъ собою большое стадо быковъ и трубившимъ въ рогъ; шумъ этотъ навелъ такой панический страхъ на войско хана, что оно бѣжало въ беспорядкѣ. Второй походъ свой Даянь-ханъ предпринялъ съ большими предосторожностями, собравъ предварительно всѣ войска, которыми могъ располагать. Битва произошла на возвышенности Даланъ-теригунъ. Послѣ упорнаго сопротивленія, войско Ибири-тайшія и его товарища было разбито, и ханъ преслѣдовалъ ихъ до самаго Кукэ-нора³⁾. Въ Ал-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 16 л.

2) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 16 цз., 9—12 л.

3) Schmidt, op. cit., стр. 188—192.

тань-тобчи говорится лишь объ одномъ походѣ Даянь-хана противъ Ибарая (такъ именуется Ибири въ этомъ источникѣ) послѣ убіенія симъ послѣднимъ Улусь-болода¹⁾. Объ этой враждѣ между Даянь-ханомъ и отдѣлившимся отъ него Ибири историкъ Минъ-ши не даетъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Въ видѣ намека на это событіе онъ упоминаетъ лишь объ отдѣленіи отъ Сяо-вань-цзы въ 1515 году племеннаго начальника по имени Бу-эррѣ-хай, который бѣжалъ на Кукэ-норѣ (Си-хай), поселился тамъ и затѣмъ весьма часто производилъ набѣги на сѣверо-западные области Китая²⁾. Изъ этого факта можно вывести заключеніе, что откочевавшій нѣсколькими годами раньше въ Си-хай И-бу-ла (Ибири) успѣлъ къ тому времени окончательно утвердиться на своихъ новыхъ кочевьяхъ, и недовольные властью Сяо-вань-цзы (Даянь-хана) присоединялись къ нему, надѣясь найти на далекомъ Кукэ-норѣ полную свободу и самостоятельность. Какъ у Санань-сэцэн'а, такъ и въ Алтанъ-тобчи мы находимъ упоминаніе о двухъ Бурхаяхъ; одинъ Бурхай (у Сан. сэц. Бурахай) былъ своднымъ братомъ Даянь-хана отъ брака матери послѣдняго Шикэрѣ-тайго съ Исама-тайшіемъ, а второй — хорчинскій князь³⁾. В. М. Успенскій называетъ этого Бурхая старшиною Фань'скаго рода⁴⁾. Не знаю, на чемъ основано такое предположеніе, но мнѣ оно представляется несостоятельнымъ, такъ какъ въ Минъ-ши мы находимъ совершенно опредѣленное извѣстіе, что вѣрный союзникъ И-бу-ла, Бу-эррѣ-хай, отдѣлился отъ Сяо-вань-цзы. Въ Алтанъ-тобчи есть упоминаніе еще объ одномъ походѣ Даянь-хана, предпринятомъ приблизительно въ то же время противъ Бэгэрсунь-тайшія Оннигутскаго⁵⁾. Этого Бэгэрсуня я склоненъ отождествлять съ упоминаемымъ въ Минъ-ши Ба-эррѣ-сун'емъ (把兒孫), главаремъ монголовъ, вошед-

1) Алтанъ-тобчи, стр. 103—105 (Монг. текстъ).

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 17 л.

3) Schmidt, op. cit., стр. 178 и 190; Алтанъ-тобчи, стр. 98 и 103.

4) Op. cit., стр. 102.

5) Алтанъ-тобчи, стр. 98 (монг. текстъ).

шихъ въ составъ трехъ военныхъ поселеній, образованныхъ на сѣверо-восточной границѣ Китая. Еще въ 1505 году Сяо-вань-цзы хотѣлъ заключить прочный союзъ съ этими монголами и отправилъ къ До-янь'скому главарю А-эррѣ-ци-ман'ю (阿兒乞蠻) посланца съ предложеніемъ взять себѣ въ жены его дочь. Въ случаѣ несогласія онъ угрожалъ ему нападеніемъ. А-эррѣ-ци-манъ не согласился, однако, на это предложеніе, за что удостоился одобренія изъ Пекина¹⁾. Вообще въ это время урянхайцы (т. е. монголы, кочевавшіе на сѣверо-восточной границѣ Китая) дружили съ пекинскимъ правительствомъ, и многіе изъ ихъ главарей прибѣгали къ посредничеству китайцевъ даже при возникновеніи внутреннихъ неурядицъ. Такъ, въ 1507 году Ху-лу-ай'скій (忽魯愛) (Хорлосскій?) главарь, Гу-чу-на (苦出納), повздорилъ съ У-чжэ'скимъ (兀者) (У-чжу-му-цинь?) главаремъ Шань-гу (尙古) и убилъ его. Боясь мести со стороны его рода, Гу-чу-на прибѣгъ къ защитѣ китайцевъ²⁾. Въ Минъ-ши находимъ упоминаніе, что Сяо-вань-цзы неоднократно нападалъ на урянхайцевъ, которые каждый разъ обращались за защитой къ Китаю. Эти дружескія отношенія не мѣшала, однако, кочевникамъ, при случаѣ, нападать на своихъ покровителей. Въ 1515 году одинъ изъ урянхайскихъ главарей Ба-эррѣ-сунъ съ значительнымъ отрядомъ прошелъ черезъ Нянъ-юй-гуань (鮎魚關) и вторгся въ Ма-лань-гу (馬蘭谷)³⁾. Китайское войско потерпѣло при этомъ полнѣйшее пораженіе. Вскорѣ нападеніе было повторено и монголы отступили только послѣ упорной борьбы. Въ 1518 году императоръ самъ осматривалъ пограничныя крѣпости на сѣверо-восточной границѣ; по этому случаю разосланы были главарямъ сосѣднихъ монгольскихъ племенъ приглашенія явиться для угощенія въ ставку Сына Неба. Приглашеніе это осталось, однако, безъ всякаго отвѣта, а Ба-эррѣ-сунъ

1) У. Б. Д. Ц., 2 цз., 30 л.

2) Ibid., 31 л.

3) Обѣ эти мѣстности лежатъ къ сѣв. отъ Цзунь-хуа-чжоу. Карта Ц.Б.Ю.Т.

даже сдѣлалъ въ томъ-же году набѣгъ на пограничныя области, за что императоръ лишилъ его пожалованнаго ему ранѣе почетнаго званья. Вскорѣ послѣ того Ба-эрр-сунъ умеръ¹⁾.

Глава XI.

Царствованіе императора Цзя-цзин'а (嘉靖) (1522—1567 гг.).

Спокойствіе въ пограничныхъ областяхъ продолжалось не долго;—съ первыхъ же годовъ правленія императора Цзя-цзин'а снова начинается рядъ монгольскихъ набѣговъ. Подъ 1523 годомъ мы встрѣчаемъ извѣстіе о нападении, которое произвелъ на Да-тунъ Ань-да (答俺)²⁾. Въ этомъ мѣстѣ впервые упоминается въ Минъ-ши имя этого монгольскаго князя; это несомнѣнно Алтанъ-ханъ, второй сынъ Барса-болодь-сайнь-алака и внукъ Даянь-хана³⁾. Въ то-же время Сяо-ванъ-цзы дѣлалъ нападенія на ближайшія окрестности столицы, а именно на область Сюань-хуа. Набѣги его повторялись непрерывно до 1526 года. На сѣверо-западной границѣ также дѣйствовали въ то время безпокойные Хай-коу, причемъ Минъ-ши сообщаетъ, что И-бу-ла (Ибири) снова переселился въ болѣе восточныя страны и сталъ кочевать у горъ Хэ-лань-шань (недалеко отъ Нинъ-ся)⁴⁾. Союзникъ-же И-бу-ла, Бу-эрр-хай, производилъ опустошительные набѣги на провинцію Гань-су⁵⁾. Такъ продолжалось до 1532 года,

1) М. Ш. отд. До-ань, 328 цз., 12 л.

2) М. Ш. Бэнь-цзи, 17 цз., 3 л.

3) Schmidt, op. cit. стр. 204.

4) Это извѣстіе не сходится со свѣдѣніями, сообщаемыми В. М. Успенскимъ, см. Куэ-воръ, стр. 103. Впрочемъ, подтвержденіе приводимаго мною факта мы находимъ въ У-бянь-дянь-цзэ, гдѣ помѣщенъ докладъ Шэнь-си'скаго губернатора Фань-ан'я (范安), изъ котораго явствуетъ, что какъ разъ около этого времени, т. е. въ 1530 году, Сяо-ванъ-цзы сошелся съ И-бу-ла (op. cit., 17 цз., 35 л.); этимъ примиреніемъ и объясняется, конечно, перекочевка этого послѣдняго главара на востокъ.

5) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 16 л.

когда Сяо-ванъ-цзы отправилъ къ пекинскому двору посланца съ предложеніемъ завязать мирныя сношенія и выражая желаніе представлять дань. Китайское правительство не пожелало, однако, принять этихъ посланцевъ, и разгнѣванные этимъ отказомъ монголы со сто-тысячнымъ войскомъ вторглись въ предѣлы имперіи¹⁾. Время для большаго вторженія было какъ нельзя болѣе благопріятное, такъ какъ въ пограничныхъ областяхъ царилъ голодъ. Императоръ поручилъ завѣдываніе всѣми дѣлами обороны Танъ-лун'у (唐龍), которому предписано было также озаботиться продовольствованіемъ голодавшихъ пограничныхъ жителей. На всѣ расходы ему было дано 300 тысячъ ланъ серебра (около 600 тыс. рублей). Войску Танъ-лун'а пришлось столкнуться съ отрядами Цзя-нан'а (吉囊) и Ань-да, которые, переправившись на лодкахъ изъ бычачьихъ кожъ чрезъ Хуанъ-хэ, вторглись въ Хэ-тао и производили оттуда набѣги на китайскія области. Танъ-лун'у удавалось, однако, довольно успѣшно отражать ихъ²⁾. Объ этомъ-же походѣ упоминаетъ и Сананъ-сэпэнъ, который говоритъ объ экспедиціи, предпринятой въ 1532 году противъ китайцевъ Гунъ-биликъ-мэргэнь-чжинонгомъ (Цзи-нанъ Мин-ши) совмѣстно съ его младшимъ братомъ Алтанъ-хаганомъ³⁾. Ко времени этого похода, говоритъ Минъ-ши, Сяо-ванъ-цзы былъ весьма богатъ и силенъ, управляя многими десятками тысячъ войска и обладая огромнымъ количествомъ скота и другого имущества. Онъ сталъ воздерживаться отъ военныхъ дѣйствій и, отдѣлившись отъ многочисленныхъ племенъ, пребывавшихъ на сѣверо-западной границѣ, откочевалъ на востокъ, гдѣ и далъ своему народу названіе Ту-манъ (土蠻). Изъ другихъ же начальниковъ Цзи-нанъ и Ань-да относились къ Сяо-ванъ-цзы какъ племянники къ дядѣ. Они поселились въ Хэ-тао, были весьма сильны и воинственны и, помогая другъ другу, производили постоянныя смуты на гра-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 15 л.

2) М. Ш. біогр. Танъ-лун'а, 202 цз., 5 л.

3) Schmidt, op. cit., стр. 206.

ниц¹⁾. Свѣдѣнія китайскихъ источниковъ совершенно согласуются съ тѣмъ, что говоритъ Сананъ-сэцэнъ о Даянъ-ханѣ, послѣ того какъ онъ, покончивъ съ внутренними раздорами среди «великаго народа Шести Тумэнь», торжественно принялъ ханскій титулъ²⁾. Достоинъ замѣчанія то обстоятельство, что у Сананъ-сэцэна здѣсь впервые упоминается о «великомъ народѣ Шести Тумэнь» и въ тоже самое время это слово «ту-мань» попадаетъ и въ исторіи Минъ-ши. Все вниманіе китайскаго лѣтописца было отнынѣ устремлено на Хэ-тао, гдѣ кочевали сильные и воинственные Цзи-нанъ и Ань-да. Въ первое время Цзи-нанъ (т. е. Гунъ-билікъ-мэргэнь-чжинонгъ Сананъ-сэцэна), какъ старшій братъ, игралъ болѣе выдающуюся роль. Въ 12 годъ правленія Цзя-цзинъ'а (1533 г.), говоритъ историкъ Минъ-ши, Цзи-нанъ собралъ большое войско и, кочуя въ Хэ-тао, выказывалъ желаніе напасть на Янь-суй. Пограничные чиновники стали готовиться къ отраженію его, какъ вдругъ совершенно неожиданно монгольскій предводитель съ 50-ю тысячами войскъ переправился на западный берегъ Хуанъ-хэ, напалъ на соединенныя силы И-бу-ла и Бу-эррѣ-хай'я и разбилъ ихъ³⁾. Объ этой борьбѣ между ордосскими (Хэ-тао'скими) и кукэнорскими монголами монгольскіе историки не говорятъ намъ ни слова. Какъ Алтанъ-тобчи, такъ и лѣтописъ Сананъ-сэцэна, впрочемъ уже давно похоронили Ибиритайшія (кит. И-бу-ла); по свѣдѣніямъ перваго источника, съ нимъ покончилъ его же союзникъ Лэхуши-ахалаху Ордосскій⁴⁾. По Сананъ-сэцэну-же онъ погибъ отъ руки неизвѣстнаго убійцы въ Хами, куда бѣжалъ послѣ пораженія нанесеннаго ему Даянъ-ханомъ⁵⁾. Дѣло здѣсь, впрочемъ, не въ именахъ предводителей, а въ самомъ фактѣ столкновенія между двумя отдѣлами монголовъ. Вызвано оно было поведеніемъ Бу-эррѣ-хай'я, который черезъ посредство покоренныхъ имъ мѣстныхъ инородцевъ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 17 л.

2) Schmidt, op. cit., стр. 192.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 12 л.

4) Алтанъ-тобчи, стр. 106 (монг. текстъ).

5) Schmidt, op. cit., стр. 182.

(Фал'ей) завязалъ сношенія съ пекинскимъ дворомъ¹⁾. Это должно было естественно возбудить неудовольствіе и подозрѣніе ордосскихъ монголовъ. О пораженіи, понесенномъ Бу-эррѣ-хай'емъ одинъ изъ пограничныхъ начальниковъ, Танъ-лунъ, успѣшилъ донести въ Пекинъ и, выставляя на видъ полное ослабленіе его, просилъ императора не входить съ нимъ въ какіе либо переговоры²⁾. Борьба ордосскихъ монголовъ съ И-бу-ла и Бу-эррѣ-хай'емъ продолжалась, очевидно, очень недолго; не далѣе какъ осенью того-же 1533 года Цзи-нанъ со своими полчищами вторгся въ Сюань-фу, при чемъ разгромилъ крѣпости Сянь-шуй-пу³⁾ и Юнь-нинъ⁴⁾. Походъ этотъ окончился, однако, неудачно. — Китайцы выступили противъ кочевниковъ съ довольно значительными силами; по степному обычаю, монголы не рѣшились встрѣтиться съ непріателемъ въ открытомъ полѣ и успѣшили ретироваться, но во время этого бѣгства многіе изъ нихъ потонули въ Хуанъ-хэ⁵⁾. Эта неудача произвела, повидимому, нѣкоторое впечатлѣніе на монголовъ. По крайней мѣрѣ, въ слѣдующіе затѣмъ два года они не рѣшались дѣлать глубокія вторженія въ китайскіе предѣлы, ограничиваясь незначительными экскурсіями въ сосѣднюю съ Хэ-тао область Да-тунъ-фу. За то въ 1536 году Цзи-нанъ собралъ у горъ Хэ-ланъ-шань сто-тысячную армію и, раздѣливъ ее на нѣсколько отрядовъ, составилъ цѣлый планъ кампаніи на Китай. Одинъ изъ этихъ отрядовъ пошелъ на Лянь-чжоу и Чжуанъ-ланъ, но дѣйствовалъ неудачно; — китайцы успѣли отразить кочевниковъ. Нападенія произведены были одновременно на Нинъ-ся, Да-тунъ и Сюань-хуа⁶⁾. Въ борьбѣ съ ними особенно отличился Ши-ланъ Лю-тянь-хэ (劉天和), который прибѣгалъ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 17 л.

2) Ibid.

3) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 17 цз., 10 л.; Сянь-шуй-пу лежало къ юго-востоку отъ Сюань-хуа-фу. См. карту Ц. Б. Ю. Т.

4) Юнь-нинъ лежалъ въ 40 ли къ востоку отъ Янь-цинъ-чжоу (延慶), области Сюань-хуа-фу. Л. Д. Д. Л. Ч.

5) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 17 л.

6) Ibid.

въ военныхъ дѣйствіяхъ къ разнымъ хитростямъ, предпринимая обходныя движенія и искусно устраивая засады. Благодаря его распорядительности и принятымъ имъ энергичнымъ мѣрамъ окончились неудачно нападенія Цзи-нан'а на Пинь-лу-чэнь и Гу-юань. Лю-тянь-хэ сумѣлъ ободрить трусившихъ китайскихъ начальниковъ, и непріятель отступилъ съ большимъ урономъ; въ одной изъ стычекъ, происшедшей въ мѣстности Хѣй-шуй-юань (黑水苑)¹⁾, былъ, между прочимъ, убитъ сынъ Цзи-нан'а, Сяо-ши-ванъ (小十王)²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ, неспокойно было и на сѣверо-восточной границѣ. Рассказывая о набѣгахъ кочевавшихъ тамъ монголовъ, историкъ Минъ-ши даетъ намъ, между прочимъ, пѣлую родословную ихъ главарей. О дѣятельности Ба-эррѣ-сун'я, сына Хуа-дан'а, мнѣ уже пришлось говорить выше³⁾. Послѣ его смерти, сынъ его Бо-гэ (伯革) явился съ данью и въ 1530 году получилъ званіе своего отца (вѣроятно званіе Ду-ду, которое было даровано еще дѣду его, Хуа-дан'у—花當). На это разгнѣвался дядя его (второй сынъ Хуа-дан'а) Да-ха (打哈), и началъ производить набѣги на китайскую границу, вторгаясь въ предѣлы имперіи черезъ Ланъ-коу (冷口) и Си-фынь-коу⁴⁾. Пограничные начальники не сумѣли справиться съ нимъ и были, по повелѣнію изъ Пекина, строго наказаны. Въ 1538 году Чжи-хуй Сюй-хао измѣнническимъ образомъ захватилъ и убилъ 9 человекъ изъ племени Тай-нинъ. Это вызвало справедливое негодованіе монголовъ, которые немедленно-же произвели нападеніе на пограничную область и захватили крѣпость Да-цинъ-пу (大清)⁵⁾.

Сравнительный успѣхъ, достигнутый китайскими войсками въ борьбѣ съ Цзи-нан'омъ, объясняется «изнѣженностью» этого мон-

1) Хѣй-шуй-юань нах. въ пров. Шэнь-си, области Янь-ань-фу, уѣздъ Ань-динъ-сянь. Л. Д. Д. Л. Ч.

2) М. Ш. біогр. Лю-тянь-хэ, 200 цз., 17 л.

3) См. стр. 88.

4) Въ У-бянь-дянь-цзэ объ этомъ неудовольствіи Да-ха упоминается подъ 1539 г.; см. 2 цз., 68 л.

5) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 12 л.

гольского предводителя¹⁾, которому, повидимому, надоѣли постоянные походы. Дѣла правленія также начали тяготить его, и съ этого времени выдающуюся политическую роль игралъ его младшій братъ Ань-да (Алтанъ-ханъ). Осенью 1541 года отъ этого князя явился къ Да-тун'скому губернатору посланецъ Ши-тянь-цзю (石天爵) съ предложеніемъ начать мирныя сношенія и платить ежегодную дань²⁾. Въ письмѣ своемъ Ань-да упоминалъ о дружественныхъ сношеніяхъ съ китайскимъ правительствомъ, происходившихъ при отцѣ его, Си-а-лан'ѣ (Сайнь-алакѣ) (認阿郎), который аккуратно представлялъ дань, за что получалъ награды, а также пользовался разрѣшеніемъ приводить въ опредѣленныя мѣстности на продажу лошадей. Ань-да просилъ о возстановленіи этихъ старыхъ порядковъ³⁾. Домогательства монголовъ остались, однако, безъ удовлетворенія⁴⁾. Китайское правительство не только не удовлетворило этого ходатайства, но непосредственно вслѣдъ затѣмъ отравило въ качествѣ главнокомандующаго на границу Фанъ-цзи-цзю (樊繼祖), который началъ свою административную дѣятельность съ того, что опѣнилъ голову Ань-да. Такая крутая мѣра не замедлила, конечно, возмутить кочевниковъ, которые тотчасъ-же въ большомъ числѣ предприняли походъ на китайскіе предѣлы⁵⁾. Въ этомъ походѣ принялъ даже участіе и Цзи-нанъ, который вторгся въ Ланъ-чжоу⁶⁾, а затѣмъ пошелъ съ войскомъ въ Шань-си на соединеніе съ Ань-да⁷⁾. Этотъ послѣдній прошелъ черезъ Ши-линъ-гуань (石嶺關) въ Тай-юань-фу и Ши-чжоу. Китайскія войска всюду терпѣли пораженія и многіе изъ ихъ предводителей были убиты⁸⁾. Послѣ этого удачнаго похода, монголы снова попробовали завя-

1) М. Ш. біогр. Лю-тянь-хэ, 200 цз., 17 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.

3) У. Б. Д. Ц. 7 цз., 73 л.

4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.

5) Ibid.

6) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 17 цз., 14 л.

7) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.

8) Ibid.

зять мирныя сношенія съ Пекиномъ. Лѣтомъ 1542 года къ пограничному губернатору Лунъ-да-ю (龍大有) былъ присланъ опять тотъ же Тянь-цзіо съ просьбою о разрѣшеніи представлять дань. Лунъ-да-ю воспользовался этимъ случаемъ, дабы загладить свое недавнее пораженіе, связалъ Тянь-цзіо и членовъ его свиты и отправилъ ихъ въ Пекинъ при донесеніи, что онъ взял ихъ въ плѣнъ въ бою. Императоръ чрезвычайно обрадовался такой «побѣдѣ»; пограничные начальники были щедро награждены, а несчастные посланцы казнены¹⁾ на торговой площади²⁾. Китайцы были жестоко наказаны за этотъ предательскій поступокъ. Узнавъ объ измѣнническомъ убіеніи своихъ посланцевъ, монголы тотчасъ-же вторглись въ Шань-си³⁾. Пройдя черезъ Янь-мынь-гуань⁴⁾, они проникли въ Шо-чжоу и достигли Гуанъ-у (廣武)⁵⁾. Отсюда монгольская армія двинулась въ Тай-юань-фу и далѣе на югъ. Высланный противъ кочевниковъ китайскій отрядъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Китайцы извели всѣ свои стрѣлы и погибли почти всѣ до одного человѣка. Разгромивъ, такимъ образомъ, почти всю провинцію Шань-си, монголы ушли обратно на сѣверъ тѣмъ-же путемъ черезъ Янь-мынь-гуань⁶⁾.

Подъ 1543 годомъ отмѣчена въ Минь-ши смерть Цзи-нан'а. Это извѣстіе не совсѣмъ сходно съ данными, сообщаемыми Сананъ-сэцэномъ, по свѣдѣніямъ котораго Мэргэнь-чжинонгъ умеръ лишь въ 1550 году⁷⁾. Дѣти Цзи-нан'а, Ланъ-тай-цзи (狼台吉)⁸⁾ и другіе, кочевали въ мѣстностяхъ къ западу отъ Хуанъ-хэ, при чемъ силы ихъ были раздѣлены⁹⁾. Одинъ только

1) Въ подлинникѣ здѣсь употреблено выраженіе (磔) «чжэ», что означаетъ вспарывать, жестоко казнить.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.

3) Ibid.

4) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 17 цз., 14 л.

5) Гуанъ-у лежало въ провинціи Шань-си, округа Дай-чжоу Л. Д. Д. Л. Ч.

6) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.

7) Schmidt, op. cit., 206 стр.

8) Несомнѣнно Байсангоръ-лань-тайчжи Сананъ-сэцэна, см. Schmidt, op. cit. 206 стр.

9) Эти свѣдѣнія совершенно сходны съ данными, сообщаемыми монгольскимъ лѣтописцемъ, см. Schmidt, op. cit., стр. 206—208.

Ань-да сохранилъ прежній авторитетъ и еще усиливался¹⁾. У Сананъ-сэцэна мы находимъ упоминаніе о томъ, что внукъ Даянъ-хана, Боди-тайчжи, восшедшій на ханскій престолъ въ 1544 году, собирался идти войною на сыновеи Мэргэнь-чжинонга; но отъ этой междоусобной войны его отговорила мать его Цагачинъ-асанъ-тайго²⁾. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Минь-ши, размолвка эта произошла нѣсколько позже. Въ 1544 же году всѣ кочевники сдѣлали совмѣстный набѣгъ на Сюань-хуа-фу; при этомъ Сяо-ванъ-цзы³⁾ вторгся въ Юй-чжоу (蔚州) и дошелъ до Вань-сян'я (完縣)⁴⁾, а Ань-да разгромилъ Да-шуй-гу и Лунъ-мынь-сянь⁵⁾. Движенія кочевниковъ въ столь близкомъ сосѣдствѣ отъ столицы навели сильный страхъ на китайцевъ, и въ Пекинѣ были приняты чрезвычайныя мѣры предосторожности. На этотъ разъ они оказались, однако, излишними, такъ какъ монгольскія полчища скоро удалились. Въ 1545 году Ань-да произвелъ уже самостоятельный набѣгъ на Янь-суй, откуда проникъ въ Да-тунъ⁶⁾. Здѣсь кочевники разгромили нѣсколько крѣпостей, но встрѣтили сильный отпоръ отъ генераль-губернатора Вэнь-вань-да (翁萬達), который ожидалъ монголовъ въ Янь-хэ, разославъ оттуда во всѣ стороны нѣсколько конныхъ отрядовъ, которымъ удалось захватить и убить не мало монголовъ. Заручившись послѣ этого успѣха довѣріемъ императора, Вэнь-вань-да настоялъ на томъ, чтобы въ областяхъ Сюань-фу и Да-тун'ѣ были проведены стѣны на протяженіи около 85—90 верстъ. Замѣчательна та быстрота, съ которою окончены были эти работы — стѣны воздвигнуты были въ какіе-нибудь 50 дней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Вэнь-вань-да въ весьма длинномъ и не лишнемъ интереса докладѣ высказалъ свой взглядъ на положеніе пограничныхъ дѣлъ. Разсуждая о сравнительной стратегической важности различныхъ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.

2) Schmidt, op. cit., стр. 196—198.

3) Несомнѣнно Боди-тайчжи Сананъ-сэцэна.

4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.

5) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 1 л.

6) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.

пограничныхъ областей, сановникъ этотъ находилъ, что самыми доступными для нападенія мѣстностями были Да-тунъ и Сюань-фу. Черезъ первую область, проходя по сѣверному пути (Бэй-лу) на Дай-чжоу¹⁾, монголы вторгались въ южныя части провинціи Шань-си, а черезъ Сюань-фу проникали въ проходъ Цзы-цзинь-гуань, лежащій всего въ двухъ дняхъ пути отъ столицы. По мнѣнію Вэнь-вань-да, пекинское правительство, не дѣлая достаточно различія между областими по стратегическому ихъ значенію, обращало слишкомъ много вниманія на защиту второй оборонительной линіи, проходившей между укрѣпленіями Цзы-цзинь-гуань, Нинь-у-гуань и Янь-мынь, оставляя мѣстности, лежащія къ сѣверу отъ нихъ, совершенно на произволь судьбы. Кромѣ того, войска не состояли постоянно на границѣ для охраны, а собирались туда лишь въ осенніе сроки, причемъ на эти временные сборы тратились весьма почтенныя суммы, тогда какъ пользы отъ нихъ было всегда весьма мало. Кочевники умѣли выбирать удобные моменты для нападенія и скрывались раньше, чѣмъ могли собраться войска для отраженія ихъ. Признавая ненормальность такого порядка вещей, Вэнь-вань-да настаивалъ на необходимости учредить на границѣ постоянные караульные посты съ достаточными гарнизонами и отвести каждому отряду для охраны свой специальный участокъ. Этимъ отрядамъ слѣдовало-бы вмѣнить въ обязанность имѣть строжайшее наблюденіе за всѣми лицами, переходящими границу. Императоръ согласился съ мнѣніемъ Вэнь-вань-да и приказалъ отпустить въ его распоряженіе 600 тысячъ ланъ. Деньги эти генераль-губернаторъ употребилъ главнымъ образомъ на исправленіе стѣнъ и укрѣпленій, при чемъ старался, по возможности, обезопасить пограничное населеніе, дать ему возможность спокойно заняться земледѣліемъ и скотоводствомъ и тѣмъ поднять его матеріальное благосостояніе. Мѣры, принятыя Вэнь-вань-да, имѣвшія общій характеръ и направлен-

1) Это названіе «Бэй-лу» сѣвернаго пути сохранилось и до сихъ поръ за этой дорогой.

ныя къ улучшенію положенія дѣлъ на всей сѣверной границѣ имперіи, не всегда отвѣчали видамъ отдѣльныхъ пограничныхъ губернаторовъ, которые нерѣдко старались проводить свои взгляды, но Вэнь-вань-да удавалось, въ первое по крайней мѣрѣ время, выходить побѣдителемъ изъ всѣхъ этихъ интригъ. Только въ одномъ вопросѣ императоръ не соглашался съ мнѣніемъ этого дѣятельнаго генераль-губернатора — это въ вопросѣ о разрѣшеніи Ань-да присылать въ Пекинъ періодическія посольства съ данью. Вэнь-вань-да, желая обезпечить спокойствіе пограничнаго населенія, стоялъ за разрѣшеніе такихъ посольствъ, причемъ энергично выражалъ свое порицаніе измѣническому образу дѣйствию пограничныхъ и столичныхъ властей, позволявшихъ себѣ захватывать монгольскихъ посланцевъ и даже осуждать ихъ на позорную казнь. По его мнѣнію, слѣдовало казнить виновныхъ въ этомъ дѣлѣ и послать объ этомъ объявленіе на границу. Императоръ-же, уступая настояніямъ придворныхъ совѣтниковъ, никакъ не хотѣлъ на это согласиться¹⁾.

Потерпѣвъ въ 1545 году пораженіе у Янь-хэ и слыша объ энергичныхъ мѣрахъ, принятыхъ для охраны границы по распоряженію Вэнь-вань-да, Ань-да благоразумно воздерживался отъ набѣговъ, но рѣшилъ добиться почетнаго мира съ пекинскимъ правительствомъ съ правомъ присылать въ столицу періодическія посольства и получать отъ императора отвѣтныя награды. Съ такимъ предложеніемъ явилось въ Да-тунъ отъ Ань-да посольство въ 1546 году, но посланцы эти были убиты на границѣ²⁾. Въ отвѣтъ на это оскорбленіе Ань-да вторгся въ Нинь-ся и разгромилъ Цинь-пинъ-пу (清平堡)³⁾. Думая, что онъ достаточно устрашилъ упрямыхъ китайцевъ, Ань-да осенью того-же года снова отправилъ посольство съ запросомъ относительно разрѣшенія ему приходить съ данью. На этотъ разъ онъ обратился къ

1) М. Ш. біографія Вэнь-вань-да, 198 цз., 24—25 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 18 л.

3) М. Ш. отд. Вэнь-цзи, 18 цз., 2 л. укрѣпленіе Цинь-пинъ-пу находилось въ окрестностяхъ Нинь-ся.

самому Вэнь-вань-да, прося его ходатайства перед пекинским правительством¹⁾. Этот генерал-губернаторъ, бывший, какъ мы видѣли выше, сторонникомъ установленія мирныхъ сношеній съ монголами, препроводилъ полученную имъ отъ Ань-да грамоту на монгольскомъ языкѣ въ Пекинъ, при чемъ высказался за принятіе его предложеній. При этомъ онъ выражалъ опасеніе, что, въ случаѣ отказа, монголы, пользуясь благоприятнымъ осеннимъ временемъ, могутъ легко сдѣлать набѣгъ. Въ Пекинѣ отнеслись съ недоверіемъ къ предложенію Ань-да и требовали фактическихъ доказательствъ ихъ искренности. Дѣло, такимъ образомъ, затянулось; монгольскіе посланцы ушли и переговоры были прерваны. Снова начались военныя дѣйствія. На этотъ разъ монголы вторглись въ Шэнь-си²⁾. Противъ нихъ выступилъ пограничный губернаторъ Цзэнъ-сянь (曾銑), который пустилъ при этомъ въ ходъ обычный китайскій маневръ, а именно отправилъ Цань-цзян'а (參將) (воен. чинъ) Ли-чжэн'а (李珍) съ небольшимъ отрядомъ къ ставкѣ монголовъ, находившейся къ сѣверу отъ горъ Ма-лянъ-шань (馬梁山), гдѣ были оставлены ими старики, женщины и дѣти. Услыхавъ объ этомъ обходномъ движеніи, испуганные монголы поспѣшили отступить³⁾. Этого незначительнаго уснѣха было достаточно, чтобы заставить китайцевъ питать самые радужныя надежды. Честолюбивый Цзэнъ-сянь составилъ цѣлый планъ возвращенія Хэ-тао (Ордоса) и представилъ по этому предмету весьма обстоятельный докладъ: упомянувъ о неудачныхъ попыткахъ прежнихъ императоровъ вернуть эту богатую пастбищами и соляными озерами область, онъ говоритъ, что со временъ Ци-нан'а она сдѣлалась любимымъ кочевьемъ монголовъ, подчиненныхъ этому главарю, откуда они производили постоянныя вторженія въ Да-тунъ и Сюань-фу. Стратегическая важность этой области, по мнѣнію докладчика, была очевидна, а потому необходимо было серьезно подумать о возвращеніи ея. Для

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 19 л.

2) Ibid.

3) М. Ш. біогр. Цзэнъ-сян'я, 204 цз., 9 л.

нападенія онъ предлагалъ избрать зимнюю или весеннюю пору, когда лошади кочевниковъ не откормлены. Каждую весну онъ просилъ предоставлять въ его распоряженіе небольшой отрядъ и снабжать его продовольствіемъ на 50 дней. Съ этими отрядами Цзэнъ-сянь намѣревался нападать прямо на ставки монголовъ, надѣясь этимъ путемъ устрасить кочевниковъ и отвадить ихъ отъ нападеній на китайскіе предѣлы. Докладъ этотъ переданъ былъ на обсужденіе столичнымъ чиновникамъ, которые рѣшили, для осуществленія плана Цзэнъ-сян'я, снаряжать ежегодно въ теченіи 3-хъ лѣтъ 60-ти тысячный отрядъ¹⁾. Проектъ этотъ былъ разосланъ на обсужденіе всѣмъ пограничнымъ начальникамъ. Вэнь-вань-да въ своемъ отзывѣ обращалъ вниманіе китайскаго двора на неудобство для китайцевъ вести наступательную войну въ степяхъ, гдѣ кочевники со своею легкою кавалеріею имѣютъ несомнѣнный перевѣсъ надъ непривычными китайскими войсками, которыхъ необходимо должны сопровождать огромные обозы съ провіантомъ. Съ своей стороны, предусмотрительный губернаторъ предлагалъ скорѣе позаботиться о лучшемъ укрѣпленіи пограничныхъ областей, чѣмъ надежнѣе гарантировалась-бы безопасность населенія окраинъ. Не смотря на разумность доклада Вэнь-вань-да, императоръ, увлеченный заманчивымъ предложеніемъ Цзэнъ-сян'я, не обратилъ на него никакого вниманія²⁾. Это воинственное настроеніе продолжалось, впрочемъ, недолго; въ 1547 г. императоръ внезапно перемѣнилъ образъ мыслей, а Цзэнъ-сянь, ратовавшій за наступательную войну съ монголами, былъ осужденъ и казненъ на торговой площади³⁾. Между тѣмъ, Ань-да продолжалъ домогаться мира съ пекинскимъ правительствомъ. Вѣроятно именно изъ за этого у него произошла размолвка съ Сюань-цзы, который, не сочувствуя мирнымъ наклонностямъ своего сосѣда, собирався сдѣлать

1) М. Ш. біогр. Цзэнъ-сян'я, 204 цз., 9—10 л.

2) М. Ш. біогр. Вэнь-вань-да, 198 цз., 27 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 19 л.

набѣгъ на Ляо-дунь. Ань-да не захотѣлъ упустить столь удобнаго случая подслужиться китайцамъ. Онъ поспѣшилъ сообщить въ Пекинъ о намѣреніяхъ Сяо-ванъ-цзы, предлагая даже свои услуги для отраженія его нападенія съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы затѣмъ ему было дано разрѣшеніе являться періодически съ данью. Съ такимъ предложеніемъ приходило отъ Ань-да въ концѣ 1547 г. и въ началѣ 1548 г. не менѣе трехъ посланцевъ. Желаніе Ань-да придти во чтобы то ни стало къ мирному соглашенію съ китайцами объясняется начавшимся уже въ то время вліяніемъ на этого монгольскаго князя проповѣдниковъ буддизма. Въ одной изъ грамотъ, присланныхъ имъ въ 1547 г. къ китайскимъ пограничнымъ властямъ, говорится, что въ то время среди монголовъ находился великій святитель, который говорилъ, что годъ «овцы» (1547 г.) должно проводить въ мирѣ безъ кровопролитія. Склоняясь на его увѣщанія, четыре великихъ главара, Ань-да, Бао-чжи (保只), Ци-нанъ-тай-цзи и Ба-ду-тай-цзи (把都), желая завязать мирныя сношенія, просили разрѣшить представлять дань. Если-бы имъ это было позволено, то они собирались представить одну бѣлую лошадь съ черною головою и 3.000 головъ разныхъ лошадей. Себѣ-же они просили атласу на кафтаны главарямъ. При существованіи такихъ мирныхъ сношеній, внутри предѣловъ имперіи происходило-бы невозбранно обработка земли, а за границею кочевники занимались бы скотоводствомъ, причемъ монголы не приходили-бы въ столкновение съ китайцами. Въ случаѣ принятія ихъ предложеній, монгольскіе князья обѣщали, что на всемъ протяженіи границы они не будутъ производить вторженій. Въ случаѣ-же нарушенія мира съ чьей-либо стороны, виновные должны были выдаваться для наказанія своимъ начальникамъ. Этими мѣрами, по мнѣнію монгольскаго князя, можно было обезпечить полную дружбу между кочевниками и китайцами и постоянное спокойствіе на границѣ¹⁾. Въ виду такой настойчивости со стороны монголовъ, Вэнь-вань-да,

1) У. Б. Д. Ц., 8 цз., 66 л.

черезъ коего велись всѣ эти переговоры, рѣшилъ еще разъ сдѣлать представленіе о необходимости удовлетворить ходатайство кочевниковъ, выставляя при томъ на видъ возможность серьезныхъ осложненій. Но императоръ, не смотря на всѣ доводы, все-таки не внялъ совѣтамъ генераль-губернатора и даже выразилъ ему свое порицаніе. Послѣ этого пришлось поневолѣ прекратить обсужденіе мирныхъ предложеній¹⁾. Убѣдившись въ полной безпольности своихъ домогательствъ, Ань-да предпринялъ цѣлый рядъ походовъ на китайскія пограничныя области. Перечисленіемъ этихъ набѣговъ переполнены лѣтописи непосредственно слѣдовавшихъ за симъ годовъ. Началъ онъ свои набѣги съ осени того-же 1548 года, произведя въ 8 лунѣ набѣги на Да-тунь. Китайскія войска встрѣтились съ нимъ при Ми-то-шан'ѣ (彌陀) и удержали отъ движенія впередъ. Черезъ мѣсяцъ монгольскія полчища появились въ Сюань-фу, разграбили Юнь-пинъ, Лунь-цинъ и Хуай-лай. Во время этого похода перебито было множество войскъ и населенія²⁾.

Весною 1549 года Ань-да повторилъ свой прошлогодній набѣгъ; монголы ворвались въ Сюань-фу и разгромили Ди-шуй-яй (滴水崖). Китайскія войска всюду терпѣли пораженія. Между тѣмъ, полчища кочевниковъ вторглись далѣе въ Да-тунь и Юнь-пинъ. Отступили они только, прослышавъ о приближеніи значительнаго отряда подъ начальствомъ Вэнь-вань-да изъ Хуай-лай'я. Въ то-же время монголы дѣлали нападенія и на западную границу, на провинціи Шэнь-си и Гань-су. Особенною настойчивостью и гибельными для китайцевъ послѣдствіями отличались набѣги, предпринятые монголами въ 1550 году. Весною этого года Ань-да со своими полчищами сталъ кочевать въ мѣстности Вэй-нинъ-хай-цзы³⁾. Отсюда онъ вмѣстѣ съ главаремъ То-то-

1) М. Ш. біогр. Вэнь-вань-да, 198 цз., 27 л.

2) Ibid.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 19 л. Мѣстность Вэй-нинъ-хай-цзы лежитъ въ предѣлахъ Чахарскаго желтаго знамени въ 40 верстахъ къ ю-з. отъ ставки его. Л. Д. Д. Л. Ч.

синь-ай'емь (脫脫辛愛) и слишкомъ 100 тысячнымъ войскомъ перешель въ Дуань-тоу-шань (斷頭)¹⁾. Лѣтомъ монголы вторглись въ Да-тунъ. Выступившіе противъ нихъ цзуньбин'ы Чжанъ-да (張達) и Линь-чунь (林椿) потерпѣли сильныя пораженія и пали на полѣ битвы. Ободренный этимъ успѣхомъ Ань-да задумалъ осуществить въ томъ-же году грандіозное предпріятіе—походъ на самую столицу Китая. При этомъ онъ постарался прежде всего заручиться содѣйствіемъ всѣхъ монгольскихъ племенъ, для чего ко всѣмъ начальникамъ родовъ имъ были разосланы «циркулярныя стрѣлы» съ приглашеніемъ явиться для совмѣстнаго нападенія на Китай²⁾. Особенно дѣятельными и полезными помощниками въ этомъ дѣлѣ ему явились урянхайцы. Уже съ 1548 года, т. е. со времени окончательнаго разрыва между Ань-да и китайцами, монголы ежегодно производили набѣги на восточную границу Китая. Въ 1548 году урянхайскій главарь Ба-ту-эррѣ разгромилъ Гуанъ-нинъ, а въ 1549 году монголы эти сдѣлали общее нападеніе на Ляо-дунъ³⁾. Подстрекателями урянхайцевъ къ этимъ набѣгамъ являлись, главнымъ образомъ, китайцы, Ха-чжоу-эррѣ (哈舟兒) и другіе, состоявшіе на службѣ у монголовъ и, какъ истые ренегаты, старавшіеся, по возможности, вредить своимъ соотечественникамъ. Когда въ 1550 году Ань-да задумалъ предпринять большой походъ на Срединную имперію, Ха-чжоу-эррѣ явился къ нему съ совѣтами и указалъ на сѣверный путь, какъ на наиболѣе безопасный и удобный. Ань-да послушался его и провелъ свои войска чрезъ Чао-хэ-чуань (潮河川), Бай-мяо (白廟) и вторгся въ Гу-бэй-коу⁴⁾. Отсюда онъ предпринялъ обходное движеніе, неожиданно вторгся въ Хуай-жоу (懷柔)⁵⁾, осадилъ Шунь-и (順義)⁶⁾ и достигъ Тунь-

1) У. Б. Д. Ц. 9 цз., 3 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 19 л.

3) М. Ш. Бэнь-цзи, 18 цз., 3 л.

4) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 13 л.

5) Мѣстность эта лежитъ къ с.-в. отъ Пекина см. карту Матусовскаго.

6) Городокъ этотъ лежитъ къ ю.-в. отъ Хуай-жоу, ibid.

чжоу (通州). Здѣсь Ань-да раздѣлилъ свою армію на отдѣльные летучіе отряды и всюду производилъ опустошительные грабежи¹⁾. Монголы простояли здѣсь, однако, не долго и вскорѣ двинулись къ столицѣ. Ставъ лагеремъ у сѣверныхъ воротъ, они опустошили и выжгли всѣ селенія, расположенныя къ западу и сѣверу отъ Пекина. Окрестные поселяне были въ большомъ замѣчательствѣ;—монголы хозяйничали здѣсь цѣлыхъ восемь дней и навели на китайцевъ паническій страхъ. Императоръ требовалъ, чтобы даво было сраженіе непріятелю. Одинъ изъ китайскихъ генераловъ, Динъ-жу-куй (丁汝夔), обратился за совѣтомъ, какъ поступить, къ министру (Да-сё-ши) Янь-сун'у. Послѣдній далъ ему совѣтъ замѣчательный по своему благоразумію и осторожности: «если вы проиграете сраженіе въ пограничныхъ мѣстностяхъ, то это еще можно скрыть отъ императора; здѣсь-же по сосѣдству скрыть пораженіе невозможно, а такъ какъ, въ этомъ случаѣ, васъ ждетъ неизбежное строгое наказаніе, то лучше вовсе не сражаться. Враги, пресытившись грабежомъ, непременно уйдутъ, а поэтому не стоитъ вступать съ ними въ битву». Послѣдовавъ этому совѣту, Динъ-жу-куй и прочіе китайскіе генералы оставались въ полномъ бездѣйствіи, запершись въ своихъ укрѣпленныхъ лагеряхъ²⁾. Предсказаніе Янь-сун'а сбылось: вдоволь награбивъ въ окрестностяхъ столицы, монголы не осмѣлились, однако, предпринять сколько нибудь рѣшительныя дѣйствія противъ столичныхъ укрѣпленій и начали отступать. За уходившими кочевниками двинулся съ наблюдательнымъ отрядомъ китайскій полководецъ Чоу-луань (仇鸞). Ань-да неожиданно направилъ на него свой аррьергардъ, и китайцы, не будучи подготовленными къ этому нападенію, потеряли убитыми и ранеными до 1.000 человекъ. Послѣ этого Ань-да потихоньку, не торопясь, удалился чрезъ проходъ Гу-бэй-коу. Желая какъ нибудь загладить свое непростительное трусливое поведеніе, пограничные

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 19 л.

2) М. Ш. біогр. Динъ-жу-куй'я, 204 цз., 14 л.

начальники, послѣ ухода непріятели, поотрубали головы у труповъ убитыхъ монголовъ и, отправивъ до 80 такихъ трофеевъ въ Пекинъ, доложили, что они одержали блестящую побѣду. Въ бытность свою подъ Пекиномъ Ань-да велъ, между прочимъ, и переговоры съ китайскимъ дворомъ. Онъ отправилъ въ столицу захваченнаго имъ въ плѣнъ евнуха Янь-цзэн'а (楊增) съ грамотою, въ которой снова излагалось требованіе о разрѣшеніи являться періодически съ данью, а также объ установленіи въ нѣсколькихъ мѣстахъ рынковъ для торговли лошадьми¹⁾. Грамота эта была передана на разсмотрѣніе Янь-сун'у и Сюй-цзѣ (徐階). Первый изъ нихъ отзывался о монголахъ съ презрѣніемъ и совѣтовалъ не обращать никакого вниманія на ихъ требованія. Съ этимъ взглядомъ не соглашался Сюй-цзѣ, который, съ своей стороны, указывалъ на опасность, могущую угрожать имперіи, въ случаѣ если-бы непріятель раздражился. Онъ предлагалъ отправить къ Ань-да искуснаго переводчика, который-бы общалъ ему исполнить всѣ требованія подъ непремѣннымъ условіемъ, однако, чтобы монголы удалились изъ окрестностей столицы²⁾. Маневръ этотъ, какъ мы уже видѣли выше³⁾, удался, и Ань-да, обнадеженный обѣщаніями китайцевъ, ушелъ на сѣверъ чрезъ Гу-бэй-коу. Повидимому, монгольскій предводитель вполне положился на завѣренія пекинскаго двора; по крайней мѣрѣ, онъ выказалъ полную вѣру въ добросовѣстность китайцевъ, приславъ весною слѣдующаго-же 1551 года въ область Сюань-фу сына своего То-то съ небольшою свитою для окончательныхъ переговоровъ⁴⁾. Между тѣмъ, въ Пекинѣ происходили еще горячія пренія по вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли завязывать мирныя сношенія съ монголами или продолжать съ ними борьбу. Во главѣ партіи мира стоялъ Чоу-луань. Съ другой стороны, энергично противился всякимъ уступкамъ чиновникъ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 20 л.

2) М. Ш. біогр. Сюй-цзѣ, 213 цз., 5 л.

3) См. стр. 98.

4) У. Б. Д. Ц., 9 цз., 5 л.

военнаго министерства Янь-цзи-шэнъ (楊繼盛), представившій по этому поводу обширный докладъ. «Монголь», говорилъ онъ, «раззорили наши могилы и побили массу нашего народа; мы, слѣдовательно, должны питать особенную вражду къ нимъ и поступимъ неприлично, если первые протянемъ имъ руку примиренія». Открытіе конныхъ рынковъ, по мнѣнію докладчика, совершенно не согласно съ достоинствомъ имперіи, да, кромѣ того, Ань-да вѣроятно вовсе и не собирается начинать правильныя торговыя сношенія, а будетъ несомнѣнно пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы, согласно своимъ всегдашнимъ привычкамъ, пограбить гдѣ можно. Чиновники, стоявшіе за миръ, приводили, между прочимъ, тѣ доводы, что, во время перемирія съ кочевниками, они надѣялись приобрести на нихъ нравственное вліяніе и, кромѣ того, выиграть время для того, чтобы заготовить достаточный запасъ оружія, дабы, въ случаѣ надобности, дать непріятелю энергичный отпоръ. Янь-цзи-шэнъ находилъ, что приобрести какое-либо нравственное вліяніе на кочевниковъ невысказимо, такъ какъ они, по природѣ своей, дерзки и ненасытны и что столкнуться съ ними можно только помощію оружія. Также несостоятельны были, по убѣжденію Янь-цзи-шэн'а, и всѣ прочіе доводы сторонниковъ мира, а потому онъ просилъ императора сдѣлать распоряженіе о походѣ, причемъ ручался, что въ самое короткое время голова Ань-да будетъ торчать на палкѣ на торговой площади. Докладъ этотъ своею смѣлостью произвелъ, повидимому, сильное впечатлѣніе на императора, который сталъ даже колебаться относительно того, какъ поступить ему и не лучше-ли оставить безъ вниманія мирныя предложенія монголовъ. Но тутъ сторонники мира прибѣгли къ энергичной мѣрѣ и, дабы окончательно положить конецъ колебаніямъ императора, заявили, что гонецъ съ письменнымъ согласіемъ на предложенія монголовъ уже давно уѣхалъ по назначенію¹⁾. Такимъ образомъ, миръ былъ заключенъ, и въ томъ-же 1551 году, лѣ-

1) М. Ш. біогр. Янь-цзи-шэн'а, 209 цз., 22 л.

томъ, были открыты конные рынки въ Да-тун'ѣ и Сюань-фу¹⁾. Въ пятой лунѣ завѣдывавшій рынками въ Да-тун'ѣ ши-лань Ши-дао (史道) донесъ, что торгъ продолжался четыре дня съ 25 по 28 число четвертой луны, и лошадей у монголовъ оставалось еще много, но запасъ шелковыхъ матерій, которыми платили китайцы, истощился, а потому торгъ былъ прекращенъ. Во все время торга явившіеся на рынки монголы находились подъ строгимъ надзоромъ своего начальства, причемъ ни одинъ человѣкъ не осмѣлился кричать или производить безпорядки. По закрытіи рынка, монголы, повернувшись лицомъ на югъ, совершали поклоненіе предъ столомъ, покрытымъ желтою скатертью, причемъ представили особую грамоту на монгольскомъ языкѣ, въ коей выражали раскаяніе за все прошлое. Такое скромное поведеніе кочевниковъ давало поводъ пограничнымъ властямъ рассчитывать, что осенью, когда предполагалось снова допустить конный торгъ, никакихъ особыхъ осложненій не произойдетъ. вмѣстѣ съ лошадьми, присланными для продажи, явились отъ монголовъ и пять посланцевъ, приведшихъ въ качествѣ дани ко двору девять лошадей. Пекинскій-же дворъ пожаловалъ Ань-да 100 тысячъ ланъ серебра, большой халатъ изъ украшенной узорами матеріи, четыре одежды изъ разноцвѣтныхъ матерій, большую шапку съ золотымъ шарикомъ и золотой кушакъ. То-то былъ пожалованъ большой красный халатъ; посланцамъ — каждому по зеленому халату²⁾.

Всѣ эти подарки китайцевъ, а также и выгоды отъ торговли, повидимому, мало прельщали монголовъ. Непосредственно вслѣдъ за закрытіемъ рынковъ, Ань-да вторгся въ китайскіе предѣлы и началъ производить грабежи. По мнѣнію историка Минъ-ши, главными виновниками такого поведенія со стороны Ань-да слѣдуетъ считать китайскихъ перебѣжчиковъ, которыхъ служило въ то время у монголовъ не мало. Всѣ они исповѣдывали какую

1) М. Ш. Бэнь-цзи, 18 цз., 4 л.

2) У. Б. Д. Ц. 9 цз., 11—13 лл.

то особенную религію, Бо-лянъ (白蓮), и знали много фокусовъ, которые выдавали монголамъ за чудеса. Впрочемъ, эти куцесники не долго пользовались вліяніемъ у Ань-да; — онъ скоро понялъ ихъ обманы и нѣкоторыхъ изъ нихъ заключилъ въ тюрьму, другіе-же сами благоразумно скрылись. Послѣ этого Ань-да снова обратился въ Пекинъ съ просьбою разрѣшить ему обмѣнивать лошадей и рогатый скотъ на хлѣбъ и бобы; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ, чтобы ему пожалованъ былъ почетный титулъ. Обращаясь къ китайцамъ съ такими предложеніями, Ань-да не стѣснялся въ то же время производить подъ рукою нападенія на западную границу Китая и даже сломалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пограничную стѣну, объ исправномъ содержаніи которой такъ усиленно заботились за послѣднее время китайскія власти. Получивъ объ этомъ извѣдомленіе, императоръ сильно разгнѣвался, приказалъ прекратить всякіе переговоры и отозвалъ изъ Да-тун'а Ши-дао, назначеннаго туда китайскимъ комиссаромъ по завѣдыванію конными рынками¹⁾. Въ виду такого полного разрыва, монголы начали со слѣдующаго года производить непрерывные набѣги на китайскія пограничныя области. Уже весной 1552 года въ Пекинѣ получено было извѣстіе, что предводители кочевниковъ Ань-да и Ба-яо (擺腰) перекочевали на новыя мѣста. Такая перекочевка въ необычное время должна была служить худымъ предзнаменованіемъ²⁾. Дѣйствительно, наступившій годъ оказался особенно тяжелымъ для пограничныхъ областей. Въ теченіи его монголы произвели не менѣе восьми набѣговъ на китайскіе предѣлы. Началь свои походы Ань-да съ Да-тун'а, куда вторгся съ 2.000 всадниковъ и разгромилъ Хуай-жень-чуань (懷仁川)³⁾. Чжи-хуй Ванъ-гунъ (王恭) встрѣтился съ ними въ мѣстности Пинъ-чуань-дунъ (平川墩), но потерпѣлъ сильное пораженіе и самъ палъ въ сраженіи. Лѣтомъ монголы вторг-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 20 л.

2) У. Б. Д. Ц. 9 цз., 22 л.

3) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 5 л.; мѣстность Хуай-жень-чуань лежитъ въ предѣлахъ уѣзда Хуай-жень-сянь.

лись въ Ляо-дунъ, гдѣ встрѣтили ожесточенное сопротивление, но тѣмъ не менѣе успѣли совершенно истребить нѣсколько китайскихъ отрядовъ¹⁾. Осенью монголы повторяли свое нападеніе на Да-тунъ и кромѣ того разгромили Нинъ-ся²⁾. Одновременно съ Ань-да производилъ набѣги, съ своей стороны, и Сяо-ванъ-цзы Да-лай-сунь (打來孫)³⁾, вторгшійся съ нѣсколькими десятками тысячъ въ Ляо-дунъ, въ мѣстность Цзинь-чжоу (錦州). Противъ него дѣйствовали довольно успѣшно цзунъ-бинь Чжао-го-чжунъ (趙國忠)⁴⁾. Въ слѣдующую-же весну 1553 года монголы возобновили свое нападеніе. Ань-да вторгся въ Сюань-фу⁵⁾, а Цзи-нанъ разгромилъ Янь-суй⁶⁾. Лѣтомъ монголы вторглись въ Гань-су и прошли по пограничнымъ областямъ до Да-тун'а. Все лѣто продолжались непрерывные набѣги монголовъ по всей сѣверной границѣ: на востокѣ было произведено нападеніе на города Линь-цю (靈邱) и Гуанъ-чанъ (廣昌), лежащіе къ юго-западу отъ Пекина, въ центральной части была разгромлена мѣстность Хунь-юань (渾源), въ области Да-тунъ-фу. Западные области Янь-ань-фу (пров. Шань-си) и Цинъ-янъ-фу (пров. Гань-су) также не мало пострадали отъ этихъ набѣговъ. Сяо-ванъ-цзы (Да-лай-сунь) тоже не отставалъ отъ Ань-да и производилъ грабительскіе набѣги въ ближайшихъ окрестностяхъ Пекина, — захватилъ напр. городъ Чи-чэнъ-сянь. Только сильные дожди, отличавшіеся въ 1553 году особенною продолжительностью, заставили монголовъ отступить. Лишь только окончился дождливый періодъ, Ань-да съ 10-ти тысячнымъ отрядомъ перешелъ границу Да-тун'а⁷⁾. Начальникомъ высланныхъ противъ него китайскихъ войскъ былъ Чжао-ши-чунъ (趙時春), состоявшій въ то время

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 20 л.

2) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 5 л.

3) Это несомнѣнно Дарайсунь-Кудэнь-ханъ Саванъ-сэцэна, см. Schmidt, op. cit., стр. 198.

4) У. Б. Д. Ц., 3 цз., 36 л.

5) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 20 л.

6) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 6 л.

7) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 20 л.

губернаторомъ провинціи Шань-си. Онъ былъ яримъ сторонникомъ партіи войны, возмущаясь бездѣятельностью китайскихъ пограничныхъ начальниковъ и нерѣдко говаривалъ, что если бы ему дали 5.000 солдатъ, то онъ живо даль-бы себя знать монголамъ, такъ что и духу ихъ не было-бы слышно. Получивъ важное назначеніе на границѣ, онъ еще больше возмечталъ о своихъ воинскихъ доблестяхъ и, собравъ конное и пѣшее войско, смѣло выступилъ противъ монголовъ въ мѣстность Гуанъ-у. Узнавъ отъ развѣдчиковъ, что непріятель находится невдалекѣ, Чжао-ши-чунъ началъ торопливо готовиться къ нападенію, говоря: «если враги узнаютъ, что я иду на нихъ, то непременно побѣгутъ, и если мы не скоро двинемся, то не въ состояніи будемъ догнать ихъ — такъ далеко они убѣгутъ». Сказавъ это, онъ ударилъ по лошади и достигъ мѣстности Да-чунъ-лингъ (大蟲嶺), гдѣ его неожиданно окружили сидѣвшіе въ засадѣ монголы. Храбрый губернаторъ такъ растерялся, что бросился въ испугѣ къ «сторожевой» башнѣ и его подняли туда на веревкахъ¹⁾. Въ 1554 году монголы произвели нападеніе на область Сюань-фу и захватили крѣпость Цзы-гоу-пу (紫溝堡); лѣтомъ они вторглись въ Нинъ-ся и Да-тунъ, причемъ Да-тун'скій цзунъ-бинь Ю-мао (岳懋) попалъ въ засаду и былъ убитъ. Особенною настойчивостью отличался однако, какъ всегда, осенній набѣгъ монголовъ²⁾. На этотъ разъ Да-лай-сунь и Ба-ту-эррѣ³⁾, собравъ 100 слишкомъ тысячъ коннаго войска вторглись въ Цзи-чжоу. Генераль-губернаторомъ въ этихъ мѣстахъ былъ въ то время Янь-бо (楊博), успѣвшій составить себѣ за послѣдніе восемь лѣтъ почетную извѣстность въ качествѣ отличнаго администратора. Въ 1546 г. онъ получилъ назначеніе губернатора въ про-

1) М. Ш. биогр. Чжао-ши-чун'я, 200 цз., 25 л.; сторожевыя башни, построенныя въ пограничныхъ мѣстностяхъ, описаны мною въ дневникѣ поѣздки изъ Пекина на У-тай и обратно, напечатан. въ запискахъ Географ. Общества. т. XXII, вып. II, стр. 130.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 20 л.

3) Вѣроятно Багатуръ-Молоцзай Сананъ-сэцэна. См. Schmidt, op. cit., 196 стр.

винция Гань-су и тотчас-же началъ заботиться о колонизаціи вѣреннаго ему края, испросивъ у императора льготы для могущихъ явиться новыхъ поселенцевъ. Съ своей стороны, губернаторъ прилагалъ возможныя старанья для облегченія тамъ земледѣлія, для чего проводилъ каналы, исправлялъ пограничныя укрѣпленія и заботился о водвореніи мира и спокойствія среди населенія. Такимъ образомъ, Янь-бо удалось переселить въ подвѣдомственныя ему пограничныя области слишкомъ 700 семействъ. Переведенный на новый постъ на востокъ, въ болѣе важныя въ стратегическомъ отношеніи области, Янь-бо показалъ себя не менѣе энергичнымъ правителемъ и военачальникомъ. Когда до Пекина дошла вѣсть о вторженіи монголовъ въ Цзи-чжоу, правительство страшно перепугалось, и въ столицѣ были приняты чрезвычайныя мѣры предосторожности; къ Янь-бо чуть не ежечасно летѣли гонцы съ запросами о положеніи дѣлъ. Благодаря распорядительности генераль-губернатора монголы были отбиты отъ Губэй-коу, гдѣ они пытались прорваться, и стали лагеремъ недалеко. Янь-бо, собравъ горсть храбрыхъ солдатъ, ночью ворвался въ ихъ лагерь и до такой степени перепугалъ монголовъ, что на разсвѣтѣ они скрылись. Вскорѣ послѣ того онъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ областей Сюань-фу, Да-тун'а и Шань-си, и ему пришлось немедленно-же вслѣдъ за сими выдержать упорное нападеніе монголовъ. Справившись съ ними, Янь-бо тотчас-же принялся за быстрое исправленіе пограничныхъ укрѣпленій. Всего въ Да-тун'ѣ было возведено 9 укрѣпленій и 92 сторожевыхъ башни, прорыто 2 рва, каждый по 9 верстъ длины и маленькихъ рвовъ 64. Все это было сдѣлано съ невѣроятною быстротою, занявъ всего не болѣе 50 дней¹⁾. За послѣдній годъ мы вовсе не встрѣчаемъ извѣстій о личныхъ набѣгахъ со стороны Ань-да; во главѣ монголовъ, дѣлавшихъ вторженія въ китайскіе предѣлы, стояли Да-лай-сунъ и окружавшіе его князья. Изъ Минъ-ши мы узнаемъ, что Ань-да въ

1) М. Ш. біогр. Янь-бо, 214 цз., 3 л.

то время былъ лично занятъ совѣмъ другимъ дѣломъ. Въ свѣтѣ этого монгольскаго князя въ то время находилось много выходцевъ изъ Китая, отчаянныхъ головорѣзовъ, среди которыхъ выдающуюся роль игралъ Цю-фу (邱富) и Чжоу-юань (周原). Имъ, вѣроятно, надоѣла скитальческая жизнь, которую они должны были вести, пребывая среди монголовъ, и они уговорили Ань-да построить себѣ городъ для постоянного жительства. Мѣсто для него было выбрано въ округѣ Фынъ-чжоу (豐)¹⁾, тамъ, гдѣ стоитъ теперь Гуй-хуа-чэнъ (歸化城) (монг. Куку-хото). Здѣсь возведены были палаты для князя и дома для лицъ, окружавшихъ его. Сдѣлана была даже попытка пріучить кочевниковъ къ осѣдой жизни, и окрестности города были воздѣланы.

Китайскіе перебѣжчики были во многихъ отношеніяхъ полезны монголамъ, — старательно обучали ихъ китайской стратегіи и знакомили со всѣми хитростями и уловками, къ которымъ имѣли обыкновеніе прибѣгать китайцы во время войны. Ань-да сознавалъ, повидимому, пользу ихъ указаній и не предпринималъ ни одного набѣга, не посовѣтовавшись предварительно съ однимъ изъ этихъ китайцевъ. Пребываніе такихъ совѣтниковъ въ свѣтѣ монгольскаго князя очень не нравилось пекинскому правительству, и въ 1555 году были объявлены довольно крупныя награды за головы этихъ китайцевъ²⁾. Ань-да, повидимому, пришлась по вкусу спокойная жизнь во вновь построенномъ имъ городкѣ. Заключить объ этомъ можно изъ того, что, непосредственно вслѣдъ за основаніемъ Гуй-хуа-чэн'а, мы, какъ видѣли выше, не встрѣчаемъ упоминаній о немъ въ разсказахъ китайскихъ историковъ о набѣгахъ, произведенныхъ монголами въ ближайшіе за сими годы на китайскіе предѣлы. Между тѣмъ, набѣги эти продолжались непрерывно. — Въ 1556 году лѣтомъ монголы вторглись съ 30.000 войскомъ въ Сюань-фу. Ю-цзи (遊擊) (оф. чинъ) Чжанъ-хунъ (張紘) вышелъ къ нимъ на встрѣчу и палъ въ

1) По Юань-ди-ли-чжи округъ этотъ находился въ провинціи Чжунъ-шунъ, въ области Да-тунъ.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 21 л.

битвѣ¹⁾. Въ то же время на Юнь-пинъ сдѣлалъ нападеніе Далай-сунь. Онъ вторгся съ 100.000 войскомъ и взялъ, между прочимъ, городъ Гуань-нинъ²⁾. Выступившій противъ него цзунь-бинъ Инь-шань-чжи палъ въ сраженіи³⁾. Зимой произведено было нападеніе на Да-тунъ и Шэнь-си, но менѣе удачно для монголовъ; — начальникъ китайскихъ войскъ Сунь-чао (孫朝) успѣлъ отразить ихъ. Въ числѣ монгольскихъ начальниковъ, дѣлавшихъ въ этомъ году нападенія на китайскіе предѣлы впервые встречаемъ упоминаніе о Ту-ман'ѣ (土蠻)⁴⁾. Въ началѣ 1557 года монголы въ числѣ 20 тысячъ разгромили Да-тунъ, причемъ погибло много китайскихъ военачальниковъ; осенью набѣгъ на эту область былъ повторенъ, причемъ было взято и разрушено не менѣе семидесяти укрѣпленныхъ мѣстъ.

Особенною настойчивостью отличались набѣги, предпринятые монголами въ этомъ году противъ сѣверо-восточныхъ областей имперіи. — Младшій братъ Ань-да, Лао-ба-ду (老把都)⁵⁾, прошелъ съ большимъ войскомъ черезъ Хэ-лю-коу (河流口) и разгромилъ уѣздъ Цянь-ань-сянь (遷安) области Юнь-пинъ-фу⁶⁾. Вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовалъ и Ба-ту-эррѣ⁷⁾. Лѣтомъ эти же монголы вторглись въ Сюань-фу, въ мѣстность Ма-вэй-лянъ (馬尾梁). Зимой того-же 1557 года случился на границѣ инцидентъ, довольно характерно рпеующій существовавшія въ то время отношенія между кочевниками и начальниками пограничныхъ областей. У сына Ань-да, Синь-ай'я (辛愛), была наложница по имени Тао-сунь-чжай (桃松寨), находившаяся въ связи съ однимъ монгольскимъ главаремъ, Шоу-ленъ-гэ (收令哥). Боясь казни за свою неврѣность, она бѣжала къ китайцамъ, прося у нихъ за-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 21 л.

2) У. Б. Д. Ц., 3 цз., 41 л.

3) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 7 л.

4) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 21 л.; Ту-манъ — это несомнѣнно Тумэнь-тайчжи старшій сынъ Дарайсуя. См. Schmidt, op. cit., стр. 200.

5) Вѣроятно Лабукъ-тайчжи Сананъ-сэцэна. См. Schmidt, op. cit., стр. 204.

6) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 21 л.

7) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 7 л.

щиты. Пограничный генераль-губернаторъ Янь-шунь (楊順), думая заслужить одобреніе императора, отправилъ ее въ Пекинъ. Между тѣмъ, Синь-ай обратился по этому поводу съ энергичскимъ протестомъ къ китайцамъ, требуя немедленной выдачи своей наложницы, и, не получивъ удовлетворенія, произвелъ жестокій разгромъ въ Да-тун'ѣ. Боясь какъ бы дѣло не приняло слишкомъ серьезный оборотъ, Янь-шунь прибѣгъ къ слѣдующей уверткѣ: онъ отправилъ въ Пекинъ донесеніе, въ которомъ заявлялъ, что монголы хотятъ обмѣнить Тао-сунь-чжай на двухъ китайскихъ перебѣжчиковъ, служившихъ у Ань-да. Въ Пекинѣ повѣрили этой баснѣ, и монголка была прислана въ лагерь къ генераль-губернатору, который, войдя предварительно въ соглашеніе съ Синь-ай'емъ, выпустилъ ее тайкомъ ночью и велѣлъ идти на западъ; несчастная попала, конечно, въ руки къ поджидавшимъ ее монголамъ и была ими казнена. Въ Пекинѣ-же Янь-шунь донесъ, что Тао-сунь-чжай бѣжала. Расчетъ генераль-губернатора, что такимъ путемъ ему удастся умилостивить непріятеля оказался, однако, несостоятельнымъ. Видя чрезмѣрную трусость Янь-шун'я и убѣдившись въ полномъ его безсиліи, монголы, напротивъ, съ тѣмъ большею настойчивостью продолжали свои наступательныя дѣйствія, причемъ главныя силы ихъ были сосредоточены противъ западныхъ округовъ области Да-тунъ и укрѣпленія Ю-вэй (右衛). Положеніе становилось до такой степени критическимъ, что нѣкоторые изъ приближенныхъ императора подумывали уже о необходимости совершенно оставить на произволъ судьбы эти мѣста и не думать о сохраненіи ихъ. Императоръ не соглашался, однако, съ мнѣніемъ этихъ малодушныхъ совѣтниковъ и настаивалъ на необходимости удержать Ю-вэй. Крѣпость эта, между тѣмъ, едва держалась; — припасы истощились, и жители ѣли своихъ коровъ и лошадей и ломали дома на дрова. Но гарнизонъ держалъ себя храбро и не помышлялъ о сдачѣ. Одинъ изъ засѣвшихъ въ городѣ военачальниковъ, Шань-бяо (尙表), сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ вылазокъ, причемъ захвачены были въ плѣнъ внукъ Ань-да и его зять, а также

одинъ изъ предводителей родовъ. Между тѣмъ, на помощь къ осажденнымъ подоспѣли отправленные изъ Пекина войска подъ начальствомъ губернатора Янь-сюан'я (楊選) и цзунь-бин'а Чжань-ченъ-сюн'я (張承勳). Узнавъ о приближеніи этого отряда, монголы немедленно сняли осаду. Независимо отъ Да-тун'а, монголы дѣлали вторженія еще и въ провинцію Гань-су (уѣздъ Юнь-чанъ-сянь), а также и на ближайшія окрестности Пекина, причѣмъ ими захваченъ былъ городъ Чи-чэнь-сянь. Ту-мань, съ своей стороны, неоднократно нападалъ на Ляо-дунъ. Такіе мелкіе разрозненные набѣги мало удовлетворяли монголовъ. Желая предпринять набѣгъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, два монгольскихъ главара, братъ Ань-да, Лао-ба-ду, и сынъ его, Синь-ай, заключили между собою условіе произвести совмѣстно большое нападеніе. Самый фактъ союза между двумя монгольскими главарями, упоминаемый въ Минъ-ши¹⁾, подтверждается также свѣдѣніями, сообщаемыми У-бянь-дянь-цзэ, гдѣ приведенъ докладъ генераль-губернатора Янь-бо, въ которомъ онъ доноситъ, что Синь-ай заключилъ союзъ съ Хэ-тао'скими монголами (Лао-ба-ду, вѣроятно, кочевалъ именно въ Ордосѣ) и что оба эти князя переходятъ съ мѣста на мѣсто у самой границы²⁾. Свѣдѣніе это представляется интереснымъ въ томъ смыслѣ, что оно даетъ намъ представленіе о взаимныхъ отношеніяхъ между начальниками отдѣльных монгольскихъ родовъ, которые, повидимому, пользовались почти полною самостоятельностью, кочуя въ извѣстныхъ предѣлахъ совершенно изолированно отъ прочихъ племенъ. Если такою самостоятельностью пользовались братъ (Лао-ба-ду) и сынъ (Синь-ай) могущественнаго и энергичнаго Ань-да, который болѣе другихъ монгольскихъ князей имѣлъ возможность проявлять свою власть, то нечего и говорить, что никакой централизаціи власти не могло быть среди племенъ, номинальнымъ главою которыхъ считался Сяо-ванъ-цзы Да-лай-сунъ. Выбравъ своимъ мѣстопр-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 22 л.

2) У. В. Д. Ц. 3 цз., 59 л.

бываніемъ округъ Хуй-чжоу (會)¹⁾, Лао-ба-ду и Синь-ай начали высматривать, гдѣ и когда удобнѣе сдѣлать вторженіе. Въ пограничныя мѣстности были посланы ихъ агенты, которымъ приказано было слѣдить за положеніемъ дѣлъ и распускать слухи, что монголы собираются идти на востокъ. Пограничные начальники повѣрили этимъ слухамъ и отправили свои войска на границу Ляо-дун'а. Между тѣмъ, монголы прошли чрезъ Пань-цзя-коу (潘家) и вторглись въ Цзи-чжоу. Въ томъ же году они сдѣлали нападеніе на Да-тунъ, откуда прошли въ Сюань-фу, гдѣ ими были взяты два города. Только сильные дожди заставили монголовъ удалиться²⁾.

Подъ этимъ же годомъ встрѣчаемъ упоминаніе о нападеніи на мѣстность Ту-му самого Ань-да³⁾, который воспользоваться общимъ замѣшательствомъ, произведеннымъ на границѣ набѣгами его брата и сына. Слѣдующій 1560 годъ былъ также очень неспокойнымъ. Монголы съ большимъ войскомъ стали лагеремъ у Хуй-хэ (灰), недалеко отъ прохода Си-фынь-коу и выжидали удобнаго времени для нападенія.

Этою нерѣшительностью кочевниковъ воспользовался цзунь-бинъ Лю-хань (劉漢);—онъ вышелъ съ небольшимъ отрядомъ изъ Си-фынь-коу и самъ первый напалъ на ставку монголовъ, заставивъ ихъ нѣсколько отступить. Ободренный этимъ успѣхомъ, Лю-хань осенью того-же года смѣло напалъ на самую резиденцію Ань-да, недавно построенную имъ въ мѣстности Фынъ-чжоу, убилъ 150 монголовъ и сжегъ нѣкоторые изъ домовъ. Удачныя дѣйствія этого Лю-хан'я противъ Ань-да произвели, однако, весьма малое впечатлѣніе на остальныхъ монголовъ, продолжавшихъ производить свои опустошительные набѣги на китайскіе предѣлы, какъ въ западной, такъ и въ восточной части границы. На западѣ были разгромлены области Да-тунъ и Янь-

1) Округъ Хуй-чжоу наход. въ предѣлахъ праваго крыла Харачинскаго аймака. Л. Д. Д. Л. Ч.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 22 л.

3) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 19 цз., 9 л.

суй, а на востокѣ Цзи-чжоу¹⁾. Тѣ же непрерывныя вторженія продолжались и въ 1561 году. Еще раннею весною, до вскрытія Хуань-хэ, монголы успѣли сдѣлать нападеніе, переправившись по льду замерзшей рѣки. Китайцы потерпѣли рѣшительное пораженіе и потеряли убитыми многихъ изъ своихъ командировъ. Осенью монголы, по обыкновению, произвели генеральное вторженіе по всей пограничной линіи: на востокѣ Ба-ту-эррѣ разгромилъ Гай-чжоу (蓋州) въ Ляо-дун'ѣ²⁾; у самыхъ стѣнъ Пекина монголы вторглись въ Сюань-фу и Цзюй-юнъ; на крайнемъ же западѣ пострадали области Шань-си и Нинъ-ся. Въ 1562 году особенно частыя нападенія производилъ Ту-мань, кочевавшій на востокѣ, на границѣ Ляо-дун'а; онъ вторгся въ Фу-шунь (撫順), но былъ отбитъ цзунь-бин'омъ Хэй-чун'емъ (黑春). Зимой онъ повторилъ свое нападеніе, причѣмъ осадилъ городъ Фынъ-хуань (鳳凰). Хэй-чунъ снова выступилъ противъ него, но былъ убитъ въ сраженіи при Хай-цзин'ѣ (海金), продолжавшемся двое сутокъ. Въ это-же время Ань-да дѣлалъ нападенія на Шань-си и Нинъ-ся. Съ китайской стороны, противъ него дѣйствовалъ Янь-суй'скій цзунь-бинъ Чжао-гэ (趙哥), который раздѣлилъ свое войско на нѣсколько отрядовъ и дѣйствовалъ довольно удачно противъ кочевниковъ. Тѣмъ не менѣе весною слѣдующаго-же 1563 года монголы снова вторглись въ Сюань-фу, въ мѣстность Ди-шуй-яй, гдѣ съ ними встрѣтился Лю-хань и далъ имъ энергичный отпоръ. Потерпѣвъ неудачу здѣсь, кочевники повернули на востокъ и разгромили Ляо-дунъ³⁾. Между тѣмъ, здѣсь, въ этой восточной части границы происходили довольно серьезныя осложненія въ отношеніяхъ между китайскими властями и главарями трехъ военныхъ поселеній. Китайскіе военачальники вздумали перейти здѣсь въ наступленіе, и въ 1563 г. выступили со своими войсками за Гу-бэй-коу, но были жестоко

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 22 л.

2) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 10 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 23 л.

побиты До-янь'цами и вынуждены были отступить. Ободренный этимъ успѣхомъ одинъ изъ главарей До-янь'скихъ, Тунъ-хань (通罕), непосредственно вслѣдъ за симъ явился съ небольшою свитою къ одному изъ пограничныхъ укрѣпленій и сталъ настойчиво требовать себѣ подарковъ отъ пекинскаго двора. Цзунь-бинъ Ху-чжэнь (胡鎮), къ которому онъ явился, захотѣлъ воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, дабы отличиться предъ начальствомъ, захватилъ довѣрчиваго монгола и отправилъ его къ генераль-губернатору Янь-сюан'ю (楊選). Этотъ Тунъ-хань приходился тестемъ сыну Ань-да, Синь-ай'ю, а потому генераль-губернатору пришлось на умъ воспользоваться его захватомъ для обузданія Синь-ай'я. Несмотря на требованія До-янь'цевъ, онъ не отпускалъ ихъ главаря и велѣлъ передать его сыновьямъ, чтобы они, если желаютъ облегчить положеніе отпа, явились сидѣть вмѣсто него въ качествѣ заложниковъ. Такая мѣра могла, конечно, лишь раздражить урянхайцевъ (къ каковому племени принадлежали, какъ извѣстно и До-янь'цы) и заставила ихъ тѣснѣе сблизиться съ монголами, находившимися подъ главенствомъ Ань-да. Съ тѣхъ поръ, говоритъ историкъ Минъ-ши, урянхайцы сильно разнѣвались и стали служить проводниками у Ань-да при его нападеніяхъ на китайскіе предѣлы¹⁾. Местъ монголовъ за измѣннической захватъ одного изъ ихъ главарей была жестокая. Зимой того-же 1563 года Ба-ту-эррѣ и Синь-ай вторглись чрезъ Цянь-цзы-линъ (牆子嶺)²⁾ и разгромили области Сань-хэ и Шунь-и. Китайскіе войска терпѣли пораженіе за пораженіемъ, такъ что въ столицѣ принуждены были принять чрезвычайныя мѣры предосторожности. Остановить наступленіе монголовъ китайцамъ удалось лишь въ Ми-юн'ѣ (密雲), гдѣ кочевниковъ встрѣтилъ Да-тун'скій цзунь-бинъ Цзянь-инъ-сюнь (姜應熊). Въ Пекинѣ поняли тогда неблагоразуміе поступка Янь-сюан'я, и

1) М. Ш. отд. До-янь, 328 цз., 13 л.

2) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 18 цз., 11 л.

онъ былъ казненъ¹⁾. Въ 1564 году два предводителя восточнаго отдѣла монголовъ, Ту-мань и Хѣй-ши-тань (黑石炭) произвели нападенія на мѣстности, лежащія къ востоку отъ Цзи-чжоу, но безуспѣшно. Случился, повидимому, очень сильный приливъ, залившій на большомъ протяженіи низменные берега Печилійскаго залива, что затрудняло движеніе непріятельскихъ войскъ. Одинъ изъ китайскихъ военачальниковъ, Лю-тао (劉濤), донесъ по этому поводу въ Пекинъ: «при отраженіи враговъ, всѣ китайскіе офицеры выказали храбрость, но главнымъ помощникомъ явилось море, которое поднялось и погубило массу конныхъ непріятелей». Въ благодарность за это императоръ предписалъ мѣстнымъ чиновникамъ принести жертву морю²⁾. Зимой того-же года монголы произвели нападеніе на Шэнь-си, разгромивъ мѣстности Бань-цяо (板橋) и Сянь-чжаэррѣ (響聞兒). Весною слѣдующаго 1565 года было повторено нападеніе на Ляо-дунь, а именно на мѣстности Нинъ-цянь (寧前) и Сяо-туань-шань (小團山), причемъ выступившіе противъ монголовъ китайскіе офицеры были всѣ перебиты. Осенью того же года сынъ (?) Ань-да Хуанъ-тай-цзи (黃台吉) съ отборными всадниками вторгся въ Сюань-фу. Противъ него довольно удачно дѣйствовалъ ба-цзунъ (把總) (офиц. чин.) Цзянь-жу-дунъ (姜汝棟) который ловко устроилъ засаду и и чуть было не захватилъ самаго Хуанъ-тай-цзи. Князь этотъ былъ тяжело раненъ, но вскорѣ оправился. Набѣги эти непрерывно продолжались и въ 1566 году. Въ Минъ-ши отмѣчена подъ этимъ годомъ смерть нѣкоего Цю-фу, китайскаго измѣнника, служившаго у Ань-да³⁾. Видимъ изъ самаго факта упоминанія о смерти Цю-фу, что подобные ему перебѣжки дѣйствительно сильно досаждали своимъ соотечественникамъ, давая монголамъ разные коварные совѣты и указанія. Послѣ смерти Цю-фу, въ ка-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 23 л.

2) У. Б. Д. Ц. 4 цз., 32 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 23 л.

чествѣ такого совѣтника у монголовъ оставался еще Чжао-цюань, который продолжалъ пользоваться большимъ авторитетомъ среди кочевниковъ. Китаецъ этотъ не чуждъ былъ честолюбивыхъ замысловъ, собирався даже объявить Ань-да императоромъ и принялся энергично за возобновленіе недавно сожженныхъ китайцами палатъ въ Гуй-хуа-чэн'ѣ, думая соорудить тамъ еще болѣе великолѣпную резиденцію для своего покровителя. Судьба, однако, не благоприятствовала осуществленію этой затѣи; — были уже заготовлены матеріалы и даже назначенъ день для закладки дворца (положенія стропиль), какъ вдругъ балки были снесены сильнымъ вѣтромъ, причемъ ранено нѣсколько человекъ. Обстоятельство это такъ сильно подѣйствовало на Ань-да, что онъ не посмѣлъ поселиться въ этомъ дворцѣ. Чжао-цюань былъ, повидимому, хорошо знакомъ съ личностями всѣхъ пограничныхъ китайскихъ дѣятелей; ему, напримѣръ, было извѣстно, что ши-лань Тань-лунь, сидѣвшій въ то время правителемъ въ Цзи-чжоу, энергично заботится о содержаніи въ порядкѣ вѣрренныхъ ему укрѣпленій, и потому онъ совѣтовалъ монгольскимъ начальникамъ не трогать этой мѣстности, а лучше направлять нападенія на слабо защищенный Да-тунъ. Ань-да послушался его совѣта и нанесъ китайцамъ нѣсколько серьезныхъ поражений.¹⁾

Глава XII.

Царствованіе императора Лунь-цин'а (隆慶) (1567—1573).

Ань-да успѣшилъ воспользоваться перемѣною царствованія, происшедшаго въ Китаѣ со смертью императора Ши-цзун'а (世宗) и произвелъ грандіозное вторженіе въ предѣлы провинціи Шань-си. Подойдя къ границѣ съ большимъ войскомъ, онъ раздѣлил его на три отряда, по нѣскольку десятковъ тысячъ въ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 24 л.

каждомъ, и вторгся одновременно въ Цзинь-пинь (井坪)¹⁾, Шо-чжоу, Лао-инь (老營) и Пянь-тоу-гуань²⁾. Пограничные начальники не имѣли возможности остановить монголовъ, которые безпрепятственно захватили Фынъ-чжоу (汾) и Ши-чжоу (石)³⁾, причемъ было перебито не мало народа. Кочевники не дѣлали при этомъ никакого различія между мужчинами и женщинами, старыми и молодыми и безчеловѣчно вырѣзали поголовно всѣхъ. Этимъ удобнымъ временемъ воспользоваться урянхайцы; — они заключили союзъ съ Ту-ман'емъ и вмѣстѣ съ нимъ производили нападенія на китайскіе предѣлы. Такимъ образомъ, ими были захвачены Цзи-чжэнь (薊鎮), Фу-нинь (撫寧), Лоутинь (樓亭) и Лу-лунъ (盧龍), причемъ весь этотъ округъ былъ совершенно раззоренъ. Во время этого похода непріятельская конница, выѣхавшая для рекогносцировокъ, подошла почти вплотную къ самому Пекину, что породило панику въ столицѣ. Не смотря на удачу, кочевники не осмѣлились, однако, сдѣлать нападеніе на самый Пекинъ, и, разграбивъ нѣсколько деревушекъ въ ближайшихъ окрестностяхъ его, черезъ три дня начали отступление. Китайскія войска слѣдовали за ними по пятамъ. Во время этого отступленія, случился большой туманъ, вслѣдствіе чего монголы заблудились и попадали въ пропасть. Китайцы успѣли, конечно, воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, живо спустились въ пропасть и поотрѣзали у мертвыхъ и раненыхъ монголовъ головы. Собравъ, такимъ образомъ, достаточно трофеевъ славной побѣды, китайскій полководецъ не постѣснился отправить блестящую реляцію въ Пекинъ⁴⁾. Въ 1568 году главнoзавѣдующимъ дѣлами на западной границѣ былъ назначенъ вице-президентъ военнаго министерства Ванъ-чунъ-гу (王崇古), отличавшійся недюжинными способностями и большою опытно-

1) Находится въ провинціи Шань-си, области Шо-пинь-фу. Л. Д. Д. Л. Ч.

2) Всѣ эти мѣстности приходятся въ Шань-си.

3) Id.

4) Всѣ эти мѣста лежатъ въ Юнь-пинь-фу.

5) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 23 л.

стью въ пограничныхъ дѣлахъ. Этотъ энергичный администраторъ приложилъ всевозможныя старанія для упорядоченія пограничныхъ дѣлъ, которыя дѣйствительно находились въ самомъ плачевномъ положеніи. Начальники китайскихъ гарнизоновъ старались откупаться отъ монголовъ помощью подарковъ и денежныхъ подношеній, а иногда просто заявляли о своей покорности, предоставляя на произволъ буйныхъ кочевниковъ ввѣренныя имъ области и рѣшительно ничего не предпринимая для ихъ защиты. Единственной, всепоглощающей заботой этихъ ревностныхъ администраторовъ и доблестныхъ офицеровъ было полученіе въ возможно широкихъ размѣрахъ наградъ и поощреній изъ Пекина, для достиженія чего пограничные начальники прибѣгали подчасъ къ самымъ возмутительнымъ приемамъ, не останавливаясь даже передъ преступленіями. Такъ, напримѣръ, они убивали китайцевъ, возвращавшихся изъ монгольскаго плѣна и доносили въ Пекинъ, что имъ удалось захватить и казнить китайскихъ измѣнниковъ, проживавшихъ у кочевниковъ. Искорененіемъ подобныхъ безобразій ревностно занялся Ванъ-чунъ-гу; слухи объ его энергичной дѣятельности проникли къ монголамъ и такъ повліяли на нихъ, что въ теченіи 2—3-хъ лѣтъ они не отваживались нападать на границу. Ванъ-чунъ-гу старался по возможности, обезпечивать благосостояніе всѣхъ перебѣжчиковъ отъ кочевниковъ; благодаря этому, въ короткое время къ китайцамъ явилось до 1.000 человекъ разныхъ монголовъ; всѣ они были расселены въ пограничныхъ мѣстностяхъ. Въ ту-же зиму явился къ китайцамъ весьма важный перебѣжчикъ, Ба-хань-на-цзи (把漢那吉), приходившійся внукомъ Ань-да, (онъ былъ сыномъ Тѣ-бэй-тай-цзи (鐵背台吉)¹⁾, третьяго сына Ань-да). Въ младенчествѣ этотъ Ба-хань-на-цзи осиротѣлъ и былъ воспитанъ въ домѣ своего дѣда, Ань-да, женою послѣд-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 29 л. Въ У. Б. Д. Ц. князь этотъ названъ Тѣ-цзѣ-тай-цзи (鐵皆台吉), 10 цз., 45 л.

Когда онъ выросъ, то женился на Би-цзи (比吉), но не поладилъ съ нею и взялъ себѣ другую жену, дочь Ао-эррѣ-ду-сы (禿兒都司) (ордосскаго князя?). Престарѣлый Ань-да прельстился ея красотой и отнял ея у внука. Ба-хань-на-цзи сильно на это разгнѣвался и, прослышавъ, что китайскій генераль-губернаторъ охотно принимаетъ монгольскихъ перебѣжчиковъ, явился въ пограничный постъ съ изъявленіемъ покорности, взявъ съ собою около десяти приближенныхъ людей¹⁾. Принявшій Ба-хань-на-цзи губернаторъ Фань-фынъ-ши (方逢時) доложилъ объ его приходѣ своему начальнику Вань-чунъ-гу, причемъ, съ своей стороны, высказалъ мнѣніе, что слѣдовало-бы приютить этого перебѣжчика. Ба-хань-на-цзи былъ отправленъ къ генераль-губернатору съ эскортомъ въ 500 человекъ²⁾. Обласкавъ монгольскаго князька, Вань-чунъ-гу представилъ въ Пекинъ, по поводу его прихода, докладъ слѣдующаго содержания: «Ань-да въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ свирѣпствуетъ въ пограничныхъ областяхъ и, злоупотребляя собственной силою, притѣсняетъ всѣхъ прочихъ монголовъ. Само небо прогнѣвалось на его беззаконія и даже родственники отдѣляются отъ него. Одинъ изъ нихъ явился къ намъ издалека съ изъявленіемъ покорности. По моему мнѣнію, намъ слѣдуетъ дать ему хорошее жилище, убогаторить его прекраснымъ содержаніемъ, но все время строго слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ какъ нибудь не убѣжалъ. Если Ань-да, узнавъ о переходѣ своего внука къ намъ, подойдетъ къ границѣ и будетъ требовать выдачи его, то намъ слѣдуетъ предложить ему произвести обмѣнъ, а именно обмѣнять Ба-хань-на-цзи на китайскихъ измѣнниковъ, проживавшихъ въ Куку-хото (Бань-шэнь (板升) — какъ тогда этотъ городъ назывался). Если Ань-да согласится на это предложеніе, то можно будетъ честь-честью отпустить Ба-хань-на-цзи, и это будетъ, конечно, самый лучший исходъ дѣла. Въ случаѣ же непокорности со стороны враговъ и нежеланія подчиниться

1) М. Ш. біогр. Вань-чунъ-гу, 222 цз., 8 л.

2) М. Ш. біогр. Фань-фынъ-ши, 222 цз.

этимъ предложеніямъ, имъ можно будетъ пригрозить, что мы убьемъ его внука. Этимъ путемъ намъ удастся конечно запугать монгольскаго владыку, который, изъ опасенія за жизнь Ба-хань-на-цзи, будетъ держать себя смиренно и не осмѣлится производить на границѣ большхъ безпорядковъ. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть время для передышки и получимъ возможность нѣсколько оправиться. Если предположить, наконецъ, что Ань-да будетъ совершенно игнорировать своего внука, то и въ этомъ случаѣ мы можемъ эксплуатировать его переходъ на нашу сторону въ свою пользу. Намъ слѣдуетъ только всячески убогаторить Ба-хань-на-цзи и сдѣлать его своимъ преданнымъ другомъ и союзникомъ. При этомъ мы непременно добьемся того, что многіе изъ людей его племени перейдутъ къ намъ. Всѣхъ этихъ новыхъ пришлецовъ слѣдуетъ отдать подъ начальство Ба-хань-на-цзи, образуя такимъ образомъ цѣлое поколѣніе преданныхъ намъ монголовъ. Затѣмъ должно ожидать удобнаго момента, на примѣръ, смерти Ань-да и вступленія въ управленіе его сына и наследника Синь-ай'я. Тогда слѣдуетъ дать Ба-хань-на-цзи почетный титулъ и внушить ему мысль возвратитъ себѣ остальныхъ изъ бывшихъ подданныхъ его. Изъ за этого у него съ Синь-ай'емъ непременно произойдутъ недоразумѣнія и споры, отъ чего намъ можетъ быть одна лишь польза, такъ какъ монголы будутъ заняты домашними дѣлами и не будутъ имѣть времени производить на наши предѣлы нападенія. Если-же мы поступимъ въ данномъ случаѣ по древнимъ примѣрамъ и казнимъ Ба-хань-на-цзи или отдадимъ его въ рабство кому-нибудь изъ военачальниковъ, то этимъ мы только разгнѣваемъ Ань-да и доставимъ ему удобный поводъ для постоянныхъ нападеній на наши предѣлы.» Обсужденіе этого доклада въ совѣтѣ пекинскихъ министровъ было очень бурнымъ; кончилось оно, однако, тѣмъ, что предложеніе Вань-чунъ-гу, поддержанное двумя Да-сѣ-ши (министрами) одержало верхъ¹⁾. Императоръ пожаловалъ Ба-хань-на-цзи чиновное званіе.

1) М. Ш. біогр. Вань-чунъ-гу, 222 цз., 8 л.

Какъ разъ въ это время Ань-да былъ въ походѣ противъ Турфана¹⁾, но, услышавъ объ измѣнѣ своего внука, быстро вернулся на востокъ и тотчасъ-же сдѣлалъ распоряженіе начать экспедицію противъ Китая. Вань-чунь-гу принялъ мѣры къ встрѣчѣ его и на границѣ было выставлено нѣсколько отборныхъ отрядовъ²⁾. Походъ монголовъ, впрочемъ, не оказался столь грознымъ, какимъ представлялся сначала. Среди самихъ кочевниковъ произошли недоразумѣнія и сынъ Ань-да, Синь-ай, доставившій по обязанности свой контингентъ для совместнаго нападенія на Китай, только показывалъ видъ, что помогаетъ отцу, а на самомъ дѣлѣ думалъ о собственныхъ выгодахъ. Это разномысліе между отцомъ и сыномъ можетъ служить яркою иллюстраціею той децентрализаціи власти, которая господствовала въ то время среди монголовъ. Дѣйствовали они дружно только когда представлялся общій интересъ и возможность легко и быстро пограбить, но когда являлась необходимость вступаться въ интересы какого нибудь отдѣльнаго князя и рисковать встрѣтить при этомъ сильный отпоръ, то всякая солидарность даже между ближайшими родственниками немедленно исчезала. Не надѣясь добиться немедленной выдачи Ба-хань-на-цзи помощью насилія, Ань-да рѣшился прибѣгнуть къ мирнымъ переговорамъ. Принуждали его къ этому, между прочимъ, постоянныя сѣтованія жены его, воспитавшей Ба-хань-на-цзи и страстно желавшей свидѣться съ любимымъ внукомъ³⁾.

На мирныя предложенія Ань-да Вань-чунь-гу отвѣтилъ съ величайшею готовностью, и къ Ань-да былъ отправленъ для переговоровъ переводчикъ Бао-чунь-дэ (鮑崇德). Монгольскій владыка встрѣтилъ его сурово и въ сильномъ гнѣвѣ спросилъ: «Мало-ли я еще поубивалъ вашихъ начальниковъ и офицеровъ

1) Объ этомъ походѣ монголовъ на Турфанъ говорится лишь въ одномъ этомъ мѣстѣ; мы не находимъ упоминанія о немъ ни въ китайской исторіи Турфана, ни у Санань-сэцэна.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 25 л.

3) М. Ш. біогр. Вань-чунь-гу, 222 цз., 9 л.

съ тѣхъ поръ какъ началъ воевать съ вами». Чунь-дэ на это отвѣтилъ: «а всетаки наши офицеры и начальники не могутъ быть приравнены къ твоему внуку; мы теперь именно сильны тѣмъ, что держимъ твоего внука и если ты станешь угрожать намъ, то ускоришь лишь этимъ его смерть». Эта угроза китайскаго посланца подѣйствовала скорѣе успокоительнымъ образомъ на Ань-да, который до того времени находился подъ сомнѣніемъ, живъ-ли Ба-хань-на-цзи. Узнавъ, что онъ цѣлъ и невредимъ, монгольскій князь совѣмъ измѣнился въ обращеніи съ Бао-чунь-дэ, но, не довѣряя китайскому посланцу, послалъ отъ себя человека въ резиденцію генераль-губернатора Вань-чунь-гу посмотрѣть на Ба-хань-я. Вань-чунь-гу велѣлъ одѣть плѣннаго князька въ цвѣтное платье, опоясалъ его золотымъ кушакомъ и въ такомъ облаченіи вывелъ къ монгольскимъ посланцамъ. Вернувшись къ Ань-да, эти посланные рассказали своему повелителю, какъ хорошо обращаются китайцы съ его внукомъ. Ань-да чрезвычайно обрадовался этому, такъ какъ никакъ не ожидалъ такого великодушія отъ своихъ враговъ. Ловкій Чунь-дэ воспользовался этой благопріятной минутой и наметнулъ хану, что Пекинское правительство готово-бы съ радостью произвести обмѣнъ Ба-хань-я на китайскихъ измѣнниковъ, проживавшихъ въ недавно построенномъ по ихъ-же совѣтамъ городѣ Куку-хото. «Если», сказала Чунь-дэ, «Чжао-цюань и прочіе измѣнники утромъ будутъ выданы намъ, то Ба-хань-на-цзи въ тотъ-же день вечеромъ вернется къ вамъ». Услышавъ такое предложеніе, Ань-да выпроводилъ всѣхъ своихъ приближенныхъ и, оставшись съ глазу на глазъ съ Чунь-дэ, сказалъ ему: «Я вовсе не затѣваю ссоръ, а всѣ наши раздоры являлись плодомъ интригъ Чжао-цюань-я и другихъ китайскихъ измѣнниковъ. То обстоятельство, что внукъ мой перешелъ на вашу сторону, можетъ служить удобнымъ предлогомъ для нашего примиренія. Если теперь Сыну Неба угодно будетъ наградить меня княжескимъ титуломъ и сдѣлать меня начальникомъ надъ всѣми сѣверными племенами, то кто изъ нихъ осмѣлится производить смуты? Когда-же я

умру, то внукъ мой долженъ унаслѣдовать мое достоинство. Получивши отъ китайскаго правительства столь великія милости, онъ, конечно, не осмѣлится впоследствии производить смуты». Отвѣтъ Ань-да былъ сообщенъ чрезъ Ванъ-чунъ-гу въ Пекинъ императору. Разговоръ монгольскаго хана съ китайскимъ переводчикомъ, выписанный мною цѣликомъ изъ біографіи Ванъ-чунъ-гу (см. М. Ш. 222 цз., 9 л.), конечно, значительно украсенъ фантазією историка-китайца, желавшаго обрисовать возможно ярче обаяніе, которымъ пользовался Сынъ Неба даже среди кочевниковъ.

Одновременно съ этимъ въ столицу былъ отправленъ монгольскій посланецъ, который передавалъ китайцамъ о мирныхъ стремленіяхъ Ань-да, просилъ отъ его имени наградъ своему повелителю и разрѣшенія открыть кошныя рынки, на которыхъ монголы могли-бы вымѣнивать своихъ лошадей на китайскій шелкъ и холстъ. Немедленно вслѣдъ затѣмъ Ань-да, нежелавшій затягивать дѣло о выдачѣ своего внука, прислалъ къ китайцамъ связанными Чжао-цюан'я и другихъ китайскихъ измѣнниковъ, долго служившихъ у него въ качествѣ искусныхъ совѣтниковъ по всѣмъ китайскимъ дѣламъ¹⁾. Всѣ они были немедленно же казнены на торговой площади²⁾. Послѣ выдачи Чжао-цюан'я и другихъ измѣнниковъ, Чунъ-гу немедленно отправилъ къ Ань-да Ба-хан'я, который по словамъ историка Минъ-ши, никакъ не хотѣлъ уходить отъ китайцевъ, много плакалъ и затѣмъ только откланялся и ушелъ³⁾. Когда Ба-ханъ вернулся, Ань-да съ женою приняли его съ великою радостью и прослезились, похлопавъ укоризненно и любовно по плечу.

Ань-да отправилъ по этому поводу въ Пекинъ благодарственный адресъ, обѣщая не производить набѣговъ на пограничныя области. Ванъ-чунъ-гу было, впрочемъ, извѣстно, что обѣ-

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 15 л.

2) М. Ш. біогр. Ванъ-гуанъ-гу, 223 цз., 9 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 330 цз., 27 л.

щаніе одного Ань-да еще не могло служить полною гарантією мира, а потому онъ послалъ къ монгольскому хану предложеніе, чтобы и другіе главари, а именно Цзи-нынъ (吉能) и Ту-манъ также прислали къ нему съ изъявленіемъ покорности. Ань-да обѣщаль устроить все согласно желанію генераль-губернатора, но Ту-манъ, несмотря на это, всетаки не представилъ никакихъ завѣреній своей покорности¹⁾. Это обстоятельство не смутило, однако, Ванъ-чунъ-гу, который продолжалъ настаивать на необходимости завязать правильныя мирныя сношенія съ кочевниками и представилъ по этому поводу въ Пекинъ докладъ слѣдующаго содержанія: «Если императоръ согласится наградить Ань-да и допустить, чтобы онъ приходилъ съ данью, то во всѣхъ пограничныхъ мѣстностяхъ будетъ, въ продолженіе нѣкотораго времени, царить миръ и спокойствіе. Я воспользуюсь этимъ спокойствіемъ для того, чтобы подготовиться и отдохнуть. Въ эти нѣсколько лѣтъ я успѣю накопить денегъ и откормить солдатъ и тогда, въ случаѣ возникновенія новыхъ ссоръ съ монголами, намъ будетъ не трудно сражаться и оберегать пограничныя земли отъ вражескихъ вторженій. Теперь-же, когда намъ приходится цѣлый годъ сражаться, мы не можемъ достаточно позаботиться о собственной безопасности»²⁾. Обсужденіе этого доклада вызвало весьма бурныя пренія, причемъ многіе изъ министровъ особенно сильно возставали противъ требуемаго монголами, въ случаѣ начатія мирныхъ сношеній, открытія кошныхъ рынковъ. По мнѣнію противниковъ мира, купленное такою цѣною кратковременное спокойствіе должно было самымъ жестокимъ образомъ отозваться впоследствии. Прослышавъ объ оппозиціи со стороны пекинскихъ министровъ своимъ планамъ, Ванъ-чунъ-гу не замедлилъ представить снова въ подробномъ докладѣ свои соображенія: «Прежніе императоры», говорится въ этомъ документѣ, «издавали указы, по которымъ долженъ былъ строго

1) М. Ш. біогр. Ванъ-чунъ-гу, 222 цз., 9 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 25 л.

наказываться всякій, кто-бы осмѣлился только заговорить объ открытіи конныхъ рынковъ. Понятно поэтому, что пограничные чиновники не осмѣливались дѣлать представленій по этому предмету. Дѣло въ томъ, однако, что теперешнія силы враговъ не походятъ на прежнія, также какъ и мощь нашихъ войскъ не можетъ быть сравниваема съ прежнею. Поэтому нельзя дѣлать ссылокъ на повелѣнія прежнихъ государей, къ чему прибѣгаютъ противники мирныхъ переговоровъ. Но даже и прежніе государи, если и запрещали открывать конные рынки, то не дѣлали никакихъ ограниченій по вопросу о дозволеніи кочевникамъ придти съ данью. Въ настоящее время, монголы именно просятъ даровать имъ это разрѣшеніе, а также домогаются открытія конныхъ рынковъ на подобіе тѣхъ, что существуютъ въ Кайюанъ и Гуанъ-нинъ, исключительно для устройства мѣновой торговли лошадьми. Положеніе дѣлъ на границѣ представляется дѣйствительно угрожающимъ. Отецъ Ань-да, онъ самъ, его братья и сыновья въ теченіе 40—50 лѣтъ производятъ смуты на границѣ, которыя иногда достигаютъ такихъ размѣровъ, что угрожаютъ спокойствію самой столицы. Прекратить эти нападенія нѣтъ возможности, главнымъ образомъ, потому, что есть очень много людей, любящихъ болтать и представлять при всякомъ удобномъ случаѣ доклады, что мѣшаетъ дѣйствовать пограничнымъ чиновникамъ. Недавно только Ань-да двинулся на востокъ; въ Пекинѣ этого до такой степени испугались, что городскія ворота были завалены камнями. Это было совсѣмъ недавно, а между тѣмъ теперь многіе уже выражаютъ желаніе, чтобы спокойствіе было непремѣнно гарантировано на 100 лѣтъ. Конечно, это очень трудно, и поручиться за это я не могу. Если же мнѣ не удастся устроить столь продолжительный миръ, то всю вину въ этомъ свалить на меня. Между тѣмъ, самъ Ань-да не можетъ поручиться за то, что случится послѣ его смерти. Конечно, весьма легко отказать Монголамъ въ исполненіи ихъ просьбы. Но что мы будемъ дѣлать, когда кочевники, не получивъ удовлетворенія, уйдутъ недовольные. Положимъ, Ань-да

изъ за Ба-хань-на-цзи въ настоящее время будетъ еще держать себя спокойно, но, во всякомъ случаѣ, Ту-мань и урянхайцы продолжаютъ воровскимъ образомъ шпионить въ Цзи-чжоу и Ляо-дунъ, а Цзи-нынъ и Бинъ-ту (賓兔) (?) производятъ волненія на западной границѣ, и пограничнымъ жителямъ и властямъ рѣшительно нѣтъ времени отдохнуть. На борьбу не хватаетъ ни силъ, ни денегъ. Найдись даже и способный человекъ для этого дѣла, и онъ не будетъ въ состояніи привести все въ порядокъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, слѣдовало бы, по моему мнѣнію, склониться на сторону мира. Въ случаѣ-же возникновенія пререканій по этому вопросу, можно поставить на видъ членамъ оппозиціи, что это вовсе не новое какое-нибудь предложеніе и что нашему правительству никоимъ образомъ не слѣдуетъ уклоняться отъ пріема выраженной покорности, которую желали бы принести иностранныя государства, а напротивъ Сыну Неба слѣдуетъ показать, что онъ великодушенъ и забываетъ прошлыя вины своихъ непокорныхъ данниковъ. Я лично не понимаю, чего собственно добиваются совѣтники правительства¹⁾». Свои соображенія о томъ, какъ именно слѣдуетъ поступить при данныхъ обстоятельствахъ, Вань-чунъ-гу изложилъ въ особой докладной запискѣ, раздѣленной на восемь отдѣльныхъ пунктовъ. Докладъ этотъ привожу здѣсь in extenso: «1) Въ дѣлѣ о награжденіи монголовъ почетными званіями и чиновными степенями должно придерживаться слѣдующаго порядка: начальникъ надъ всѣми родами и племенами, Ань-да, долженъ быть пожалованъ въ ванъ (князя), и ему слѣдуетъ даровать особую печать. Ближайшихъ его родственниковъ, какъ-то Лао-ба-ду, Хуанъ-тай-цзи, а также старшаго сына Цзи-нанъ (吉囊), Цзи-нынъ, слѣдуетъ наградить титуломъ Ду-ду, ихъ же младшимъ братьямъ, племянникамъ, сыновьямъ и внукамъ, какъ-то — У-чжанъ-да-эрр-ханъю (兀慎打兒漢) и другимъ, всего 46 человекамъ, слѣдуетъ пожаловать званіе Чжи-хуйя. Зятей Ань-да слѣдуетъ

1) М. Ш. біограф. Вань-чунъ-гу, 222 цз., 9—10 лл.

наградить чиномъ Цянь-ху (千戶). 2) Должно урегулировать приносимую монголами дань; — имъ слѣдуетъ дозволить являться съ данью лишь одинъ разъ въ годъ, причемъ Ань-да долженъ представлять 10 лошадей и присылать съ ними 10 человекъ; Лаоба-ду, Цзи-нынъ и Хуанъ-тай-цзи по восьми лошадей и четыре человека, а начальники другихъ родовъ, смотря по величинѣ рода: большіе представляютъ четыре лошади, а малые двѣ, причемъ каждый присылаетъ по два человека. Всего-же число лошадей, представляемыхъ въ годъ, не можетъ превышать 500 головъ, число же людей, приходящихъ съ данью, 150 человекъ. Лошади подраздѣляются на три сорта, причемъ лошади перваго сорта, въ количествѣ 30 головъ, представляются императору, за прочихъ же назначается цѣна, смотря по ихъ достоинству, старыя же и худыя вовсе не пропускаются черезъ границу. Изъ посланцовъ могутъ быть пропускаемы въ столицу всего 60 человекъ, всѣ-же прочіе останавливаются въ мѣстахъ пограничныхъ. На деньги, полученные ими за лошадей, посланцы могутъ, по своей волѣ, покупать всякаго рода вещи. При отдариваніи посланцовъ слѣдуетъ руководствоваться правилами существовавшими при отдариваніи инородцевъ, входящихъ въ составъ трехъ военныхъ поселеній, а также Си-фан'ей. 3) Сроки явки посольствъ съ данью слѣдуетъ приурочивать ко дню новаго года или-же ко дню рожденія императора, именно къ тѣмъ днямъ, когда со всѣхъ сторонъ являются ко двору люди съ данью. Пунктомъ сборища посланцовъ должно назначить мѣстность Цзо-вэй (左衛) въ области Да-тунъ-фу; здѣсь ихъ слѣдуетъ досматривать и только по осмотру пропускать. Тѣхъ изъ нихъ, которые останавливаются на границѣ, должно раздѣлять по городамъ, кормить и наблюдать за ними; прочихъ же, идущихъ въ столицу, должно направлять черезъ Цзюй-юнь-гуань. 4) Мѣновая торговля съ инородцами установлена на основаніи закона, изданнаго въ первый годъ правленія Хунъ-чжи (1488 г.). По этому закону въ пограничныхъ мѣстностяхъ трижды въ годъ устраивались рынки для таковой торговли. При этомъ инородцы доставляли на эти торжища золото

серебро, коровъ и лошадей, шкуры, лошадиные хвосты и т. п. Китайскіе же торговцы привозили, съ своей стороны, разные шелка, холсты, котлы. Въ настоящее время для этой торговли должно установить слѣдующія правила: При открытіи рынковъ, на каждой изъ нихъ со стороны монголовъ должно являться не болѣе 300 человекъ и останавливаться они должны вѣ границы; въ каждомъ мѣстѣ торговли напихъ войскъ должно стоять 500 человекъ; торгъ не можетъ продолжаться долѣе одного мѣсяца. Пункты для рынковъ слѣдуетъ установить слѣдующіе: на 3-хъ границахъ Шэнь-си — тамъ, гдѣ раньше были установлены три мѣста съ крѣпостями¹⁾; для мѣстности Да-тунъ слѣдуетъ открыть пунктъ «Лѣвый вэй» (цзо-вэй), у границы Вэй-юань-пу (威遠堡)²⁾, а для мѣстности Сюань-фу въ Вань-цюань-ю-вэй (萬全右衛), у границы Чжалъ-цзя-коу. 5) Солдаты, которые будутъ назначены со стороны монгольской для охраны рынковъ, могутъ быть награждаемы: имъ должно отпускать по два куска холста, а начальникамъ родовъ по два куска атласу и шелка. Если-бы отъ монголовъ явились на границу какіе нибудь посланцы съ добрыми намѣреніями, то слѣдуетъ разсмотрѣть большіе-ли то или малые чиновники и только по выясненію этого вопроса можно награждать и угощать ихъ. 6) Людей, приходящихъ съ намѣреніемъ поддаться, вслѣдствіе дружескихъ отношеній съ монголами, не должно принимать, не дѣлая различія, преступны они или нѣтъ. О плѣнныхъ китайцахъ, которые вернулись бы теперь, должно произвести дознаніе, нѣтъ-ли за ними какихъ либо преступленій, и если нѣтъ, то принимать и оставлять ихъ. 7) Во всемъ, касающемся пограничныхъ дѣлъ, должно твердо установить, что можетъ быть принято за постоянное правило и что за исключеніе. 8) Во всѣхъ этихъ

1) Здѣсь подъ тремя границами Шэнь-си слѣдуетъ несомнѣнно разумѣть всю западную часть сѣверной границы Китая; пункты гдѣ раньше были установлены рынки мнѣ неизвѣстны.

2) Вэй-юань-пу лежитъ въ области Да-тунъ-фу, въ уѣздѣ Тянь-чжэнь-сянь (天鎮).

дѣлахъ должно подавлять и оскоренять ложь¹⁾». По императорскому повелѣнію, докладъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе совѣта. Здѣсь мнѣнія раздѣлились, но большинство совѣта (22 человекъ) были за проектъ, а меньшинство (17 человекъ) высказывались противъ него; наконецъ, 5 человекъ были за то, что можно разрѣшить монголамъ приходить съ данью, но отъ мѣновой торговли должно непременно отказаться. Послѣ продолжительныхъ преній, совѣтъ, въ полномъ составѣ, согласился съ цѣлесообразностью предложенныхъ Вань-чунь-гу мѣръ, но рѣшено было все таки поступить по наружности такъ, будто пекинское правительство можетъ по своей волѣ распоряжаться Ань-да, на самомъ же дѣлѣ должно постараться поладить съ нимъ²⁾. Согласно съ этимъ постановленіемъ издано было императорское повелѣніе, которымъ Ань-да возводился въ степень Шунь-и-ван'а; ему было пожаловано красное парадное платье, расшитое четырехъ-пальми драконами. Кунь-ду-ли-ха (昆都力哈)³⁾, Синь-ай⁴⁾ и Хуань-тай-цзи были возведены въ степени Ду-ду-тунь-чжи (都督同知); каждому изъ нихъ было еще пожаловано по красному платью, расшитому львами. Бинь-ту-тай-цзи и другіе 10 человекъ были возведены въ званіе Чжи-хуй'евъ; Да-эрр-хань-тай-цзи и съ нимъ 18 человекъ получили званіе Чжэнь-пянь-ху, А-бай-тай-цзи и съ нимъ 12 человекъ степень Фу-пянь-ху, Ця-тай-цзи и съ нимъ 2 человекъ степень Бо-ху⁵⁾. Ань-да выслушалъ императорскій указъ весьма почтительно и тотчасъ-же отправилъ въ Пекинъ посланцевъ съ данью, состоявшею изъ лошадей. Императоръ обрадовался такому образу дѣйствій, похвалилъ Ань-да за искренность и пожаловалъ ему еще не мало подарковъ, состоявшихъ изъ золота и шелка; вмѣстѣ съ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 26 л.

2) М. Ш. біогр. Вань-чунь-гу, 222 цз., 10 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 27 л.; Кунь-ду-ли-ха, по объясненію автора Минь-ши, есть Лао-ба-ду.

4) М. Ш. біогр. Вань-чунь-гу, 222 цз., 10 л.

5) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 27 л.

тѣмъ ему была послана печать ван'ская¹⁾. При обсужденіи вопроса о томъ, въ какое время должно устраивать рынки, самымъ благопріятнымъ временемъ была признана осень; — и въ томъ же году рынки были открыты. Когда торгъ былъ оконченъ, оказалось, что куплено было всего 500 съ небольшимъ лошадей. Послѣ закрытія торга, прошедшаго, повидимому, въ полномъ порядкѣ, Ань-да и его родственникамъ было пожаловано по нѣскольکو кусковъ шелковыхъ матерій, каждому смотря по званію. Надо предполагать, что китайцы простерли свою любезность по отношенію къ Ань-да и его родичамъ до крайности, такъ какъ выгоды мира, заключеннаго этимъ монгольскимъ княземъ, позавидовали его западные сосѣди. Кочевавшій въ мѣстностяхъ Хэ-тао и Хэ-си, у сѣверныхъ границъ нынѣшнихъ провинцій Шэнь-си и Гань-су, Цзи-нынъ, приходившійся родственникомъ Ань-да, просилъ о разрѣшеніи и ему торговать въ пограничныхъ мѣстностяхъ²⁾. Въ виду того, что дѣло это касалось провинцій Шэнь-си, обсужденіе его было поручено генералъ-губернатору Вань-чжи-гао (王之誥), который въ отзывѣ своемъ заявилъ, что, по его мнѣнію, можно согласиться удовлетворить просьбу Цзи-нын'а только въ томъ случаѣ, если онъ въ теченіе года или двухъ лѣтъ будетъ воздерживаться отъ грабительскихъ набѣговъ. Вань-чунь-гу также успѣшилъ представить по этому поводу свои соображенія. Онъ доказывалъ необходимость поступить съ Цзи-нын'омъ не иначе, какъ было поступлено съ Ань-да, такъ какъ въ противномъ случаѣ дѣло представлялось бы оконченнымъ лишь на половину: «была бы поймана голова, а руки оставались бы свободными», и если-бы Цзи-нынъ вздумалъ производить грабежи въ Шэнь-си, то бѣдствія, которыя пришлось-бы испытать жителямъ тамошнихъ пограничныхъ областей, были-бы весьма велики. Императоръ согласился съ доводами Вань-чунь-гу, который успѣшилъ призвать со всѣхъ концовъ имперіи купцовъ, для сбыта товаровъ на вновь

1) М. Ш. біогр. Вань-чунь-гу, 222 цз., 10 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 27 л.

открывшійся рынокъ. На сѣверо-западную границу потянулись, такимъ образомъ, купцы изъ очень отдаленныхъ провинцій: Цзянь-си, Цзянь-су, Ху-бэй и Ху-нань въ весьма значительномъ числѣ. Главными товарами, привозившимися изъ Китая, были: холстъ, шелкъ, разныя хлѣбныя зерна, мѣха и котлы. Китайское правительство не замедлило, конечно, установить пошлину за провозъ товаровъ къ границѣ и выручаемая такимъ образомъ деньги дарились монголамъ въ видѣ откупа за спокойствіе¹⁾. Когда торги были окончены, Цзя-нинъ-у было пожаловано званіе Ду-ду-тунъ-чжи²⁾. Подъ 1571 годомъ мы находимъ въ У. Б. Д. Ц. интересное донесеніе Ванъ-чунъ-гу о томъ, въ какомъ порядкѣ прошла торговля на различныхъ пунктахъ границы въ этомъ году. — Въ Да-тунъ-фѣ, въ мѣстности Дэ-шэнь-пу (得勝堡), торгъ происходилъ начиная съ 28 числа 5-й луны по 14 число 6-й луны; за это время въ казенную продажу отъ племени Шунъ-и-вана Ань-да поступило 1.370 лошадей, оцѣненныхъ въ 10.545 ланъ; частнымъ же образомъ продано лошадей, муловъ, ословъ, рогатаго скота и барановъ — 6.000 штукъ. На расходы (по награжденію кочевниковъ) пожаловано 981 лана. Въ мѣстности Синь-пинъ (新平) происходилъ торгъ, начиная съ 5 до 14 числа 7-й луны, причемъ въ казенную продажу отъ племенъ Хуанъ-тай-цзи и Ба-яо-у-чжэнь (擺腰兀慎) поступило 726 лошадей, оцѣненныхъ въ 4.253 ланы, и въ частной продажѣ — лошадей, муловъ, рогатаго скота и барановъ — 3.000 штукъ. На расходъ (по награжденію монголовъ) пожаловано было 560 ланъ. Въ области Сюанъ-фу, въ мѣстности Чжанъ-цзя-коу (нынѣшній Калганъ), торгъ производился съ 13 до 26 числа 6-й луны, причемъ отъ племенъ Кунъ-ду-ли-ха, Юнь-шао-бу (永邵卜) и Да-чэнь (大成) поступило въ казенную продажу 1.913 лошадей, цѣною въ 15.277 ланъ; въ частной же продажѣ лошадей, муловъ, скота рогатаго и барановъ было 9.000; на расходы было

1) М. Ш. біогр. Ванъ-чунъ-гу, 222 цз., 11 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 27 л.

пожаловано 800 ланъ. Въ Шань-си, въ мѣстечкѣ Шуй-цюань-инь (水泉營) въ 8-й лунѣ происходила торговля до 19 числа, причемъ отъ племенъ Ань-да, До-ло (多羅), Ту-мань и Вэй-у-чжэнь (委兀慎) поступило 2.941 лошадь, цѣною въ 16.400 ланъ. Въ частную же продажу поступило разнаго скота 4.000 головъ. На расходы по награжденію монголовъ было пожаловано 1.500 ланъ. Вся торговля прошла безо всякихъ безпорядковъ¹⁾.

Ванъ-чунъ-гу живо принималъ къ сердцу все дѣло сношеній съ монголами. Благодаря лишь его инициативѣ они начались, и онъ принималъ все зависѣвшія отъ него мѣры, дабы упорядочить и развить ихъ. Онъ лично ѣздилъ на границу, объявлялъ тамъ во всеобщее свѣдѣніе императорскіе указы, сулилъ монгольскимъ князьямъ награды за послушаніе и грозилъ наказаніемъ за неповиновеніе. Такой въ своемъ родѣ «дурбаръ» былъ устроенъ энергичнымъ генераль-губернаторомъ въ мѣстечкѣ Хунъ-цзы-пу (弘賜堡). Все начальники племенъ кланялись и слѣшили выражать свою преданность. Съ этого времени воцарилось спокойствіе на всей сѣверной границѣ²⁾.

О мирѣ, заключенномъ Алтанъ-ханомъ (Ань-да) съ китайскимъ императоромъ, мы встрѣчаемъ упоминаніе и у Сананъ-сэ-цэна³⁾.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мѣры, принятія Ванъ-чунъ-гу, сами по себѣ много способствовали водворенію на границѣ спокойствія. Введеніемъ мѣновой торговли и урегулированіемъ вопроса о наградахъ администраторъ этотъ достигъ того, что, какъ князья монгольскіе, такъ и подданные ихъ оставались удовлетворенными. Миръ этотъ покупался китайцами очень недешево, такъ какъ имъ приходилось пріобрѣтать по довольно высокимъ цѣнамъ лошадей, вѣроятно, плохого качества, да кромѣ того щедро задаривать князей, ихъ посланцевъ, даже монголь-

1) У. Б. Д. Ц. 10 цз., 77 л.

2) М. Ш. біогр. Ванъ-чунъ-гу, 222 цз., 11 л.

3) См. Schmidt, op. cit., 210 стр.

скихъ солдатъ, явившихся на торжище. Трудно, однако, предположить, чтобы одними этими мѣрами китайцамъ удалось такъ сильно подѣйствовать на кочевниковъ и сдѣлать изъ этихъ буйныхъ грабителей кроткихъ и мирныхъ сосѣдей. Причину такой рѣзкой переменѣ слѣдуетъ искать во внутренней, духовной жизни самихъ кочевниковъ. Здѣсь несомнѣнно сказывается все усиливавшееся вліяніе буддизма, который исподоволь проникалъ въ Монголію. Уже подь 1547 годомъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о постепенномъ распространеніи вліянія буддизма среди кочевниковъ. О томъ какъ дѣйствовали проповѣдники этой религіи, откуда они являлись и гдѣ сосредоточивали преимущественно свою дѣятельность мы, къ сожалѣнію, ничего не узнаемъ ни изъ монгольскихъ, ни изъ китайскихъ источниковъ. Первое упоминаніе о проникновеніи буддизма въ Монголію встрѣчается у Сананъ-сэцэна подь 1566 годомъ. Подь этимъ годомъ монгольскій лѣтописецъ повѣствуетъ о походѣ, предпринятомъ внучатымъ племянникомъ Алтанъ-хана Хутухтай-сэцэнъ-хунтайчжюемъ¹⁾ (онъ былъ внукомъ Гунъ-бликь-мэргэнъ-чжинонга, брата Алтанъ-хана) въ Тибетъ. Изъ разсказа монгольскаго лѣтописца видно, что тибетцы покорились вслѣдствіе одного лишь страха предъ монголами. Возвращаясь въ Монголію, князь этотъ захватилъ съ собою вмѣстѣ съ другими плѣнными и нѣсколько духовныхъ лицъ, которыя и были, конечно, первыми распространителями ученія Цзонхавы среди монголовъ²⁾. Какъ видно изъ этого разсказа, тибетскіе проповѣдники не слишкомъ охотно шли къ монголамъ, не ожидая встрѣтити среди этихъ воинственныхъ кочевниковъ и безпощадныхъ грабителей охочихъ послѣдователей своей религіи мира и милосердія. Понятіе о монголахъ они составляли себѣ, конечно, по ближайшимъ своимъ сосѣдямъ, разбойничьи шайки которыхъ, свирѣпствовавшія незадолго предъ тѣмъ подь начальствомъ И-бу-

1) Этого Хутухтай-сэцэнъ-хунтайчжюя я склоненъ отождествлять съ Цзунъ-инъ-омъ (Сэцэн-омъ), о которомъ упоминается въ Минъ-ши, какъ о племянникѣ Цзи-нынъ-а (Нояндара-чжинонга).

2) Schmidt, op. cit., 210—212 стр.

ла на берегахъ Кукэ-нора, наводили ужасъ на все окрестное населеніе. Между тѣмъ, тѣ немногіе проповѣдники, которымъ, благодаря тѣмъ или инымъ случаямъ, пришлось попасть къ монголамъ, нашли, повидимому, среди нихъ (особенно представителей высшаго сословія) благодарную почву для воспріятія своего ученія. Тѣмъ не менѣе, монгольскимъ князьямъ не удавалось залучить къ себѣ тибетскихъ ламъ въ достаточномъ количествѣ. Судить объ этомъ можно потому, что тотчасъ же по заключеніи мира съ Китаемъ, Ань-да обращается въ Пекинъ съ ходатайствомъ о присылкѣ ему тибетскаго монаха и священныхъ буддійскихъ книгъ на тибетскомъ языкѣ, писанныхъ золотыми буквами¹⁾. Дальновидный генераль-губернаторъ Ванъ-чунъ-гу не преминулъ обратить вниманіе пекинскаго правительства на религіозныя стремленія монгольскаго князя. Въ своемъ докладѣ по этому предмету онъ упоминаетъ, что буддизмъ какъ религія предписываетъ воздержаніе отъ кровопролитія, раскаяніе въ грѣхахъ и вообще добродѣтельное поведеніе. «Поэтому», заканчиваетъ свое представленіе генераль-губернаторъ, «мы должны способствовать распространенію буддизма среди кочевниковъ и всячески помогать этому». Съ годами Ань-да, по словамъ Минъ-ши, сталъ все больше и больше питать пристрастіе къ буддизму²⁾. Вскорѣ послѣ просьбы о присылкѣ ламы и тибетскихъ священныхъ книгъ, онъ началъ хлопотать о разрѣшеніи построить кумирни въ мѣстности Хай-нанъ (海南) (къ югу отъ озера, не отъ Кукэ-нора-ли?). Императоръ далъ просимое разрѣшеніе и даже пожаловалъ кумирнѣ особое почетное наименованіе.

Ань-да въ это время сталъ по долгу живать у западной части границы, въ мѣстности Цинъ-шань (青山). Двое его сыновей, Бинъ-ту (賓兔) и Бинъ-ту (丙兔), поселились въ западной части провинціи Гань-су; первый въ мѣстности Сунъ-шань (松山), къ сѣверу отъ Лань-чжоу, а второй на Кукэ-норѣ, къ западу отъ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 27 л.

2) У. Б. Д. Ц. 10 цз., 80 л.

Хэ-чжоу¹⁾. Князьки эти отличались гордостью и высокомерием и позволяли себѣ въ сношеніяхъ съ китайскими пограничными властями грубыя и дерзкія выходки. Ань-да, однако, удавалось безъ особаго труда обуздывать подчиненныхъ ему главарей, и вообще, вся западная часть сѣверной границы, гдѣ авторитетъ его былъ довольно значителенъ, была спокойна²⁾. Не то замѣчается на востокѣ; — тамошніе монголы держались совершенно особнякомъ отъ миролюбиваго движенія, охватившаго ихъ собратьевъ. Главари этихъ кочевниковъ, повидному, недовольные миромъ, заключеннымъ Ань-да, собрались подъ знамена Ту-ман'я (несомнѣнно Тумань-тайчжи или Цзасакту-хань Санагъ-сэцэна см. Schmidt, op. cit., стр. 200) котораго Минъ-ши называетъ начальникомъ Чахарскаго племени. Выше (стр. 189) мы уже видѣли, что этотъ Ту-мань не захотѣлъ подчиниться требованію Ванъ-чунъ-гу и не прислалъ посланцевъ въ отвѣтъ на приглашеніе пограничнаго генераль-губернатора. Вокругъ этого главара сгруппировалось еще не мало недовольныхъ. Такимъ образомъ, собралась цѣлая коалиція, состоявшая подъ главенствомъ Ту-ман'я изъ дяди его Хѣй-ши-тап'я (黑石炭), младшаго брата Вэй-чжэнъ да (委正大), двоюродныхъ братьевъ сего послѣдняго Нуань-ту (煖兔) и Гунъ-ту (拱兔), сына Ту-ман'я, Бу-янь-тай'я (卜言台) и племянника его Хуанъ-тай-цзи. Къ этой родственной лигѣ присоединились еще главари сосѣднихъ монгольскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ трехъ военныхъ поселеній, а именно, главари Тай-нин'скаго племени Су-ба-хай (速把亥) и Чао-хуа (炒花) и До-янь'скіе Дунъ-ху-ли и Чанъ-анъ (長昂)³⁾. Понятно, что союзъ этотъ располагалъ не шуточными силами, съ которыми приходилось считаться китайскимъ пограничнымъ властямъ. Эти монгольскіе князья высматривали на границѣ гдѣ что плохо лежитъ и держали въ постоянномъ страхѣ пограничныхъ чиновниковъ и население. Осо-

1) Хэ-чжоу лежитъ въ области Лань-чжоу.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 27 л.

3) М. Ш. біогр. Ли-чэнъ-лян'а, 238 цз., 4—6 лл.

бенно досаждалъ въ этомъ отношеніи китайцамъ Ту-мань, неоднократно вторгавшійся въ сѣверо-восточныя области имперіи¹⁾. Китайскіе пограничные начальники старались, по возможности, удерживать непріятеля и это имъ иногда удавалось. Такъ цзунъ-бинъ Ли-чэнъ-лянъ (李成梁) разбилъ Ту-ман'я у горы Чэ-шань (車山), причемъ было убито до 580 человекъ монголовъ; Шоу-бэй (воен. чин.) Цао (曹) разбилъ враговъ у Чанъ-шэнь-пу (長勝堡)²⁾, но, вообще говоря, побѣдителями все-таки оставались монголы и за время царствованія императора Лунъ-дин'а, а также въ первые годы правленія Ванъ-ли китайцы потеряли въ этой борьбѣ трехъ главнокомандующихъ (Цзянь-цзюн'ей)³⁾.

Глава XIII.

Царствованіе императора Ванъ-ли (萬曆) (1573—1620 гг.)

Частыя, но сравнительно незначительныя нападенія кочевниковъ на границу продолжались во все первые годы правленія Ванъ-ли. Чрезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1577—78 гг.), однако, положеніе дѣлъ нѣсколько обострилось, и набѣги монголовъ стали принимать болѣе серьезный и опасный характеръ. Раннею весною 1578 года двое изъ членовъ коалиціи, о которой упомянуто выше, Ту-мань и Су-ба-хай приготовились произвести большое вторженіе и стали лагеремъ въ мѣстности Пи-шань. Противъ кочевниковъ выступилъ пограничный начальникъ Ли-чэнъ-лянъ, который быстрыми переходами, неожиданно подкрался къ лагерю непріятеля, разгромилъ его и убилъ до 430 монголовъ. Въ третьей лунѣ Ли-чэнъ-лянъ снова разбилъ непріятеля при Чанъ-динъ-пу, причемъ захвачено было еще 470 человекъ монголовъ. Не менѣе удачно

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 27 л.

2) Ibid.

3) М. Ш. біогр. Ли-чэнъ-лян'а, 238 цз., 3 л.

отраженъ былъ и третій набѣгъ, предпринятый монголами лѣтомъ того же 1578 года. На этотъ разъ, къ китайской границѣ подступило значительное войско въ 30 слишкомъ тысячъ человекъ. Они укрѣпились на Ляо-хэ, захватили Дунь-чань-пу (東昌堡) и проникли въ предѣлы имперіи до Ю-чжоу (耀). Ли-чэнъ-лянъ предпринялъ при этомъ обходное движеніе и напалъ на непріятельскія силы, стоявшія у Юань-шан'я (園); въ этомъ сраженіи монголы потеряли убитыми 840 человекъ, захвачено было въ плѣнъ девять предводителей и до 1.100 головъ лошадей. Монголы, стоявшіе подъ Ю-чжоу, услышавъ о такомъ пораженіи, нанесенномъ ихъ сородичамъ, поспѣшно отступили отъ осажденнаго ими города¹⁾.

Несмотря на періодическіе успѣхи китайскаго оружія, набѣги Ту-ман'я и его союзниковъ были, повидимому, очень чувствительны для пограничныхъ областей имперіи; судить объ этомъ можно потому, съ какою радостью было встрѣчено въ Пекинѣ извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Ли-чэнъ-лян'омъ. Императоръ совершилъ по этому случаю поклоненіе въ храмахъ неба и предковъ и лично объявилъ народу о столь радостномъ событіи²⁾. Пораженіе, понесенное монголами, нѣсколько ослабило ихъ воинственный пылъ, и Ту-манъ желалъ послѣдовать примѣру своихъ западныхъ сосѣдей (Ань-да и другихъ князей) и заключить миръ, но китайцы не хотѣли согласиться на такой компромисъ и оставили домогательство Ту-ман'я безъ удовлетворенія. Такой образъ дѣйствій китайцевъ долженъ былъ естественно раздражить монголовъ, которые начиная съ 1579 года предпринимаютъ цѣлый рядъ походовъ на восточную половину сѣверной китайской границы³⁾. Дѣятельными помощниками Ту-ман'я при этихъ набѣгахъ являлись главари урянхайскіе, изъ которыхъ выдающую роль игралъ До-янь'скій начальникъ Дунь-ху-ли и племянники его, которые предъявляли пекинскому двору требованіе

1) М. Ш. біогр. Ли-чэнъ-лян'а, 238 цз., 3 л.

2) М. Ш. отл. Да-дань, 328 цз., 29—30 лл.

3) М. Ш. біогр. Ли-чэнъ-лян'а, 238 цз., 3—4 лл.

о наградахъ и, не получая просимаго, грабили пограничныя области. Въ 1579 году Ту-манъ собралъ вмѣстѣ со своими союзниками до 40 тысячъ войска и произвелъ глубокое вторженіе, проникнувъ въ Цзинь-чуань-инь (錦川營). Противъ него выступилъ китайскій отрядъ подъ начальствомъ Ли-чэнъ-лян'а, Мэнъ-лун'а (夢龍) и Ци-цзи-гуан'а (戚繼光). Монголы не выдержали натиска китайцевъ и повернули обратно¹⁾. Этотъ набѣгъ былъ только первымъ изъ цѣлаго ряда вторженій, предпринятыхъ восточными племенами монголовъ на китайскія пограничныя области. Очень скоро послѣ понесеннаго имъ пораженія, Ту-манъ вмѣстѣ съ урянхайскимъ главаремъ Су-ба-хай'емъ, снова подошелъ къ границѣ и укрѣпился въ мѣстности Хунь-ту-чэнъ (紅土城), распространяя слухъ, что собирается идти на Хай-чжоу; вмѣсто того, опъ вторгся въ Цинь-чжоу и И-чжоу. На этотъ разъ Ли-чэнъ-лянъ снова пустилъ въ ходъ уже испытанный имъ маневръ, — захватилъ небольшой отрядъ отборнаго войска, вышелъ за предѣлы и напалъ на укрѣпленный лагерь непріятели, причемъ захватилъ 470 слишкомъ человекъ монголовъ²⁾. Всѣ набѣги монголовъ, произведенные за это время въ восточной части сѣверной границы, носили скорѣе разбойничій характеръ и брали своею неожиданностью, а никакъ не правильностью и систематичностью; лишь только монголы узнавали о приближеніи китайскихъ правительственныхъ войскъ, они спѣшили отступать передъ ними и появлялись на какомъ-нибудь другомъ, слабо защищенномъ пунктѣ границы. Въ Минь-ши, въ біографіи Ли-чэнъ-лян'а мы находимъ подробное, чуть не помѣсячное перечисленіе всѣхъ этихъ вторженій, передавать каковыя здѣсь было-бы конечно излишне. Достаточно упомянуть, что въ этихъ набѣгахъ принималъ участіе какъ племена, непосредственно подчиненныя Ту-ман'ю, такъ и монголы, входившіе въ составъ трехъ военныхъ поселеній (урянхайцы). Надо думать, что китайское правитель-

1) М. Ш. отл. Да-дань, 327 цз., 27 л.

2) М. Ш. біогр. Ли-чэнъ-лян'а, 238 цз., 4 л.

ство оставалось довольно поведениемъ своихъ пограничныхъ начальниковъ въ этихъ мѣстахъ, такъ какъ главному изъ нихъ Ли-чэнь-лян'у былъ пожалованъ въ награду титулъ Нинъ-юань-бо (寧遠伯)¹⁾.

Между тѣмъ, Ань-да, въ прямую противоположность своимъ восточнымъ сосѣдямъ, со времени заключенія мира, строго придерживался условій его, спокойно велъ свою торговлю съ Китаемъ и относился съ величайшимъ почтеніемъ къ китайскому правительству. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зорко слѣдилъ за всѣми своими подчиненными и, при малѣйшей попыткѣ съ ихъ стороны нарушить миръ, строго расправлялся съ ними, отправляя каждый разъ въ Пекинъ посланцевъ съ извиненіями.

Престарѣлому монгольскому князю было въ то время не до войнъ; онъ вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Хутухтай-сэцэнь-хунтайчжіемъ, занятъ былъ благочестивыми паломничествами къ Кука-пору для торжественной встрѣчи выѣхавшаго къ нему туда буддійскаго первосвященника и распространеніемъ «желтой» вѣры среди своихъ подданныхъ. Подробное описаніе этихъ событій мы находимъ у монгольскаго лѣтописца (см. Schmidt, op. cit., стр. 224 и слѣд.). Китайское правительство, въ лицѣ своихъ пограничныхъ администраторовъ, прекрасно понимало всю выгоду религиознаго увлеченія монгольскаго князя и всячески поощряло всѣ начинанія его въ этомъ направленіи. Въ отвѣтъ на посольства, присылавшіяся монголами въ Пекинъ, и Китайцы часто слали къ монгольскому хану гонцовъ съ щедрыми подарками.

Неудивительно поэтому, что въ Пекинѣ произвело неприятное впечатлѣніе извѣстіе о смерти Алтанъ-хана, послѣдовавшей весною 1582 года²⁾. Китайское правительство приложило особія старанія къ тому, чтобы официальныя поминки по умершемъ князѣ были справлены возможно торжественнѣе. Императоръ отправлялъ семь разъ специальныхъ чиновниковъ для принесенія по-

койному посмертныхъ жертвъ; не поскупился пекинскій дворъ и на посмертные подарки, которыхъ нарочно было отправлено большое количество, дабы всѣ знали о примѣрномъ награжденіи вѣрнаго союзника императора. Вдова покойнаго и сынъ ея Хуанъ-тай-цзи¹⁾ составили, по этому случаю, благодарственную грамоту и отправили ее ко двору вмѣстѣ съ данью, состоявшею изъ лошадей. За это обомъ имъ были пожалованы шелковыя и холщевыя матеріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ изданъ былъ указъ, коимъ Хуанъ-тай-цзи жаловался титулъ покойнаго Ань-да, Шунь-и-ван'а. При этомъ, говоритъ историкъ Минъ-ши, князь этотъ перемѣнилъ свое имя и сталъ называться Ци-цинъ-ха (乞慶哈). Черезъ три года по вступленіи въ управленіе онъ умеръ, при чемъ, по повелѣнію императора, ему были принесены слѣдовавшія по обычаю жертвы²⁾. Сананъ-сэцэнь говоритъ, что Алтанъ-хану наследовалъ сынъ его, Сэнгэ-дугурэнъ-тэмуръ, но китайцы утвердили дарованный имъ Ань-да титулъ Шунь-и-ван'а не за нимъ, а за племянникомъ умершаго князя, Хутухтай-сэцэнь-хунтайчжіемъ. Объясняется это распоряженіе несомнѣнно тѣмъ, что послѣдній князь пользовался среди монголовъ большими извѣстностью и авторитетомъ, а также былъ болѣе ярымъ приверженцемъ вновь введенной религіи Цзонхавы, о распространеніи и утвержденіи коей среди кочевниковъ такъ усиленно хлопотало пекинское правительство.

Изъ разсказа Сананъ-сэцэна мы узнаемъ, что, одновременно съ обращеніемъ въ буддизмъ Алтанъ-хана, принялъ ученіе Цзонхавы въ 1576 году и Тумэнь-тайчжи. Новая религія не успѣла, однако, пустить еще здѣсь глубокихъ корней и ничуть не мѣшала восточнымъ монгольскимъ князьямъ продолжать постоянные набѣги на китайскую территорію. Правда, Тумэнь-тайчжи и его союзники неоднократно выражали желаніе заключить миръ съ ки-

1) Это очевидно, ошибка, такъ какъ Хуанъ-тай-цзи (т. е. Хутухтай-сэцэнь-хунтайчжи) не былъ сыномъ, а племянникомъ Ань-да.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 28 л.

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 28 л.

2) У Сананъ-сэцэна смерть Алтанъ-хана приурочена къ 1583 году.

тайцами, но въ Пекинѣ къ этимъ предложеніямъ относились несочувственно изъ опасенія, что условія мира окажутся, пожалуй, тяжелѣе тѣхъ расходовъ, которые несла казна отъ содержанія на границѣ усиленнаго комплекта войскъ. На сѣверо-восточной границѣ имперіи, война такимъ образомъ не прекращалась, причемъ во главѣ нападавшихъ монголовъ продолжали стоять, кромѣ Ту-ман'я, еще Тай-нин'скій главарь Су-ба-хай и До-янь'скій начальникъ Чанъ-анъ.

Преемникомъ Ци-цинъ-хан'а, т. е. Хутухтай-сэцэнъ-хунтайчжія Минъ-ши называетъ сына его Шу-ли-кэ (捨力克), который вступилъ въ управленіе чрезъ годъ по смерти отца, весною 1587 года¹⁾. Транскрибированное на китайскій ладъ имя Шу-ли-кэ весьма трудно отождествить съ именами какого-либо изъ монгольскихъ князей того времени. Сына Хутухтай-сэцэнъ-хунтайчжія Сананъ-сэцэнъ называетъ Улчжэй-илдучи-дарханъ-багатуромъ, каковое имя не имѣетъ, конечно, и отдаленнаго сходства съ Шу-ли-кэ. Выдающуюся роль въ правленіи Шу-ли-кэ играла жена его, Санъ-нянь-цзы (三娘子), приходившаяся внучкою Ань-да съ женской стороны. По словамъ Минъ-ши, эту Санъ-нянь-цзы Ань-да отнялъ у Ба-ханъ-на-цзы и сдѣлалъ своей любовницей. Такимъ образомъ, она жила съ тремя князьями. Княгиня эта отличалась недюжиннымъ умомъ и несла на себѣ почти всѣ тяготы правленія: она завѣдывала всѣми войсками и усиленно заботилась о соблюденіи порядка въ пограничныхъ мѣстностяхъ имперіи, зорко слѣдя за тѣмъ, чтобы монгольскіе военачальники не производили никакихъ грабежей. Всѣ ее боялись и слушались. Въ благодарность за такую дѣятельность китайцы пожаловали энергичной ханьшѣ титулъ Чжунъ-шунъ-фу-жэнь.

При Шу-ли-кэ среди подчиненныхъ ему монголовъ снова стали пробуждаться прежняя воинственность и страсть къ грабежамъ. Воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ старшаго князя, отправившагося походомъ на западъ, главари монголовъ ко-

чевавшихъ въ Хэ-тао, Чжуанъ-ту-лай (莊秃賴) и другіе, захватили Шуй-танъ (水塘). Въ то же время Бу-ши-ту (卜失土) и Хо-ло-чи (火落赤) осѣли на рѣкахъ Манъ-ла (莽刺) и Нѣ-гунъ (捏工) и неоднократно производили вторженія въ округа Ганъ-чжоу, Лянь-чжоу, Тао-чжоу, Минъ-чжоу и въ Си-нинъ. Происходило это въ 1589 — 90 гг. Вслѣдствіе такого нарушенія мирнаго договора со стороны монголовъ, пекинское правительство приняло, съ своей стороны, репрессивныя мѣры. — Въ 1591 году былъ изданъ указъ, которымъ приказано было остановить торговлю съ племенами, подчиненными Шу-ли-кэ, и прекратить награжденіе послѣдняго. Узнавъ о такомъ распоряженіи, Шу-ли-кэ явился на границу съ повиною и откочевалъ съ своими племенами на востокъ, но Чжуанъ-ту-лай, Бу-ши-ту и другіе продолжали по прежнему производить набѣги въ пограничныхъ мѣстностяхъ. Къ нимъ присоединились и главари племени Минъ-анъ (明安) и Ту-мэй (土昧), которые грабили пограничныя мѣстности области Юй-линь. Выступившіе противъ этихъ послѣднихъ китайскіе отряды дѣйствовали довольно удачно. Въ сраженіяхъ, происшедшихъ между монголами и китайцами, первые потеряли плѣнными и убитыми до 500 человекъ, въ числѣ коихъ находился и князь племени Минъ-анъ. Въ 1592 году начальникъ области Нипъ-ся, Бо-бай (呖字拜) передался на сторону монголовъ и призвалъ къ себѣ Бу-ши-ту, Чжуанъ-ту-лай'я и другихъ монгольскихъ главарей, которые и вторглись съ большимъ войскомъ, но были успѣшно отбиты китайцами, находившимися подъ начальствомъ цзунъ-бин'а Ли-жу-сун'а (李如松)¹⁾. Объ этомъ послѣднемъ походѣ находимъ извѣстіе и у Сананъ-сэцэна²⁾. Князь, названный у китайцевъ Бу-ши-ту, несомнѣнно Бушукту-чжингонгъ монгольскаго лѣтописца. По свѣдѣніямъ Сананъ-сэцэна, Бушукту былъ сыномъ Буянь-багатуръ-хунтайчжія и внукомъ Нояндара-чжингонга. Прочихъ именъ, встрѣчаемыхъ въ этомъ мѣстѣ въ

1) М. Ш. отд. Да-данъ, 327 цз., 28 л.

1) М. Ш. отд. Да-данъ, 327 цз., 28 л.

2) См. Schmidt, op. cit., 258 стр.

Минь-ши, я не могу отождествить ни съ однимъ изъ именъ монгольскихъ князей, перечисленныхъ у Сананъ-сэцэна и дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ Бушукту-чжинонгомъ. О второмъ походѣ, предпринятомъ Бушукту-чжинонгомъ на Китай въ 1594 г. и упоминаемомъ у Сананъ-сэцэна, повѣствуется также и въ Минь-ши. Осенью 1594 года Бу-ши-ту, по словамъ китайскаго историка, вторгся въ Гу-юань. Первые китайскіе отряды, высланные противъ кочевниковъ, терпѣли отъ нихъ пораженія и только Янь-суйскому цзунь-бин'у Ма-гуй'ю (麻貴) удалось остановить движеніе монголовъ и обратить ихъ въ бѣгство. Но чрезъ мѣсяцъ они уже возвратились, и вся Шэнь-си'ская пограничная страна была въ страхѣ¹⁾. Изъ сравненія монгольскаго разсказа объ этомъ нашествіи съ китайскимъ намъ приходится еще лишній разъ убѣдиться въ совершенной добросовѣстности китайскаго историка. Въ самомъ дѣлѣ, — Сананъ-сэцэнъ лишь съ большими подробностями передаетъ о столкновеніяхъ, происшедшихъ въ это время между непріятельскими войсками, при чемъ ни китайцы, ни монголы не имѣли никакого рѣшительнаго перевѣса²⁾.

Всѣ слѣдующіе за тѣмъ годы до 1605 г. переполнены въ лѣтописи Минь-ши перечисленіемъ непрерывныхъ набѣговъ монголовъ по всей границѣ. Такой рѣзкій переходъ отъ полного миролюбія къ воинственности, на ряду съ сообщаемыми монгольскимъ лѣтописцемъ свѣдѣніями объ успѣхахъ буддійской проповѣди въ Монголіи, являются совершенно непоятными. Остается предположить, что горячими поклонниками буддизма являлись одни лишь старшіе князья, которые и приглашали проповѣдниковъ, строили храмы и сооружали кумиры; главная же масса народа оставалась равнодушною къ новой религіи и, лишь только умеръ сильный и пользовавшійся дѣйствительно авторитетомъ и значеніемъ Алтанъ-хань, мелкіе князья и народъ, не видѣвшіе для себя особыхъ выгодъ отъ установленныхъ въ пограничныхъ съ Ки-

таемъ областяхъ торговыхъ сношеній, стали требовать возобновленія прежнихъ войнъ и грабежей. Главные ихъ князья, какъ напримѣръ, Бушукту-чжинонгъ или Тумэнь-тайчжи, являвшіеся ревностными послѣдователями религіи мира и бывшіе щедрыми милостынедателями, не могли, конечно, противиться единодушному желанію своихъ подданныхъ, и принуждены были возобновить старыя нападенія на пограничныя области, удовлетворявшія природную удаль кочевниковъ и доставлявшія имъ значительную добычу.

Какъ ни однообразны разсказы Минь-ши объ этихъ набѣгахъ монголовъ на китайскую границу, но прослѣдить ихъ послѣдовательно представляется тѣмъ не менѣе интереснымъ въ томъ отношеніи, что по нимъ можно составить себѣ понятіе о томъ, какъ группировались въ то время монгольскія племена и которыя изъ нихъ имѣли преобладающее надъ другими значеніе. Въ 1594 году восточное племя Чао-хуа (炒花), (Чахары?) произвело вторженіе въ Чжэнь-у-цу (鎮武堡). Противъ нихъ выступилъ цзунь-бинъ Дунъ-и-юань (董一元), поразившій на голову кочевниковъ и обратившій ихъ въ бѣгство. Въ слѣдующемъ 1595 году главарь Сун'скаго (松) племени (сунниты?) произвелъ нападенія на пограничныя области провинціи Шэнь-си. Противъ него выступилъ мѣстный генераль-губернаторъ Ы-мэнь-сюнь (葉夢熊) и остановилъ монголовъ. Осенью того же года Хай'ское (Кукэ-норское?) племя Юнь-шао-бу произвело вторженіе въ область Си-нинъ. Шэнь-си'скій губернаторъ распорядился устроить засаду, причемъ весьма полезное содѣйствіе было оказано ему мѣстными инородцами подъ начальствомъ Ма-ци-са-бу-эррѣ-цзя (馬其撒卜兒加), помнившими несомнѣнно о притѣсненіяхъ, вынесенныхъ ими отъ монгольскихъ разбойничьихъ шаекъ и радовавшимися случаю отомстить своимъ недавнимъ притѣснителямъ. Засада эта оказалась какъ нельзя болѣе удачною; убито было 683 монгола. Когда императоръ узналъ объ этомъ, онъ чрезвычайно обрадовался и не поскупился на награды побѣдителямъ, причемъ выразилъ особенное удовольствіе, когда ему донесли, что инородцы

1) М. III. отд. Да-дань, 327 пз., 29 л.

2) Schmidt, op. cit., 258—260 стр.

приняли добровольное участие въ этомъ сраженіи. Ободренные этимъ успѣхомъ китайскія пограничныя власти въ слѣдующемъ 1596 году предприняли уже сами походъ въ Монголію и неосознанно напали на лагерь Бу-ши-ту. Кочевники были застигнуты врасплохъ, и китайцамъ удалось захватить значительное количество лошадей, скота и оружія. Одновременно съ симъ главарь Хо-ло-чи въ другой части границы производилъ мелкіе грабежи; тамъ съ монголами сразился цань-цзянь (воен. чинъ) Чжоу-го-чжу (周國柱) и одержалъ побѣду. Осенью три монгольскихъ главара Чжо-ли-ту (著力兔), А-чи-ту (阿赤兔) и Хо-ло-чи сдѣлали нападеніе на западную границу; въ то же время Чао-хуа (Чахары) напали на Гуань-нинъ. Китайскій пограничный начальникъ выступилъ противъ нихъ съ отборнымъ войскомъ и остановилъ ихъ. Въ слѣдующемъ 1597 году они повторили свое нападеніе, при чемъ грабили и убивали безъ счета. Въ то же время Хай'скія (Кукэ-норскія) племена грабили округъ Гань-чжэнь. Племя Чао-хуа оказывалось особенно настойчивымъ и постояннымъ въ своихъ нападеніяхъ. Въ 1598 году эти монголы произвели вторженія въ Ляо-дунъ; выступившій противъ кочевниковъ цзунь-бинъ Ли-жу-сунъ зашелъ слишкомъ далеко, попалъ въ самое гнѣздо враговъ и былъ убитъ. Мѣстный губернаторъ послѣшилъ снарядить экспедицію, дабы отомстить за неудачу, понесенную его подчиненными. Выбравъ удобный моментъ, онъ напалъ съ тылу на Хо-ло-чи и другихъ главарей при Сунъ-шан'ѣ (松山)¹⁾, разбилъ ихъ и возвратилъ захваченныя ими земли. Несмотря на этотъ единичный случай успѣха, можно думать, что китайцамъ приходилось довольно жутко. Судить объ этомъ можно потому, что въ Пекинѣ постарались заключить миръ съ однимъ и притомъ, по словамъ Минъ-ши, самымъ главнымъ изъ монгольскихъ главарей, Шу-ли-кэ; ему было предоставлено торговать на границѣ и, кромѣ того, возобновилась прежняя посылка къ нему

1) Мѣстность Сунъ-шанъ лежала въ предѣлахъ Харачинскаго аймака.

подарковъ. Мѣра эта не привела, однако, къ желаемымъ результатамъ, такъ какъ другіе главари, не получившіе преимуществъ, дарованныхъ Шу-ли-кэ, стали изъяслять на это претензіи, громко выражая неудовольствіе и требуя такого же разрѣшенія и себѣ и, не получая удовлетворенія, производили опустошительныя набѣги на пограничныя области. Особенно энергичными нападеніями отличались Чжо-ли-ту (если это названіе племени, а не князя, то оно походитъ на Цзалайтъ или Цзаругъ) и Ту-манъ. Китайскіе пограничные чиновники, тѣснимые кочевниками, стали обращаться къ своему правительству съ представленіями о желательности открыть возможно большее число конныхъ рынковъ. Есть основаніе предполагать, что ходатайства эти были уважены, такъ какъ непосредственно послѣ того наступаетъ довольно продолжительное затишье, изрѣдко нарушаемое единичными набѣгами отдѣльныхъ главарей. Тогдашнее положеніе дѣлъ въ Монголіи обрисовано довольно характерно въ слѣдующемъ докладѣ пограничнаго генераль-губернатора Сюй-сань-вэй'я (徐三畏): «Племена, кочующія въ Хэ-тао, не сходны съ тѣми изъ монголовъ, которые живутъ къ востоку отъ рѣки. На востокъ всѣ дѣла сосредоточены въ однихъ рукахъ¹⁾. Если вступить съ ихъ начальникомъ въ соглашеніе, то отношенія, разъ завязавшись, не измѣнятся и въ тридцать лѣтъ. Ордосскія же племена раздѣлились на *сорокъ два* отдѣла, изъ которыхъ каждый претендуетъ на наибольшее значеніе и вѣсь. Изъ тамошнихъ главарей Бу-ши-ту пользуется одною лишь пустою славой, будто онъ стоитъ выше другихъ. Хо-ло-чи, кочующій на западъ, очень непостояннаго характера и притомъ отличается положительно ненасытною алчностью. Кочующій въ центрѣ Ба-лянь-тай (擺言太)²⁾, послѣ смерти отца своего Минъ-ан'я (明安)³⁾, ни одного года не пропускалъ безъ того, чтобы не пограбить.

1) Разумѣется, вѣроятно, въ рукахъ Ту-ман'я.

2) Несомнѣнно Буяньтай-еъчи-ноянъ С. С., см. Schmidt, op. cit., 220 стр.

3) Несомнѣнно Минхай-еъчи — С. с. см. Schmidt, op. cit., 220 стр.

На востокъ Ша-цзи (沙計) свелъ дружбу съ Чао-хуа, и всѣ они почти ни одного дня не отдыхаютъ отъ грабежей. Всего народу у ордосскихъ монголовъ есть нѣсколько десятковъ тысячъ, но такъ какъ они раздѣлились на 42 отдѣла, то въ каждомъ не болѣе 2 — 3 тысячъ, а въ нѣкоторыхъ даже всего 1 — 2 тысячи. При веденіи съ ними дѣла должно раздѣлить ихъ силы и принимать приносимую ими дань, причемъ тѣхъ, которые придутъ съ изъявленіемъ покорности раньше, слѣдуетъ милостиво принимать и награждать, прочихъ-же должно прогонять. При всемъ томъ необходимо быть всегда готовыми къ войнѣ, дабы всѣ знали, что Китай силенъ».

Предложенный Сюй-сань-вэй'емъ образъ дѣйствій, повидому, показался правительству цѣлесообразнымъ. Немедленно вслѣдъ за симъ было разрѣшено являться съ данью и производить мѣновую торговлю двумъ главарямъ Цай-сай'ю (宰賽) и Хо-ло-чи¹⁾. Вскорѣ послѣ того, въ 1607 году²⁾ умеръ Шу-ли-кэ бездѣтнымъ, и послѣ его смерти всѣми дѣлами стала завѣдывать его вдова Чжунъ-шунь-фу-жэнь, исполнявшая всѣ обязанности правителя. Видя то значительное вліяніе, которымъ пользовалась энергичная ханьша, наиболѣе сильный изъ монгольскихъ князей, Бу-ши-ту, выразилъ желаніе взять ее себѣ въ жены, но Чжунъ-шунь-фу-жэнь отказала ему. Между тѣмъ, подвѣдомственные ему мелкіе князья, Су-нанъ-тай-цзи (素囊) и У-лу-тай-цзи (五路), не ладили между собою³⁾. Историкомъ Минъ-ши оба эти обстоятельства, выставляются какъ бы причиною того, что китайцы не утверждали за Бу-ши-ту титула Шунь-и-ван'а. Это предположеніе, впрочемъ, вполне подтверждается изъ послѣдующаго изложенія. Въ 1613 году Чжунъ-шунь-фу-жэнь, наконецъ, согласилась на бракъ съ Бу-ши-ту; немедленно вслѣдъ за симъ всѣ главари, восточные и западные, обратились къ императору съ ходатайствомъ о

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 30 л.

2) М. Ш. отд. Бэнь-цзи, 21 цз., 6 л.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 39 л.

назначеніи его ваномъ, и просьба ихъ была уважена. Вскорѣ послѣ того Чжунъ-шунь-фу-жэнь умерла, и вмѣстѣ съ тѣмъ силы Бу-ши-ту начали повидому слабѣть. Вѣрными ему оставались лишь тѣ изъ монголовъ, которые кочевали у границъ Да-тун'а. Многіе же изъ подчиненныхъ ему князей, въ томъ числѣ и помянутые выше Су-нанъ-тай-цзи, У-лу-тай-цзи и другіе сравнялись съ нимъ силами и стали претендовать на самостоятельность. Пекинское правительство, котораго, повидому, уже начинало беспокоить чрезмѣрное усиленіе Бу-ши-ту, поспѣшало воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и, по совѣту генераль-губернатора провинцій Сюань-фу и Да-тун'а, пожаловало всѣмъ этимъ главарямъ почетные титулы и награды¹⁾. Этими мѣропріятіями китайцамъ удалось обезпечить себѣ на нѣкоторое время спокойствіе въ западной и центральной частяхъ границы. Но на востокѣ Чао-хуа (Чахары?) не прекращали своихъ разбойническихъ нападений на пограничныя области. Они дѣйствовали подъ начальствомъ князя Ху-дунь-ту (虎墩兔), потомка юаньскихъ императоровъ. Его предокъ, Да-лай-сунь, сначала кочевалъ у границъ области Сюань-хуа-фу; когда же усилился Ань-да, то онъ, опасаясь его могущества, откочевалъ на рѣку Ляо, захватилъ нѣсколько незначительныхъ поколѣній урянхайскаго племени Фу-юй и неоднократно производилъ набѣги на западныя части области Цзи. Ху-дунь-ту приходился праправнукомъ Да-лай-сун'я²⁾. Набѣги, которые онъ производилъ совмѣстно съ Цай-сай'емъ и Нуань-ту (暖兔), были довольно удачны. Чахары достигли Пинъ-ло и Да-нин'а и потребовали у китайцевъ награды, обѣщая отступить только при условіи полученія ихъ. Пекинское правительство не замедлило исполнить требованіе монголовъ. Успѣхъ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 30—31 л.

2) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 31 л.; Ху-дунь-ту — это несомнѣнно Линдань-багатуръ-тайчжи, извѣстный также подъ именемъ Хутухту-хагана. Саванъ-сэцэнъ даетъ намъ подробную родословную этого хана: онъ былъ сыномъ Манхукъ-тайчжия, внукомъ Буанъ-тайчжия, правнукомъ Тумэнь-тайчжия и праправнукомъ Дарайсунь-кудэнь-тайчжия. См. Schmidt, op. cit., стр. 198—202.

этотъ былъ причиною того, что и западные сосѣди Чахарь, подъ начальствомъ князя Мэнъ-кэ-ши-ли (猛克什力) (вѣроятно одинъ изъ главарей, находившихся подъ главенствомъ Бу-ши-ту), произвелъ нападеніе на Хуай-юань (懷遠)¹⁾, а также Бао-нинь (保寧)²⁾ и Янь-суй. Набѣгъ этотъ оказался, однако, неудачнымъ, — монголы были разбиты китайскими войсками и потеряли убитыми слѣшкомъ 200 человекъ. Вообще западные монголы были довольно несчастливы въ своихъ нападеніяхъ на пограничныя области имперіи и предводитель ихъ, Мэнъ-кэ-ши-ли, терпѣлъ неоднократныя пораженія отъ китайскихъ военачальниковъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этихъ поражений была полная децентрализація власти среди нихъ. Бу-ши-ту, повидимому, уже успѣлъ утратить свой авторитетъ, Мэнъ-кэ-ши-ли — также не могъ достаточно усилиться, и каждый изъ племенныхъ начальниковъ входилъ въ отдѣльныя соглашенія съ китайскимъ правительствомъ. Всѣ они засылали въ Пекинъ посланцовъ съ ходатайствами о разрѣшеніи являться съ данью и производить мѣновую торговлю³⁾. Пекинское правительство съ тѣмъ болѣею готовностью удовлетворяло всѣ такія просьбы монголовъ, что въ то время уже начало обращать на себя вниманіе необычайно быстрое усиленіе маньчжуровъ. Въ 1618 году маньчжуры неожиданно захватили Фу-шунь и Кай-юань⁴⁾. Этимъ моментомъ воспользоваться Чахары, а также племя Най-мань и другія семь поколѣній, которыя поторопились заключить на выгодныхъ для себя условіяхъ оборонительный союзъ съ китайцами, вытребовавъ для себя предварительно солидныя награды. Особенно ловко воспользовался обстоятельствами Ху-дунь-ту, который, какъ можно судить изъ разсказа историка Минъ-ши, отдавалъ въ жертву маньчжурамъ своихъ слабыхъ союзниковъ, Цзай-сай'я, Цзинь-тай-ши (金台什) и другихъ, и, ничѣмъ не рискуя, требовалъ себѣ постоянныхъ

1) Хуай-юань лежалъ въ пров. Гань-су, обл. Нинъ-ся-фу. Л. Д. Д. Л. Ч.

2) Бао-нинь — пров. Шэнь-си, обл. Юй-линь-фу. Л. Д. Д. Л. Ч.

3) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 31 л.

4) Ibid.

субсидій отъ пекинскаго правительства. За 1620 годъ онъ получилъ изъ Пекина не менѣе 40 тысячъ лань, что составляло по тому времени весьма почтенную сумму¹⁾.

Глава XIV.

Правленіе императора Тянь-ци (天啟) (1621—1628) и первые годы правленія императора Чунь-чжэн'а (崇禎) (1628—1634).

Щедрыми подарками китайцамъ удалось, на время по крайней мѣрѣ, обезпечить себѣ спокойствіе со стороны чахарь. Въ началѣ правленія императора Тянь-ци мы не встрѣчаемъ вовсе упоминаній о нападеніяхъ съ этой стороны. Съ 1621 по 1624 г. въ Минъ-ши повѣствуется лишь о мелкихъ набѣгахъ монголовъ на западныя области границы. Здѣсь дѣйствовали со стороны кочевниковъ Цзи-нынъ, Инь-динъ (銀定) и Гу-лю-тай-цзи (古六), производившіе нападенія на пограничныя участки провинцій Шань-си, Шэнь-си и Гань-су, но китайцы безъ особаго труда отражали ихъ. Между тѣмъ добрыя отношенія, царившія между пекинскимъ дворомъ и Ху-дунь-ту (Линданъ-ханомъ) внезапно измѣнились, вслѣдствіе того, что китайцы отказались уплатить алчному монгольскому князю 13.000 лань за какую-то оказанную имъ услугу. Поссорившись съ китайцами, этотъ монгольскій князь въ 1628 г. напалъ прежде всего на своихъ единоплеппниковъ и ближайшихъ сосѣдей Ха-ла-чжэн'ей (哈喇噴) (Харачинъ) и Баянь-тай-цзи, которые, вѣроятно, не хотѣли такъ рѣзко перемѣнять своихъ отношеній къ китайцамъ. Расправившись со своими бывшими союзниками, Ху-дунь-ту двинулся на западъ, напалъ на племена, подчиненныя Бу-ши-ту, нанесъ имъ сильное пораженіе и, упоенный своими побѣдами, вторгнулся въ предѣлы имперіи, а именно въ области Сюань-фу и Да-тунъ. Нападеніе это было настолько серьезно, что императоръ лично прибылъ на границу, въ

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 31 л.

мѣстность Пинь-тай (平臺), потребовалъ къ себѣ генераль-губернатора Вань-сянь-ган'я (王象乾) и приказалъ ему изложить его взгляды на современное положеніе дѣлъ. Разбирая сравнительную силу различныхъ монгольскихъ племенъ, генераль-губернаторъ пришелъ къ тому заключенію, что, конечно, можно было бы найти противовѣсъ для борьбы съ чахарами въ лицѣ всѣхъ другихъ монголовъ, если бы только они сплотились въ тѣсный союзъ¹⁾ Но такъ какъ дѣло это представлялось затруднительнымъ, то, по мнѣнію генераль-губернатора, слѣдовало бы лучше придти къ соглашенію съ чахарами и сдѣлать изъ нихъ себѣ опору противъ нападений какъ всѣхъ прочихъ монголовъ, такъ и маньчжуръ. Императоръ одобрилъ этотъ планъ и Сянь-ган'ю было поручено привести его въ исполненіе. Желая во что бы то ни стало заручиться расположеніемъ Ху-дунь-ту, онъ рѣшилъ заключить съ нимъ договоръ, по которому китайцы обязывались выплачивать ему ежегодно 81.000 ланъ, а чахары обѣщали за это быть вѣрными союзниками имперіи. Въ этомъ дѣлѣ противникомъ предложеннаго Сянь-ган'емъ образа дѣйствій явился Да-тун'скій губернаторъ Чжань-цзунь-хэнь (張宗衡), который представилъ по этому поводу докладъ слѣдующаго содержанія: «Чахары подошли къ границамъ областей Сюань-фу и Да-тунъ, къ мѣстности Синь-чэнъ (新城)²⁾, отстоящей отъ Да-тун'а на разстояніи всего 200 ли. Они оставались тамъ слишкомъ 3 мѣсяца и не осмѣливались произвести вторженіе. Изъ этого можно заключить, что они, вѣроятно, голодны и бѣдны, какъ мы сами (sic) и жили на деньги, которыя получали отъ насъ. Теперь въ теченіе двухъ лѣтъ они не получаютъ ничего, и потому средства ихъ изсякли; они все пріѣли, лошади у нихъ устали и земля ихъ покрылась трупами какъ травой. Теперь Ча-

1) Здѣсь мы имѣемъ въ Минь-ши интересное перечисленіе тѣхъ монгольскихъ племенъ, которыя могли бы составить лигу противъ Чахаръ: на первомъ мѣстѣ поставлено племя Юнь-шао-бу, затѣмъ слѣдуютъ племена, подчиненныя Бу-ши-ту, 36 родовъ До-янь и племя Ха-ла-чжэнь.

2) Леж. въ пров. Шань-си, въ округѣ Дай-чжоу. Л. Д. Д. Л. Ч.

хары смотрятъ на то, чтобъ вступить въ соглашеніе, также какъ люди ожидаютъ урожая. Если мы теперь пошлемъ имъ серебра, холста, коровъ, барановъ, чаю, плодовъ и рису, то какъ разъ исполнимъ лишь ихъ желаніе. Что же касается ихъ дурнаго и беззаконнаго поведенія, то лучше не смотрѣть на него и не слышать о немъ, и если теперь, когда они страстно желаютъ соглашенія съ нами, въ нихъ замѣчаются такія наклонности, то что-же будетъ, когда мы накормимъ ихъ самихъ и ихъ коней! Ихъ самовольство и безразсудство дойдутъ до такихъ крайностей, что и представить себѣ будетъ трудно». Сянь-ганъ, между тѣмъ продолжалъ держаться своего прежняго мнѣнія и доносилъ въ Пекинъ о вредѣ, котораго можно ожидать, если переговоры затянутся или совершенно прекратятся. Въ Пекинѣ, какъ и всегда, предпочли болѣе спокойный образъ дѣйствій, рѣшено было войти въ соглашеніе съ Чахарами, и въ этомъ смыслѣ была послана инструкція на границу. По обыкновенію, эти задабриванія не имѣли никакихъ практическихъ результатовъ, такъ какъ Ху-дунь-ту не удовольствовался уплачиваемою ему китайцами субсидіею и въ слѣдующемъ же 1629 году произвелъ набѣгъ на область Янь-суй и просилъ о пожалованіи ему добавочныхъ наградъ. Китайцамъ лишь съ трудомъ удалось отразить его. Всѣ эти мелкіе набѣги и нападенія монгольскихъ князей, впрочемъ, очень скоро ступшевались предъ грандіознымъ нашествіемъ маньчжуровъ, которые начали сплошное движеніе на югъ въ 1633 году. Всѣ племена монгольскія, кочевавшія у восточныхъ предѣловъ Китая, слѣшили наперерывъ поддаться грознымъ завоевателямъ или бѣжать отъ нихъ возможно дальше. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Ху-дунь-ту съ своими Чахарами, которые не хотѣли подчиняться новымъ завоевателямъ. Онъ потерпѣлъ рядъ поражений отъ маньчжуръ и умеръ въ 1634 году. Весь родъ его попалъ въ руки побѣдителей¹⁾.

Послѣ этого рѣшительнаго пораженія, навесеннаго Чахарами, восточные монголы уже перестали играть всякую самостоятельную

1) М. Ш. отд. Да-дань, 327 цз., 33 л.

роль, которую сохраняютъ еще въ теченіе нѣкотораго времени ихъ западные сосѣди, монголы, кочевавшіе въ предѣлахъ Ордоса. Подробное изложеніе дальнѣйшихъ событій изъ исторіи монголовъ мы находимъ въ китайскихъ источникахъ, относящихся уже ко времени нынѣшней маньчжурской династіи, изученіе коихъ не можетъ входить въ предѣлы настоящаго изслѣдованія.

УКАЗАТЕЛЬ.

- А-ба-тай-цзи, главарь, 194.
 А-бо-ла, id., 140, 141.
 А-дай, князь, 47.
 А-дуань, княжество, 43.
 Ай-цау, монг. военачальникъ, 9.
 Ай-ю-ши-ли-да-ла (Вилицту), монг. князь, 3, 4, 8, 9, 34.
 Акбарджи или Накбарджи, id., 83.
 А-ла-чжи-юань (Алакь-чинсангъ), главарь, 66, 72, 80, 84.
 А-ли, князь, 99, 125, 126, 127, 129.
 А-ло-чу (А-лао-чу), главарь, 102, 104, 105.
 А-лу-тэмуръ, монг. военач., 15.
 А-лу-хунь (Орхонъ), рѣка, 6.
 А-лу-тай, главарь, 32, 33, 35, 36—38—40, 42, 46—49, 50—52.
 Алтань-тобчи, монг. лѣтопись, 2, 9, 33, 39, 46, 71, 83, 89, 147, 148.
 А-му-лань, главарь, 131, 132, 134.
 Ань-да (Алтань-хань), князь, 150—152, 155, 157, 159, 161—165, 168—170, 172, 173, 175, 177, 178, 180, 181, 184, 186, 188, 190, 194, 195, 197, 199, 200, 204, 206, 208, 213.
 Ань-бянь, укрѣпленіе, 86.
 Ань-динь, княжество, 43.
 Ань-кэ-бо-ла, Хамійскій главарь, 138, 141.
 Ань-кэ-тэ-муръ, князь, 43, 44.
 Ань-ло-вань, почетный титуль, 35, 51.
 Ань-чу, монг. главарь, 30, 47.
 Ао-эррѣ-ду-сы (А-эррѣ-ту-сы) Ордосъ, монг. племя, 143, 184.
 А-су, главарь, 95, 96.
 А-тай-хань, монг. князь, 49, 50, 51.
 А-хѣй-ма, турфанскій князь, 129, 130—133, 135, 137, 138, 141.
 А-чжэ-ту, племенной начальникъ, 47.
 А-чи-ту, монг. главарь, 210.
 А-шао, ойратскій кн., 131.
 А-эррѣ-гай-тай, ойратскій перебѣчикъ, 63.
 А-эррѣ-ци-мань, главарь, 149.
 А-эррѣ-ча, ань-динскій кн., 93, 94.
 Ба-ба-тай, шпионъ, плѣнный монголъ, 73.
 Багатуръ-нагурскей, монг. главарь, 147.
 Ба-ду-тай-цзи, главарь, 162.
 Бай-дѣ-ли-ми-ши, id., 136.
 Бай-и-са-ха, id., 128.
 Бай-мяо, мѣстность, 164.
 Бай-я-цзи, хамійскій князь, 141.
 Ба-ла-ма-эррѣ, турфанскій кн., 98.
 Бань-ма-сы-цзѣ, хань-дунскій главарь, 57, 58, 95.
 Бань-цяо, мѣстность, 180.
 Бао-динь-фу, городъ, 19, 21, 30.
 Бао-дэ-чжоу, мѣстность, 6, 22.
 Бао-нинь, id., 213.
 Бао-чжи, главарь, 162.
 Бао-чунь-дэ, толмачъ, 186.

Ба-сы-ко, мѣстность, 131.
 Ба-та-му-эррь, князь, 93, 94, 125.
 Ба-ту-бо-ло, ойратскій вождь, 32, 35, 30, 40, 46.
 Ба-ту-са, главарь, 131.
 Ба-ту-эррь, id., 164, 171, 174, 178, 179.
 Ба-хань-па-дзи, монг. кн., 183—185, 206.
 Ба-эррь-сунь, id., 148, 149, 150.
 Ба-янь-тай, id., 211.
 Ба-янь-тай-дзи, id., 215.
 Байнь-мункэ, князь, 111.
 Ба-ло, главарь, 169.
 Ба-ло-у-чжэнь, племя, 196.
 Билигту-хань, князь, 9.
 Бинь-ту, id., 191, 194, 199.
 Бинь-ту, id., 199.
 Би-дзи, монг. княгиня, 184.
 Бо-бай, начальник области, 207.
 Богонь, главарь, 84.
 Бо-гуй, ши-лань (чин. зв.), 87.
 Бо-гунь, кит. военачальникъ, 88.
 Бо-гэ, главарь, 154.
 Боди-тайчжи, князь, 157.
 Бо-ду-вань, ойратскій предводитель, 91, 92.
 Бо-дэнь, мѣстность, 6.
 Бо-лай, князь, 84—87, 99, 101—103.
 Бо-ло-ху, главарь, 105, 109, 112.
 Бо-лу-пай, id., 105.
 Бо-лянь, название религiи, 169.
 Бо-ху, чиновная степень, 194.
 Бо-цзю-цюань, мѣстечко, 7.
 Бо-юй, кит. военачальникъ, 145.
 Бо-янь-коу, область, 146.
 Бо-янь-мэнь-гэ, область, 118.
 Бо-янь-тэмурь, монг. предводитель, 8, 68, 78.
 Бо-янь-цзинь-шао, мѣстность, 12.
 Бретшнейдеръ, докторъ, ученый изслѣдователь, 2, 34.
 Бу-да-ши-ли, князь, 53, 54, 55.
 Бу-лунь-дзи-эррь-чуань, мѣстность, 127.
 Бу-лѣ-гэ, князь, 92.
 Бу-хуа, монг. полководецъ, 5.

Бухэ-сорсонь, главарь, 80.
 Бу-ши-ту (Бужунту-чжинонгъ), князь, 207, 208, 210—215.
 Бу-эррь-хай (Бурхай), главарь, 148, 150, 152.
 Бу-янь-тай, главарь, 200.
 Бѣ-ши-па-ли (Бишбалыкъ), мѣстность, 33.
 Бэгэрсунь-тайши, главарь, 148.
 Бэй-цинъ-чжоу, округъ, 4.
 Бэнь-я-ши-ли, князь, 33—35, 37.
 Бянь-юнь, губернаторъ, 114.
 Вай-сы, князь, 97, 98.
 Ва-ла, кит. назв. ойратовъ, 32.
 Вань-ао, ши-лань (чин. зв.) 121.
 Вань-бао-бао, полководецъ, 2, 4, 5, 8.
 Вань-би, id., 13, 16.
 Вань-сюнь, цзунь-бинь (офиц. чинь), 146.
 Вань-сянь-гань, генер.-губернаторъ, 216, 217.
 Вань-тай-фу-жэнь, женскiй почетный титуль, 40.
 Вань-фу-жэнь, жепскiй почет. титуль, 40.
 Вань-хо, цзунь-бинь (оф. чинь), 62.
 Вань-хунь, кит. военачальникъ, 87, 88.
 Вань-чжи-гао, генераль-губернаторъ, 195.
 Вань-дзи, кит. военачальникъ, 50.
 Вань-чао-юань, губернаторъ, 130.
 Вань-чжи, придворный совѣтникъ, 74, 81, 82.
 Вань-чжэнь, евпухъ, 66, 67, 75.
 Вань-чунь-гу, администраторъ, 182, 183, 186, 188, 189, 194, 197, 199, 200.
 Вань-юа, военачальникъ, 106, 109, 110, 119, 120, 140.
 Вань-ли, императоръ, 4, 201.
 Вань-сянь, мѣстность, 157.
 Вань-цюань-вэй, мѣстность, 90, 145.
 Вань-цюань-ю-вэй, id., 193.
 Вань-чжэ-бу-хуа, военачальникъ, 9.
 Вань-чжэ-тэмурь, монг. офицеръ, 35.

Ва-сань-та-эррь, монгольскiй главарь, 96.
 Великая стѣна, 23, 25—28, 36.
 Вэй-шинь-хай-дзы, мѣстность, 115, 163.
 Вэй-у-чжэнь, племя, 197.
 Вэй-чжоу, мѣстность, 110, 146.
 Вэй-чжэнь-да, главарь, 200.
 Вэй-юань, мѣстность, 86.
 Вэй-юань-пу, id., 193.
 Вэнь-вань-да, генераль-губернаторъ, 157—159, 161, 163.
 Гай-чжоу, мѣстность, 178.
 Гань-бавь, главарь, 96.
 Гань-галь, рѣка, 91.
 Гань-су, провинция, 2, 3, 24, 26, 27, 42, 43, 50, 51, 59, 61, 72, 87, 94, 103, 115, 119, 124, 138, 141—143, 150, 163, 170, 195, 215.
 Гань-су-синь-цзянь, id., 28.
 Гань-су-шань-дань-бянь, область, 26.
 Гань-чжоу, id., 50, 58, 120, 131, 135, 136, 139, 141, 207.
 Гань-чжоу-вэй, военное поселенiе, 26, 27.
 Гань-чжоу-фу, область, 66.
 Гань-чжэнь, округъ, 210.
 Гао-лань, id., 87.
 Гао-чжоу, id., 7.
 Го-дэнь, военачальникъ, 68, 72.
 Го-дзи, кит. посланецъ, 35.
 Го-цзинь, евпухъ, 67.
 Гуань-пинь, округъ и городъ, 18, 31, 118, 164, 210.
 Гуань-пинь, городъ, 174.
 Гуань-у, мѣстность, 156, 171.
 Гуань-чань, городъ, 170.
 Гуань-туань, плѣнный монголь, 16.
 Гуа-ша-чжоу, мѣстность, 5.
 Гуа-чжоу, округъ, 137.
 Гу-бэй-коу, проходъ, 118, 164, 165, 178.
 Гуй-ли-чи, главарь, 32—34, 44, 45.
 Гуй-хуа-чэнь (монг. куу-хото) городъ, 173, 184.
 Гу-лю-тай-дзи, монг. князь, 215.

Гунь-билнь-мэргэнь-чжяньонгъ (цзл-нань), князь, 151.
 Гунь-ту, главарь, 200.
 Гунь-тэмурь, хань, 31, 32, 34.
 Гу-чу-на, главарь, 149.
 Гу-юань, округъ, 24, 25, 103, 154, 208.
 Гу-юань-чуань, мѣстность, 88.
 Да-дань, кит. назв. вост. монголовъ, 32, 33.
 Дай-цзунь, императоръ, 85.
 Дай-чжоу, проходъ, 22, 158.
 Да-лай-сунь, главарь, 171, 172, 174, 213.
 Да-лань-па-му-эррь (Долонь-норь), мѣстность, 21, 42.
 Далань-тэригунь, возвышенность, 147.
 Далаты, племя, 147.
 Да-ли-ба (Дэлбэкъ-хань), 37—39.
 Да-нинь, область и городъ, 7, 10, 19, 29, 213.
 Дао-ва-да-ши-ли, князь, 54, 55, 59, 60, 92.
 Дао-ма-гуань, проходъ, 20.
 Да-ту-ла, мѣстечко, 134, 135.
 Да-тунь-фу, область, 6, 22, 42, 62, 66, 68, 69, 72, 88, 90, 104, 114, 119, 124, 145, 147, 150, 153, 157, 159, 160, 163, 164, 168, 170, 171, 174, 177, 181, 193, 213, 215, 216.
 Да-ха, главарь, 154.
 Да-цинъ-пу, крѣпость, 154.
 Да-чунь-линъ, мѣстность, 171.
 Да-чэнь, племя, 196.
 Да-ши-яй, мѣстность, 7.
 Да-шуй-гу, id., 157.
 Да-эррь-хань-тайцзи, князь, 194.
 Даянь-хань (Бату-мункэ), id., 113, 117, 144, 147, 148.
 Ди-бао-ну, княжескiй сынъ, 13, 14.
 Динь-жу-куй, кит. военачальникъ, 165.
 Динь-ляо, мѣстность, 143.
 Динь-си, id., 2.

Ди-шуй-лай, id., 163, 178.
 До-до-ли-ли, монг. князь, 7.
 До-ло, монг. племя, 197.
 До-дуань-тэмурь, монг. главарь, 62.
 До-эррь-чжи-ба, военачальникъ, 5.
 До-эррь-чжи-бо, предв. монголовъ, 49—51.
 До-янь, округъ, военное поселение, кит. назв. монг. племени, 15, 18, 20, 30, 52, 90.
 Дуань-тоу-шань, мѣстность, 164.
 Ду-ду, званіе, 92.
 Ду-ду-тунь-чжи, id., 194, 196.
 Дунь-гань-пу, мѣстность, 202.
 Дунь-и-юань, цзунь-бинь (воен. чин.), 209.
 Дунь-ху-ли, главарь, 200, 202.
 Ду-си, званіе, 30.
 Ду-ши-коу, укрѣпленный проходъ, 21, 48, 62, 90.
 Дэ-шэнь-пу, мѣстность, 196.
 Дяо-ля-гоу, id., 50.
 Дяо-яо, городъ, 48.
 Жуй-чжоу, округъ, 7.
 Ибарп-тайши, (И-бу-ла) главарь, 143, 144, 147, 148, 150, 198.
 И-ду, мѣстность, 16.
 И-чжоу, городъ, 203.
 И-лу-бо, начальникъ, 96.
 Инь-ма-хэ (Кэрулэнь), рѣка, 36, 38.
 Инь-цзи-эррь-ча, владѣлец турфана, 97, 98.
 Инь-цзунь, императоръ, 21, 50, 68—70, 79, 85, 86, 92.
 Инь-чань, городъ, 2, 3, 9.
 Инь-чжоу, мѣстность, 146.
 Инь-динь, монг. князь, 215.
 Инь-чань, мѣстность, 41.
 Инь-шань-чжи, цзунь-бинь (офиц. чинь), 174.
 И-пань-дань, ань-дин'скій князь, 93.
 Исама-тайши (И-сы-ма-инь), главарь, 112, 118.
 И-цзи-най-лу, мѣстность, 5, 9, 49, 50.
 Ишигэ, монгольская княгиня, 119.

Такинь, о. синологъ, 2.
 То-мао, цзунь-бинь (оф. чинь), 171.
 То-чжоу, мѣстность, 202.
 Кай-пинь, городъ, 1, 41, 43.
 Кай-юань, мѣстность, 214.
 Кай-юань, городъ, 15, 18, 31, 118, 214.
 Калгань, городъ, 15.
 Каракорумъ, id., 8, 52.
 Китай, 1, 8, 145, 148, 208.
 Ко-луань, озеро, 41.
 Корея, 61.
 Куань-хэ, укрѣпленный городъ, 10.
 Куйланча-багадурь, обратскій князь, 33.
 Кукэ-норь (Си-хай), озеро, 2, 144, 147, 148, 199.
 Кунь-ду-ли-ха, главарь, 194.
 Кунь-цзань, князь, 126.
 Куань-цзи-лай, главарь, 57.
 Ку-юй, вѣрность, 94, 127, 136, 140.
 Лань-тай-цзи, монг. князь, 156.
 Лань-чжунь, чиновн. званіе, 24.
 Лань-чжоу, область и городъ, 2, 5, 24, 25, 87, 136, 155.
 Лань-юй, военачальникъ, 7, 10, 12, 13, 14.
 Лао-ба-ду, монг. главарь, 174, 176, 177.
 Лао-инь, мѣстность, 182.
 Ли-вэнь, погран. начальникъ, 126.
 Ли-вэнь-чжунь, военачальникъ, 3, 4, 5, 7.
 Ли-дай-ди-ли-чжи-юнь-бянь-цзинь-ши, кит. сочиненіе, 5.
 Ли-жу-сунь, военачальникъ, 207, 210.
 Ли-ливь, генераль губернаторъ, 210.
 Ли-чжэнь, цань-цзань (воен. чинь), 160.
 Ливь-бэй, мѣстность, 5.
 Ливь-цю, городъ, 170.
 Ливь-чжань-хань-сѣ-эррь, Ань-дин'скій князь, 93.
 Ливь-чжоу, округъ и городъ, 9, 103.
 Ливь-чунь, кит. военач. 164.

Ли-сянь, министръ, 100.
 Ли-чэнь-лянь, офиц. чинь, 201, 202.
 Ли-ши, ши-лань (чин. зв.), 73.
 Ло-то-шань, гора, 3.
 Ло-ци, кит. чиновн., 73.
 Лоу-тинь, мѣстность, 182.
 Лу-дунь, id., 182.
 Лунь-да-ю, губернаторъ, 156.
 Лунь-дэ, уѣздъ, 103, 142.
 Лунь-мынь-сянь, мѣстность, 157.
 Лунь-динь, императоръ, 181.
 Лунь-пинь, мѣстность, 163.
 Лу-ши, хамійскій главарь, 45.
 Лэнь-коу, мѣстность, 154.
 Лэхуши-ахалаху, ордосскій главарь, 152.
 Люй-цзюй-хэ (кэрулэнь), рѣка, 6, 35, 36.
 Лю-ну, кит. военачальн., 86.
 Лю-сянь, цзунь-бинь (оф. чинь), 124.
 Лю-тао, кит. военач., 180.
 Лю-хань, цзунь-бинь (оф. чинь), 172, 178.
 Лю-цзань, чиновникъ, 115.
 Лю-цзюй, главнокоманд., 106.
 Лю-цю, о-ва, 14.
 Лю-чэнь, княжество, 98.
 Лю-тянь-хэ, ши-лань (чин. зв.), 153.
 Лянь-сянь, городъ, 70.
 Лянь-чжоу, округъ и городъ, 26, 60, 51, 153, 207.
 Лянь-чжоу-вэй, военное поселение, 25, 26.
 Ляо-вань, князь, 16.
 Ляо-дунь, назв. полуострова и области, 6, 10, 17—19, 62, 65, 81, 114, 119, 121, 124, 162, 164, 170, 176, 178, 191, 210.
 Ляо-хэ, рѣка, 101, 202, 213.
 Ляо-янь, городъ, 18.
 Ма-ань, цзунь-бинь (оф. чинь), 143.
 Ма-вэй-лянь, мѣстность, 174.
 Ма-вэнь-шэнь, чиновн., 133, 134, 137.
 Ма-гуй, цзунь-бинь (оф. чинь), 208.
 Ма-гу-кэ-эррь-цзи-сы, князь, 88.

Май-ди-ля-па-ла, князь, 3, 8.
 Ма-лань-гу, мѣстность, 149.
 Ма-лянь-шань, горы, 160.
 Мань-гэ-тэмурь, турфанскій князь, 98.
 Маньдулай-агулху, главарь, 144, 147.
 Мань-ду-лу (Маньдагуль-хань), князь, 107, 108, 109, 110, 113, 119.
 Мань-ла, рѣка, 207.
 Мань-су-эррь, турфанскій султанъ, 141.
 Мань-цзы-ха-ла-чжань, монг. военач., 9.
 Мао-ли-хай, главарь, 85, 103—105, 107.
 Махагурки-хань, кн., 89.
 Ма-ха-му, обратскій вождь, 32, 35, 37, 38—40.
 Ма-цзюнь, кит. чиновн., 126.
 Ма-ци-са-бу-эррь-цзя, породческій главарь, 209.
 Ма-чжэнь, кит. чиновн., 73.
 Ма-эррь-кэ-эррь, монг. князь, 84, 88.
 Ма-эррь-ха-цза, монг. чиновникъ, 32.
 Минь, династія, 1, 3, 6.
 Минь-ань, назв. племени и князя, 207, 211.
 Минь-ши, кит. истор. сочин., 4, 8, 10, 31—33, 47, 54, 62, 68, 85, 86, 89, 101, 103, 107, 112, 114, 117—119, 123, 138, 143, 144, 147, 148, 150, 154, 156, 157, 168, 172, 176, 179, 180, 199, 205, 209, 210, 212, 214, 215.
 Минь, мѣстность, 144.
 Минь-чжоу, область, 207.
 Ми-си-эррь (Египетъ), страна, 98.
 Ми-то-шань, мѣстн., 163.
 Ми-юань, мѣстн., 123, 179.
 Могулистанъ, государство, 98.
 Молонь-хань, князь, 103.
 Му-гуа, гора, 143.
 Му-инь, кит. военачальникъ, 9.
 Мукедь, пров. и городъ, 15.
 Му-на-ди, мѣстность, 83.
 Му-на-шань, мѣстность, 49.
 Мѣ-кэ-ли, племя, 127, 133.

Мэнь-кэ-тэмурь, главарь, 32.
 Мэнь-кэ-ши-ли, монг. князь, 213, 214.
 Мэнь-лунь, кит. военачальникъ, 203.
 Мэнь-гу-ю-му-цзи, китайское соч., 5.
 Мэргусь-хасъ, монг. кн., 89.
 Мэргэнь-чжиновгъ, кн., 156.
 Мяо-куй, евнухъ, 120, 122.

Най-ла-у, военачальникъ, 10.
 Най-мань, монг. племя, 214.
 Най-эррь-бу-хуа, монг. военач., 9, 15, 16.
 На-ма, хань-дун'скій главарь, 57.
 На-вань-бэнь, ань-дин'скій глав., 93.
 Напкинъ, городъ, 1.
 Нань-гэ, шо-чжоу'скій главарь, 58.
 На-хай, предводитель, 115.
 На-ха-чу, главарь, 10.
 На-ху-ли, князь хами, 43, 44.
 Нинь-вань, кит. князь, 15, 29.
 Нинь-ся, область, 24, 25, 106, 120, 122, 153, 159, 170, 171, 178.
 Нинь-у-гуань, проходъ и укрѣпленіе, 22.
 Нинь-у-фу, область и городъ, 6, 22, 145.
 Нинь-цзинь, мѣстность, 103.
 Нинь-цянъ, id., 180.
 Нинь-юань, id., 118.
 Нинь-юань-бо, титулъ, 204.
 Нуань-ту, главарь, 200, 213.
 Ну-вэнь-да-ши-ли, хамійская княгиня, 92—94, 125, 129.
 Нъ-гунь, рѣка, 207.
 Нъ-лѣ-ша, хамійскій чиновн., 92.
 Нъ-цѣ-лай, монг. чиновникъ, 13.
 Нэй-сань-гуань, укрѣпл., 20, 21.
 Нянъ-юй-гуань, мѣстность, 149.

Ойраты, племя, 1, 3, 21, 32, 33, 46.
 Онгону-суба, мѣстность, 107.

Пань-цзя-коу, проходъ, 177.
 Пекинь, городъ, 1, 4, 7, 19, 20, 22, 37—39, 43, 51, 52, 54, 57, 63,

66, 69, 126, 131, 132, 135, 136, 143, 146, 153, 169, 175, 182, 194, 214, 217.
 Печелійскій заливъ, 7, 19, 180.
 Пинь-ло-чэнь, мѣстность, 87, 146, 213.
 Пинь-лу, округъ и городъ, 22, 147, 154.
 Пинь-лянь, мѣстность, 103, 122.
 Пинь-тай, id., 216.
 Пинь-чуань-дунь, id., 169.
 Пинь-шэнь, кит. военачальн., 3, 4, 5, 10.
 Пи-эррь-ма-хэй-ма, ойратскій посланецъ, 74.
 Пу-инь, кит. военачальникъ, 12.
 Пу-юй-эррь-хай, озеро, 12, 13, 14.
 Пу-янь-мынь, проходъ, 166.
 Пянь-тоу-гуань, проходъ и укрѣпл., 22, 123, 182.

Самуръ-тайго, монг. княгиня, 85.
 Санань-сэцэнь, монг. историкъ, 1, 9, 34, 46, 81, 82, 89, 103, 143, 147, 151, 152, 197, 208.
 Сань-гэ, главарь, 56, 93.
 Сань-нянь-цзы, монг. княгиня, 206.
 Савь-хэ, область, 179.
 Савь-цзи-сы, цюй-сян'скій главарь, 56.
 Си-лянь, мѣстечко, 5.
 Си-нинъ, перебѣжчикъ, 70, 73.
 Си-нинъ, область, 207, 209.
 Си-нинъ-вэй, военное поселеніе, 25, 25.
 Синь-хэ, область, 3, 7, 38, 41.
 Синь-ай, монг. князь, 174, 175, 176, 177, 179, 186, 194.
 Синь-пинъ, мѣстность, 196.
 Синь-чэнь, id., 216.
 Си-финь-коу, проходъ и укрѣпл., 90, 154, 177.
 Си-хай-коу (Кукэморскіе разбойники), прозвание монг. племени, 145.
 Су-ба-хай, главарь, 200, 201, 203.
 Су-вань, титулъ, 43.

Суй (т. е. округъ Суй-дэ-чжоу пров. Шэнь-си), 101.
 Су-напъ-тай-цзи, монг. князь, 212, 213.
 Сунниты, племя, 209.
 Сунь-напъ, мѣстность, 144.
 Сунь-шань, мѣстность и гора, 199, 210.
 Сунь-энь, цзунь-бинъ (оф. чинъ), 45.
 Сунь-чао, началън. кит. войскъ, 174.
 Су-чжоу, укрѣпленный городъ, 126, 127, 137, 140.
 Су-чжоу-вэй, военное поселеніе, 26, 27.
 Су-чуань, провинція, 142, 144.
 Сѣ-й-ху-сянь, хамійскій главарь, 136, 138, 140, 141.
 Сюань-дэ, императоръ, 46, 48, 56.
 Сюань-хуа-фу (Сюань-хуа, Сюань-фу), область, 7, 21, 22, 66, 90, 114, 119, 124, 145—147, 150, 153, 157, 158, 160, 166, 168, 170, 171, 173, 177, 178, 180, 193, 213, 215, 216.
 Сюань-цзунъ, императоръ, 49, 108.
 Сюй-да, кит. полководецъ, 1, 2, 4, 5.
 Сюй-нинъ, кит. военачальникъ, 114.
 Сюй-сань-вэй, генераль-губернаторъ, 211, 212.
 Сюй-цзинь, губернаторъ, 137.
 Сюй-цзѣ, кит. чиновникъ, 166.
 Сюй-юнь, кит. командиръ, 87.
 Сянь-чжа-эррь, мѣстность, 180.
 Сянь-ш-ванъ, княжескій титулъ, 35, 51.
 Сянь-цзунъ, императоръ, 101.
 Сянь-шуй-пу, крѣпость, 153.
 Сяо-вань-цзы, кит. наименование монг. князя, 84, 89, 103, 118, 119, 120, 121, 122, 142, 143, 145, 146, 147—151, 157, 161, 170, 176.
 Сяо-лѣ-ту, племя, 133.
 Сяо-гуань-шань, мѣстность, 180.
 Сяо-цзунъ (Хунь-чжи), императоръ, 124.

Сяо-ши-вань, княж. сынъ, 154.
 Сюй-хао, чжи-хуй (оф. чинъ), 154.

Тай-цзу-гао-хуань-ди (императоръ), 34.
 Тай-шань-хуань, званіе плѣнн. императора Инь-цзун'а, 71.
 Тай-юань-фу, мѣстность, 155, 156.
 Тамерланъ, 34.
 Тань-лунь, кит. военачальникъ, 151, 153.
 Тао, мѣстность, 144.
 Тао-сунь-чжай, наложница Синь-ай'я, 174, 175.
 Тао-чжоу, округъ, 207.
 Тибетъ, 56, 58, 144, 198.
 Тимковский, ученый путешественникъ, 2.
 Тогонъ-тэмурь, императоръ, 1—3.
 То-гонъ, сынъ Ма-ха-му, 40, 46, 48, 49, 51—53.
 То-гуань, id., 39.
 То-гу-сы-тэмурь, императоръ, 8, 9, 12, 14, 15, 31, 34.
 То-ло-гань, главарь, 101, 104, 105, 109, 112, 118.
 То-то, сынъ князя На-ху-ли, 44—46, 54.
 То-то, сынъ Ань-да, 166.
 То-то-бу-хуа (Тайсонъ-хань), князь, 47, 52, 63, 64, 65, 72, 80—82, 127.
 То-то-синь-ай, главарь, 163.
 То-то-тэмурь, кн., 54.
 То-хо-чи, полководецъ, 9.
 То-хуань-тэмурь, князь, 53, 54.
 Туань-шань, городъ, 48.
 Ту-бу-шэнь, главарь, 30.
 Ту-ла (Тола), рѣка, 6, 38.
 Ту-ли-тэмурь, князь, 46, 53, 54.
 Ту-мань, монг. племя, 151, 211.
 Ту-мань, главарь, 174, 176, 178, 180, 189, 191, 197, 200, 201, 203.
 Ту-му, мѣстность, 67, 75, 177.
 Ту-мэй, племя, 207.
 Тумэнь-гайчжл, главарь, 205.
 Тунь-хань, id., 179.

Ди-шуй-ай, id., 163, 178.
 До-до-ши-ли, монг. князь, 7.
 До-ло, монг. племя, 197.
 До-луань-тэмурь, монг. главарь, 62.
 До-эрр-чжи-ба, военачальникъ, 5.
 До-эрр-чжи-бо, предв. монголовъ, 49—51.
 До-янь, округъ, военное поселение, кит. назв. монг. племени, 15, 18, 20, 30, 52, 90.
 Дуань-тоу-шань, мѣстность, 164.
 Ду-ду, званіе, 92.
 Ду-ду-тунь-чжи, id., 194, 196.
 Дунь-гань-пу, мѣстность, 202.
 Дунь-и-юань, цзунь-бинь (воен. чинь), 209.
 Дунь-ху-ли, главарь, 200, 202.
 Ду-сы, званіе, 30.
 Ду-ши-коу, укрѣпленный проходъ, 21, 48, 62, 90.
 Дэ-шэнь-пу, мѣстность, 196.
 Дяо-ли-гоу, id., 50.
 Дяо-ло, городъ, 48.
 Жуй-чжоу, округъ, 7.
 Ибярп-тайши, (И-бу-ла) главарь, 143, 144, 147, 148, 150, 198.
 И-ду, мѣстность, 16.
 И-чжоу, городъ, 203.
 И-лу-бо, начальникъ, 96.
 Инь-ма-хэ (Кэрулэнь), рѣка, 36, 38.
 Инь-ци-эрр-ча, владѣлецъ турфана, 97, 98.
 Инь-цзунь, императоръ, 21, 50, 68—70, 79, 85, 86, 92.
 Инь-чань, городъ, 2, 3, 9.
 Инь-чжоу, мѣстность, 146.
 Инь-динь, монг. князь, 215.
 Инь-чань, мѣстность, 41.
 Инь-шань-чжи, цзунь-бинь (офиц. чинь), 174.
 И-лань-дань, ань-дин'скій князь, 93.
 Исама-тайши (И-сы-ма-инь), главарь, 112, 118.
 И-ци-най-лу, мѣстность, 5, 9, 49, 50.
 Ишигэ, монгольская княгиня, 119.

Тавинь, о. синологъ, 2.
 Ю-мао, цзунь-бинь (оф. чинь), 171.
 Ю-чжоу, мѣстность, 202.
 Кай-пинь, городъ, 1, 41, 43.
 Кай-юань, мѣстность, 214.
 Кай-юань, городъ, 15, 18, 31, 118, 214.
 Калгань, городъ, 15.
 Каракорумъ, id., 8, 52.
 Китай, 1, 8, 145, 148, 208.
 Ко-луань, озеро, 41.
 Корея, 61.
 Куань-хэ, укрѣпленный городъ, 10.
 Куйланча-багадурь, ойратскій князь, 33.
 Кукэ-норь (Си-хай), озеро, 2, 144, 147, 148, 199.
 Кунь-ду-ли-ха, главарь, 194.
 Кунь-цзань, князь, 126.
 Кунь-ци-лай, главарь, 57.
 Ку-юй, крѣпость, 94, 127, 136, 140.
 Лань-тай-цзи, монг. князь, 156.
 Лапъ-чжунь, чиновн. званіе, 24.
 Лань-чжоу, область и городъ, 2, 5, 24, 25, 87, 136, 155.
 Лапъ-юй, военачальникъ, 7, 10, 12, 13, 14.
 Лао-ба-ду, монг. главарь, 174, 176, 177.
 Лао-инь, мѣстность, 182.
 Ли-вэнь, пограп. начальникъ, 126.
 Ли-вэнь-чжунь, военачальникъ, 3, 4, 5, 7.
 Ли-дай-ди-ли-чжи-юнь-бянь-цзинь-ши, кит. сочинение, 5.
 Ли-жу-сунь, военачальникъ, 207, 210.
 Ли-ливь, генералъ губернаторъ, 210.
 Ля-чжэнь, дань-цзань (воен. чинь), 160.
 Лянь-бэй, мѣстность, 5.
 Липъ-цю, городъ, 170.
 Липъ-чжань-хань-сѣ-эрр, Ань-дин'-скій князь, 93.
 Липъ-чжоу, округъ и городъ, 9, 103.
 Липъ-чунь, кит. военач. 164.

Ли-сянь, министръ, 100.
 Ли-чэнь-лянъ, офиц. чинь, 201, 202.
 Ли-ши, ши-лань (чин. зв.), 73.
 Ло-то-шань, гора, 3.
 Ло-ци, кит. чиновн., 73.
 Лоу-тинь, мѣстность, 182.
 Лу-лунь, id., 182.
 Лунь-да-ю, губернаторъ, 156.
 Лунь-дэ, уѣздъ, 103, 142.
 Лунь-мынь-сянь, мѣстность, 157.
 Лунь-пинь, императоръ, 181.
 Лунь-цинъ, мѣстность, 163.
 Лу-ши, хамійскій главарь, 45.
 Лэнь-коу, мѣстность, 154.
 Лехуши-ахалаху, ордосскій главарь, 152.
 Люй-цзюй-хэ (кэрулэнь), рѣка, 6, 35, 36.
 Лю-пу, кит. военачальн., 86.
 Лю-сянь, цзунь-бинь (оф. чинь), 124.
 Лю-тао, кит. военач., 180.
 Лю-хань, цзунь-бинь (оф. чинь), 172, 178.
 Лю-цзань, чиновникъ, 115.
 Лю-цзюй, главнокоманд., 106.
 Лю-цю, о-ва, 14.
 Лю-чэнь, княжество, 98.
 Лю-тянь-хэ, ши-лань (чин. зв.), 153.
 Лянь-сянь, городъ, 70.
 Лянь-чжоу, округъ и городъ, 26, 50, 51, 153, 207.
 Лянь-чжоу-вэй, военное поселение, 25, 26.
 Ляо-ванъ, князь, 16.
 Ляо-дунь, назв. полуострова и области, 6, 10, 17—19, 62, 65, 81, 114, 119, 121, 124, 162, 164, 170, 176, 178, 191, 210.
 Ляо-хэ, рѣка, 101, 202, 213.
 Ляо-янь, городъ, 18.
 Ма-ань, цзунь-бинь (оф. чинь), 143.
 Ма-вэй-лянъ, мѣстность, 174.
 Ма-вэнь-шэнь, чиновн., 133, 134, 137.
 Ма-гуй, цзунь-бинь (оф. чинь), 208.
 Ма-гу-кэ-эрр-ци-сы, князь, 88.

Май-ди-ли-па-ла, князь, 3, 8.
 Ма-лапъ-гу, мѣстность, 149.
 Ма-лянъ-шань, горы, 160.
 Мань-гэ-тэмурь, турфанскій князь, 98.
 Мандулай-агулху, главарь, 144, 147.
 Мань-ду-лу (Маньдагуль-хань), князь, 107, 108, 109, 110, 113, 119.
 Мань-ха, рѣка, 207.
 Мань-су-эрр, турфанскій султанъ, 141.
 Мань-цзы-ха-ла-чжань, монг. военач., 9.
 Мао-ли-хай, главарь, 85, 103—105, 107.
 Махагурки-хань, кн., 89.
 Ма-ха-му, ойратскій вождь, 32, 35, 37, 38—40.
 Ма-цзюнь, кит. чиновн., 126.
 Ма-ци-са-бу-эрр-цзя, породческій главарь, 209.
 Ма-чжэнь, кит. чиновн., 73.
 Ма-эрр-кэ-эрр, монг. князь, 84, 88.
 Ма-эрр-ха-ца, монг. чиновникъ, 32.
 Минь, династія, 1, 3, 6.
 Минь-ань, назв. племени и князя, 207, 211.
 Минь-ши, кит. истор. сочин., 4, 8, 10, 31—33, 47, 54, 62, 68, 85, 86, 89, 101, 103, 107, 112, 114, 117—119, 123, 138, 143, 144, 147, 148, 150, 154, 156, 157, 168, 172, 176, 179, 180, 199, 205, 209, 210, 212, 214, 215.
 Минь, мѣстность, 144.
 Минь-чжоу, область, 207.
 Ми-си-эрр (Египетъ), страна, 98.
 Ми-то-шань, мѣстн., 163.
 Ми-юань, мѣстн., 123, 179.
 Могулистанъ, государство, 98.
 Молонь-хань, князь, 103.
 Му-гуа, гора, 143.
 Му-инь, кит. военачальникъ, 9.
 Мукденъ, пров. и городъ, 15.
 Му-на-ди, мѣстность, 83.
 Му-на-шань, мѣстность, 49.
 Мѣ-кэ-ли, племя, 127, 133.

Мэнь-кэ-тэмурь, главарь, 32.
 Мэнь-кэ-ши-ли, монг. князь, 213, 214.
 Мэнь-лунь, кит. военачальникъ, 203.
 Мэнь-гу-ю-му-цзи, китайское соч., 5.
 Мэргусь-хасъ, монг. кн., 89.
 Мэргэнь-чжинонгъ, кн., 156.
 Мяо-куй, еввухъ, 120, 122.

Най-ла-у, военачальникъ, 10.
 Най-мань, монг. племя, 214.
 Най-эррь-бу-хуа, монг. военач., 9, 15, 16.
 На-ма, хань-дун'скій главарь, 57.
 На-вань-бэнь, ань-дин'скій глав., 93.
 Накинъ, городъ, 1.
 Нань-гэ, шо-чжоу'скій главарь, 58.
 На-хай, предводитель, 115.
 На-ха-чу, главарь, 10.
 На-ху-ли, князь хама, 43, 44.
 Нинь-вань, кит. князь, 15, 29.
 Нинь-ся, область, 24, 25, 106, 120, 122, 153, 159, 170, 171, 178.
 Нинь-у-гуань, проходъ и укрѣпленіе, 22.
 Нинь-у-фу, область и городъ, 6, 22, 145.
 Нинь-цзинь, мѣстность, 103.
 Нинь-цянъ, id., 180.
 Нинь-юань, id., 118.
 Нинь-юань-бо, титулъ, 204.
 Нуань-ту, главарь, 200, 213.
 Ну-вэнь-да-ши-ли, хамійская княгиня, 92—94, 125, 129.
 Нъ-гунь, рѣка, 207.
 Нъ-лѣ-ша, хамійскій чиновн., 92.
 Нъ-цѣ-лай, монг. чиновникъ, 13.
 Нэй-сань-гуань, укрѣпл., 20, 21.
 Нянь-юй-гуань, мѣстность, 149.

Ойраты, племя, 1, 3, 21, 32, 33, 46.
 Онгону-суба, мѣстность, 107.

Пань-цзя-коу, проходъ, 177.
 Пекинъ, городъ, 1, 4, 7, 19, 20, 22, 37—39, 43, 51, 52, 54, 57, 63,

66, 69, 126, 131, 132, 135, 136, 143, 146, 153, 169, 175, 182, 194, 214, 217.
 Печелійскій заливъ, 7, 19, 180.
 Пинь-ло-чэнь, мѣстность, 87, 146, 213.
 Пинь-лу, округъ и городъ, 22, 147, 154.
 Пинь-лянь, мѣстность, 103, 122.
 Пинь-тай, id., 216.
 Пинь-чуань-дунь, id., 169.
 Пинь-шэнь, кит. военачальн., 3, 4, 5, 10.
 Пи-эррь-ма-хэй-ма, ойратскій посланецъ, 74.
 Пу-инь, кит. военачальникъ, 12.
 Пу-юй-эррь-хай, озеро, 12, 13; 14.
 Пу-янь-мынь, проходъ, 166.
 Пянь-тоу-гуань, проходъ и укрѣпл., 22, 123, 182.

Самуръ-тайго, монг. княгиня, 85.
 Савань-сэцэнь, монг. историкъ, 1, 9, 34, 46, 81, 82, 89, 103, 143, 147, 151, 152, 197, 208.
 Савь-гэ, главарь, 56, 93.
 Савь-нянь-цзы, монг. княгиня, 206.
 Савь-хэ, область, 179.
 Савь-цзи-сы, цюй-сян'скій главарь, 56.
 Си-лянь, мѣстечко, 5.
 Си-нинъ, перебѣжчикъ, 70, 73.
 Си-нинъ, область, 207, 209.
 Си-нинъ-вэй, военное поселеніе, 25, 25.
 Синь-хэ, область, 3, 7, 38, 41.
 Синь-ай, монг. князь, 174, 175, 176, 177, 179, 186, 194.
 Синь-пинъ, мѣстность, 196.
 Синь-чэнь, id., 216.
 Си-фынь-коу, проходъ и укрѣпл., 90, 154, 177.
 Си-хай-коу (Кукэзорскіе разбойники), прозвание монг. племени, 145.
 Су-ба-хай, главарь, 200, 201, 203.
 Су-вань, титулъ, 43.

Суй (т. е. округъ Суй-дэ-чжоу пров. Шэнь-си), 101.
 Су-напъ-тай-пзи, монг. князь, 212, 213.
 Сунниты, племя, 209.
 Сунь-пань, мѣстность, 144.
 Сунь-шань, мѣстность и гора, 199, 210.
 Сунь-энь, цзунь-бинъ (оф. чинъ), 45.
 Сунь-чао, начальн. кит. войскъ, 174.
 Су-чжоу, укрѣпленный городъ, 126, 127, 137, 140.
 Су-чжоу-вэй, военное поселеніе, 26, 27.
 Су-чуань, провинція, 142, 144.
 Сь-й-ху-сянь, хамійскій главарь, 136, 138, 140, 141.
 Сюань-дэ, императоръ, 46, 48, 56.
 Сюань-хуа-фу (Сюань-хуа, Сюань-фу), область, 7, 21, 22, 66, 90, 114, 119, 124, 145—147, 150, 153, 157, 158, 160, 166, 168, 170, 171, 173, 177, 178, 180, 193, 213, 215, 216.
 Сюань-цзунъ, императоръ, 49, 108.
 Сюй-да, кит. полководецъ, 1, 2, 4, 5.
 Сюй-нинъ, кит. военачальникъ, 114.
 Сюй-сань-вэй, генераль-губернаторъ, 211, 212.
 Сюй-цзинь, губернаторъ, 137.
 Сюй-цзѣ, кит. чиновникъ, 166.
 Сюй-юнь, кит. командиръ, 87.
 Сянь-чжа-эррь, мѣстность, 180.
 Сянь-ш-ванъ, княжескій титулъ, 35, 51.
 Сянь-цзунъ, императоръ, 101.
 Сянь-шуй-цу, крѣпость, 153.
 Сяо-ванъ-цзы, кит. наименование монг. князя, 84, 89, 103, 118, 119, 120, 121, 122, 142, 143, 145, 146, 147—151, 157, 161, 170, 176.
 Сяо-лѣ-ту, племя, 133.
 Сяо-гуань-шань, мѣстность, 180.
 Сяо-цзунъ (Хунь-чжи), императоръ, 124.

Сяо-ши-ванъ, князь. сынъ, 154.
 Сюй-хао, чжи-хуй (оф. чинъ), 154.

Тай-цзу-гао-хуань-ди (императоръ), 34.
 Тай-шань-хуань, званіе плѣнн. императора Инь-цзун'а, 71.
 Тай-юань-фу, мѣстность, 155, 156.
 Тамерланъ, 34.
 Тань-лунь, кит. военачальникъ, 151, 153.
 Тао, мѣстность, 144.
 Тао-сунь-чжай, наложница Синь-ай'я, 174, 175.
 Тао-чжоу, округъ, 207.
 Тибетъ, 56, 58, 144, 198.
 Тимковскій, ученый путешественникъ, 2.
 Тогонъ-тэмурь, императоръ, 1—3.
 То-гонъ, сынъ Ма-ха-му, 40, 46, 48, 49, 51—53.
 То-гуань, id., 39.
 То-гу-сы-тэмурь, императоръ, 8, 9, 12, 14, 15, 31, 34.
 То-ло-гань, главарь, 101, 104, 105, 109, 112, 118.
 То-то, сынъ князя На-ху-ли, 44—46, 54.
 То-то, сынъ Ань-да, 166.
 То-то-бу-хуа (Тайсонъ-хань), князь, 47, 52, 63, 64, 65, 72, 80—82, 127.
 То-то-синь-ай, главарь, 163.
 То-то-тэмурь, кн., 54.
 То-хо-чи, полководецъ, 9.
 То-хуань-тэмурь, князь, 53, 54.
 Туань-шань, городъ, 48.
 Ту-бу-шэнь, главарь, 30.
 Ту-ла (Тола), рѣка, 6, 38.
 Ту-ли-тэмурь, князь, 46, 53, 54.
 Ту-мань, монг. племя, 151, 211.
 Ту-мань, главарь, 174, 176, 178, 180, 189, 191, 197, 200, 201, 203.
 Ту-му, мѣстность, 67, 75, 177.
 Ту-мэй, племя, 207.
 Тумэнь-гайчжл, главарь, 205.
 Тунь-хань, id., 179.

- Тунь-чжоу, городъ, 164.
 Туруфанъ-хара, мѣстность, 81, 83.
 Турфанъ, округъ и городъ, 28, 81, 97, 98, 125—127, 129, 130, 138, 141.
 Ту-цзунь-сюнь, генераль-губернаторъ, 213.
 Ту-чэнь, земляной городъ, 17.
 Тэмурь-чинсангъ, ойратскій главарь, 84.
 Тэтунь-голь, рѣка, 25, 26.
 Тянь-шэпъ, названіе, данное Эселемъ годамъ его правленія, 83.
 Тянь-бао-ну, монг. князь, 13, 14.
 Тянь-ци, императоръ, 215.
 Тянь-шупъ, ib., 85, 102.
- У-бянь-дянь-цзэ, кит. сочиненіе, 4, 96, 104, 176, 196.
 Угэчи-хашага, монг. главарь, 15, 31, 33.
 У-кэ-чжуиъ, кит. военачальникъ, 67.
 У-лу-най, мѣстность, 50.
 Улусъ-болодъ, намѣстникъ, 144, 147, 148.
 У-лу-тай-цзи, монг. князь, 212, 213.
 Улчжэй-тэмурь, ханъ, 33, 34.
 У-ма-шэ, главарь, 131.
 Усахаль-ханъ, 9.
 Успенскій, В. М., синологъ, 2, 33, 89, 144, 148.
 У-ху-на, предвод. ойратовъ, 91, 92.
 У-цзунъ, императоръ, 124.
 У-чжоу, округъ, 6.
- Фань-финъ-ши, губернаторъ, 184.
 Фань-цзя-цзу, главнокомандующій, 155.
 Фа-цюань, буддискій монахъ, 97.
 Фу-винъ, округъ, 7, 182.
 Фу-цянь-ху, воен. чинъ, 194.
 Фу-шунъ, мѣстность, 178, 214.
 Фу-ю-дэ, военачальникъ, 5, 10, 16.
 Фу-юй, племя и военное поселеніе, 15, 18, 20, 30, 90, 213.
 Фу-юй, укрѣпленный городъ, 10.
 Фынъ-хуанъ, городъ, 178.
 Фынъ-чжоу, округъ, 173, 177, 182.
- Хагурдакъ, сынъ хапа Акбарчи, 83.
 Хай-коу (морскіе разбойники), прозваніе монг. племени, 145, 150.
 Хай-панъ, мѣстность, 199.
 Хай-си-хоу, титулъ, 12.
 Хай-гупъ, внукухъ, 39, 40.
 Хай-цзинъ, мѣстность, 178.
 Хай-чжоу, округъ, 203.
 Ха-ла-чжэнь (Харачинъ), племя, 52, 215.
 Хами, княжество, 28, 43, 44, 46, 53—56, 58, 60, 81, 92, 95, 125, 126, 128, 130—133, 136—138, 140, 141, 152.
 Ха-мбй-ли, княжество, 43.
 Хань-дунъ, id., 43, 137.
 Хань-нанъ (т. е. Опонъ), рѣка, 36.
 Хань-шэнь, князь, сынъ Ба-та-му-эрр'а, 94, 125, 127, 129, 130, 131, 132.
 Ха-чжоу-эрр'ъ, китайскій перебѣжникъ, 164.
 Ха-чжэ-шэ-ли, монг. полководецъ, 16.
 Ха-эрр'ъ-у-дай, монг. главарь, 30.
 Хо-ло-чи, главарь, 207, 210, 211, 212.
 Хонхолай, id., 112.
 Хотанъ, государство, 98.
 Хоу-цянь, кит. чиновникъ, 135, 136.
 Хо-чжоу, княжество, 98.
 Хо-шай (сынъ Тологан'я), 119, 121.
 Хо-эрр'ъ-ху-да, сынъ Эселя, 91.
 Хуа-ма-чи, мѣстность, 25, 124.
 Хуай-анъ, id., 146.
 Хуай-ванъ (эсэнъ), 53.
 Хуай-жоу, мѣстность, 164.
 Хуай-жэнь-чуанъ, ib., 169.
 Хуай-лай, мѣстность и городъ, 67, 163.
 Хуай-юанъ, мѣстность, 213.
 Хуанъ-тай-цзи, князь, 180, 194, 196, 200, 205.
 Хуанъ-фу-чуанъ, крѣпость, 102.
 Хуанъ-хэ (желтая рѣка), 2, 4, 22, 27, 83, 90, 91, 102, 115, 151, 152, 153, 156, 178.
 Ху-бэй, провинція, 196.
- Ху-дунъ-ту, монгольскій князь, 213, 214, 216, 217.
 Хуй-пинъ, уѣздъ, 142.
 Хуй-хэ, мѣстность, 177.
 Хуй-чжоу, округъ и укрѣпленный городъ, 10, 177.
 Ху-ла-банъ-ху, главарь, 30.
 Ху-ланъ-ху-ши-вэнь, мѣстность, 38.
 Ху-ванъ, провинція, 196.
 Хунъ-си, императоръ, 46, 47.
 Хунъ-ту-чэнь, мѣстность, 203.
 Хунъ-у, императоръ, 1, 4, 6—8, 15, 17, 29, 43, 56.
 Хунъ-цзы-пу, мѣстечко, 197.
 Хунъ-чи, императоръ, 25, 116, 117, 141.
 Хунъ-янь-чи, озеро, 109.
 Хунъ-ду-ли-ха, племя, 196.
 Хунъ-юанъ, мѣстность, 114, 170.
 Хутухтай-сэцэнь-хунтайчи, князь, 198.
 Ху-чжэнь, цзунъ-бинъ (оф. чин.), 179.
 Хфй-линь, мѣстность, 16.
 Хфй-чунъ, цзунъ-бинъ (оф. чин.), 178.
 Хфй-шуй-юанъ, мѣстность, 154.
 Хфй-ши-танъ, предвод. монголовъ, 188, 200.
 Хэ-лапъ-шанъ, горы, 9, 24, 25, 119, 150, 153.
 Хэ-лю-коу, горный проходъ, 174.
 Хэ-нинъ, мѣстность, 2, 3, 5, 9.
 Хэ-нинъ-ванъ, титулъ, 38.
 Хэ-си, мѣстность, 195.
 Хэ-тао (Ордосъ), область, 22—24, 91, 102, 105, 107, 118, 120, 144, 151, 152, 195, 211, 218.
 Хэ-дой-сянь, мѣстность, 6.
- Цабдавъ, монголь, 81.
 Цаганъ-норъ, озеро, 49.
 Цагачинъ-асанъ-тайго, монг. княгиня, 157.
 Цзалайтъ, монг. племя, 211.
 Цзай-сай, монг. главарь, 212, 213, 214.
 Цзаругъ, монг. племя, 211.
 Цзи-нанъ, главарь, 151, 152, 153, 155, 162, 170.
- Цзи-нынъ, id., 189, 191, 195, 215.
 Цзинъ-ду-чжень, мѣстность, 36, 38.
 Цзинъ-шинъ, мѣстность, 182.
 Цзинъ-тай, императоръ, 71, 92, 102.
 Цзинъ-чжоу-фу, городъ, 18.
 Цзинъ-чуанъ-инъ, 203.
 Цзинъ-тай-ши, монг. князь, 214.
 Цзинъ-цзу-пу, 24.
 Цзинъ-чжоу, мѣстность, 170.
 Цзи-чжоу, область, 19—21, 140, 171, 172, 177, 178, 181, 191, 213.
 Цзи-чжэнь, мѣстность, 182.
 Цзо-вэй, id., 192.
 Цзонхава, реформаторъ буддизма, 198.
 Цзунъ-хуа-чжоу, 19.
 Цзы-гоу-пу, крѣпость, 171.
 Цзы-цзинъ-гуанъ, проходъ, 20, 69, 70, 158.
 Цзэнъ-сянь, погран. губернаторъ, 160, 161.
 Цзю-бянь-юй-ту, кит. сочиненіе, 4, 17, 20, 22, 25, 27, 28, 91.
 Цзюй-юпъ-гуанъ, проходъ, 3, 5, 19, 20, 21, 178.
 Цзянь-вэнь-цинъ, генераль, 4.
 Цзянь-жу-дунъ, ба-цзунъ (оф. чинъ), 180.
 Цзянь-инъ-сюнь, цзунъ-бинъ (воен. чинъ), 179.
 Цзянь-си, провинція, 196.
 Цзянь-су, id., 196.
 Цзянь-юанъ, цзунъ-бинъ (оф. чинъ), 128.
 Цзянь-вэнь, императоръ, 29.
 Цзя-цзинъ, id., 5, 150.
 Цзя-цзя-сы-ланъ, главарь, 94, 105, 109, 112, 118.
 Цзя-юй-гуанъ, горный проходъ и укрѣпленіе, 27, 136.
 Ци-ба, монг. князь, 96.
 Цинъ-чай-сюнь-фу-ду-юй-ши, титулъ губернатора, 27.
 Цинъ-чжоу, мѣстность, 10, 12, 203.
 Цинъ-шанъ, id., 199.
 Цинъ-янъ, id., 122.
 Цинъ-янь-фу, область, 24, 86, 170.

- Цань-лай, буддйскій монахъ, 97.
 Цань-хэ-пу, мѣстность, 123.
 Цань-чай-цзунь-ду-ляо-цзи-ду-юй-ши, титулъ генераль-губернатора, 19.
 Цинь-пинь-пу, укрѣпленіе, 159.
 Цинь-чай-сюнь-фу-бао-динь-дэнь-чу-ду-юй-ши, титулъ губернатора, 21.
 Ци-цзи-гуань, кит. военачальникъ, 203.
 Ци-динь-ха, князь, 205.
 Ци-вань-ши-цзя, id., 58, 95.
 Цюань, царскій сынъ, 15.
 Цюй-ли-хэ, рѣка, 41.
 Цюй-сянь, поселеніе, 43.
 Цю-фу, кит. военачальникъ, 35.
 Цю-фу, кит. измѣнникъ, 173, 180.
 Цянь-цзы-линь, переваль, 179.
 Цянь-ань-сянь, уѣздъ обл. юнь-пинь-фу, 174.
 Цянь-ху, военн. чинъ, 192.
 Ця-тай-цзи, князь, 194.
 Чань-динь-пу, мѣстность, 201.
 Чань-мао, кит. военачальникъ, 11.
 Чань-шэнь-пу, мѣстность, 201.
 Чань-юй-чунь, кит. полководецъ, 1, 2.
 Чань-ань, главарь, 200, 206.
 Чань-пинь-чжоу, городъ, 19.
 Чао-хуа (Чахары), племя, 200, 209 — 211, 213.
 Чао-хэ-чуань, мѣстность, 164.
 Ча-хань-а-ла-гѣ-эррь, id., 131.
 Чахары, монг. племя, 214, 216, 217.
 Чжунь-и, губернаторъ, 143, 144.
 Чжань-мао-шань, мѣстность, 7.
 Чжань-хай, ши-лань, чин. зв., 135, 136.
 Чжань-цзунь-хэнь, губернаторъ, 216.
 Чжань-цзя-коу (Калганъ) проходъ и городъ, 193, 196.
 Чжань-чэнь-сюнь, цзунь-бинь (оф. чинь), 176.
 Чжань-юнь, свдухъ, 145.
 Чжань-хунь, ю-цзи (оф. чинь), 173.
 Чжао-го-чжунь, цзунь-бинь (оф. чинь), 170.
 Чжао-гэ, 178.
 Чжао-жунь, ши-лань, чинов. ст., 74.
 Чжао-фу, главнокомандующій, 106.
 Чжао-цюань, кит. измѣнникъ, 181.
 Чжао-ши-чунь, начальникъ кит. войскъ, 170, 171.
 Чжи-ли, провинція, 15, 28, 114, 123, 146.
 Чжи-хуй, офиц. чинь, 92, 154, 169, 191, 194.
 Чжи-юань, чин. званіе, 32.
 Чжо-бу-ду, хамйскій главарь, 132.
 Чжо-ли-ту, id., 210, 211.
 Чжоу-го-чжоу, военачальникъ, 210.
 Чжоу-юань, выходець изъ Китая, 173.
 Чжоу-юй, начальникъ, 130.
 Чжо-чи, главарь, 61.
 Чжуань-ту-лай, id., 207.
 Чжунь-шунь-фу-жэнь, титулъ монгольской княгини, 206.
 Чжэнь-дэ, императоръ, 141, 147.
 Чжэнь-туань, id., 46, 50, 51, 52, 60, 62.
 Чжэнь-цянь-ху, воен. званіе, 194.
 Чжэнь-бэй-коу, проходъ, 24.
 Чжэнь-п-со, укрѣпленіе, 142.
 Чжэнь-тэмурь, сынъ А-хэй-ма, 140, 141.
 Чжэнь-у-пу, мѣстность, 209.
 Чжэнь-фань-вэй, военное поселеніе, 25, 26.
 Чжэнь-хунь, военачальникъ, 101.
 Чжуань-лапъ, мѣстность, 153.
 Чжуань-лапъ-вэй, военное поселеніе, 25, 26.
 Чжунь-вэй, укрѣпленіе, 24.
 Чжунь-и-вань, кит. титулъ, 53, 54.
 Чжунь-шунь-вань, кит. титулъ, 44, 53, 54, 92, 130, 134, 141.
 Чжунь-шунь-фу-жэнь, титулъ княгини, 212.
 Чжунь-юнь-вань, кит. титулъ, 41.
 Чжу-юань-чжань, основатель минской династии, 1.
 Чжу-хуй, кит. военачальникъ, 120, 122.
 Чжу-юнь, id., 51, 63, 67.

- Чи-бу, хань-дун'скій главарь, 127.
 Чингисъ, монгольскій завоеватель, 1.
 Чи-цзинь, область и племя, 57.
 Чи-чэнь-сянь, городъ, 48, 66, 170, 176.
 Чо-эррь-цзя, главарь, 95.
 Чоу-дуань, кит. полководецъ, 165, 166.
 Чоу-юэ, кит. военачальникъ, 145.
 Чуль-чжэнь, императоръ, 215.
 Чэ-ли-кэ, главарь ойратовъ, 91.
 Чэнь-вань, императоръ, 71.
 Чэнь-вань-ли, цензоръ, 104.
 Чэнь-сянь, чин. званіе, 32.
 Чэнь-сюань, цензоръ, 100.
 Чэнь-хуа, императоръ, 57, 99, 101, 114.
 Чэ-чэ-эррь-шань, гора, 17.
 Чэ-шань, гора, 201.
 Ша-мо, степь, 32, 91.
 Шань-бу-эррь-цзя, 95.
 Шань-хай-гуань, крѣпость, 19.
 Шань-ба, главарь, 133 — 136, 138 — 141.
 Шань-бао, кит. военачальникъ, 175.
 Шань-гу, главарь, 149.
 Шань-дань, округъ и военное поселеніе, 26, 27, 118.
 Шань-си, провинція, 2, 6, 16, 21, 22, 114, 115, 123, 145, 155, 156, 158, 181, 215.
 Шань-чжуань-пу, мѣстность, 41.
 Ша-цзи, монг. главарь, 211.
 Ша-чжоу, поселеніе, 43, 57, 58.
 Ша-чжоу, округъ, 137.
 Ша-бяо, военачальникъ, 86.
 Ши-дао, кит. комиссаръ, 163, 169.
 Ши-ду-эррь, монг. полководецъ, 4.
 Шивэрь-тайго, монг. княгиня, 148.
 Ши-ла-хань, монг. предводитель, 5.
 Ши-линь, чиновникъ, 120, 122.
 Ши-линь-гуань, проходъ, 155.
 Ши-лѣ-мынь, монг. сановникъ, 13.
 Ши-нѣ-гань, монг. князь, 49.
 Ши-тянь-цзю, монг. посланецъ, 155, 156.
 Ши-хэнь, кит. военачальникъ, 66.
 Ши-чэнь, мѣстность, 50.
 Ши-чжоу, id., 155, 182.
 Шо-пинь, id., 114.
 Шоу-бэй, воен. чин., 201.
 Шоу-линь-гэ, главарь, 174.
 Шоу-цзянь, чиновникъ, 38.
 Шо-чжоу, округъ, 6, 145, 147, 156, 182.
 Шуй-тапъ, мѣстность, 207.
 Шуй-цюань-инь, мѣстечко, 197.
 Шу-ли-кэ, монг. князь, 206, 207, 210 — 212.
 Шунь-ди, императоръ, 34.
 Шунь-и, городокъ, 164.
 Шунь-и, область, 179.
 Шунь-пинь-вань, званіе, 35, 40.
 Шунь-шэнь-чуань, мѣстность, 114.
 Шэнь-цзинь (Мукдэнъ), пров., 15, 18.
 Шэнь-си, провинція, 8, 72, 86, 87, 106, 144, 160, 163, 174, 178, 195, 209, 215.
 Ё-кэ-линь-ча-эррь-дань, мѣстность, 51.
 Ё-ми-ли-хо-чжэ, владѣлецъ турфана, 98.
 Ё-мэнь-сюнь, пограничный губернаторъ, 209.
 Ё-су-дѣ-эррь, военачальникъ, 14.
 Ё-сянь-ту-цань, монг. князь, 41.
 Элбэнь-хань, монг. князь, 15, 31.
 Эсень, ойратскій князь, 53, 59, 60, 61 — 64, 66, 68 — 72, 75, 79, 81, 82, 96.
 Юань, династическое имя, 32, 33.
 Ю-вэй, укрѣпленіе, 175.
 Юй-линь, область, 23, 24, 87, 109, 146.
 Юй-му-чуань, мѣстность, 42.
 Юй-цзянь, кит. министръ, 69, 70, 72, 81, 82, 92, 96.
 Юй-чжоу, мѣстность, 157.
 Юнь-ло, императоръ, 16, 20, 21, 29 — 32, 34, 36, 39, 40, 42, 43, 46, 47, 57, 110.

- Юнь-нинь, крѣпость, 153.
Юнь-пинь, мѣстность, 29, 163, 174.
Юнь-пинь-фу, область, 90.
Юнь-чань, мѣстность и военн. поселеніе, 5, 25, 26.
Юнь-чань-сянь, уѣздъ пров. Гань-су, 176.
Юнь-шас-бу, племя, 196, 209.
Юнь-чжоу, городъ, 48.
- Яй-цзы-чуань, мѣстность, 88.
Я-лань, военачальникъ, 126, 129, 132, 135, 136.
Янь-бо, генер.-губернаторъ, 171, 172, 176.
Янь-и-цинъ, главвозав. дѣлами на границѣ, 142, 143.
Янь-синъ, кит. полководецъ, 87.
Янь-сунъ (Да-сѣ-ши) министръ, 165, 166.
Янь-сюань, губернаторъ, 176, 179.
Янь-хань, главарь, 130, 131.
Янь-хэ, мѣстность, 66, 69, 146, 157, 159.
- Янь-цзи-шэнь, кит. чиновникъ, 167.
Янь-цзэнъ, евнухъ, 166.
Янь-динь, мѣстность, 102.
Янь-чжу, чиновникъ, 137.
Янь-шапъ, id., 75, 81.
Янь-ань, область, 8, 62, 101, 170.
Янь-ванъ, кит. князь, 16, 17, 29, 30.
Янь-мынь, проходъ и укрѣпленіе, 4, 22, 156, 158.
Янь-суй, (т. е. Янь-ань-фу и Суй-дэ-чжоу), область, 103, 106, 119, 157, 170, 178, 214, 217.
Янь-чжапъ, главарь, 57.
Янь-шань, цензоръ, 74.
Янь-шунь, генер.-губернаторъ, 175.
Яо-эррѣ-линь, мѣстность, 67.
- De la Marre, историкъ, III.
Howorth, id., III, 33, 34.
Mailla, P. de, id., III, 69.
Petis de la Croix, писатель, 34.
Schmidt, ориенталистъ, II, 33.